

KANT

SOCIAL
SCIENCES
& HUMANITIES SERIES

5.4. SOCIOLOGY
5.5. POLITICAL SCIENCE
5.10. ART HISTORY
AND CULTUROLOGY

ISSN 2305-8757

УЯЗВИМОЕ БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА:
НАУЧНЫЙ ОБЗОР БЛИЖАЙШИХ ПРОГНОЗОВ •
БЕССРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ • ВЫМИРАНИЕ И КОНЕЦ
БУДУЩЕГО • РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА "ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ" В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ • ЦИФРОВОЙ ДОПИНГ ДЛЯ ИСТОРИКОВ:
МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ИСТОРИЮ, ПАМЯТЬ И
ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ИСКУССТВЕННЫМ
ИНТЕЛЛЕКТОМ? • СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КИТАЕВЕДЕНИЯ (XVI-XIX ВВ.) • "БЕЗОПАСНО ЛИ
РЯДОМ С ТЕОРИЕЙ НЕГАТИВНОГО УТИЛИТАРИЗМА?"

Научный рецензируемый журнал открытого доступа, выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь).

Индексируется РИНЦ. Входит в Перечень ВАК под номером 56. Издание предоставляет возможность опубликовать статью

с результатами научных исследований по следующим отраслям наук:

5.4. Социология; 5.5. Политология;
5.10. Искусствоведение и культурология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО "Издательство

СТАВРОЛИТ"

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Григорьев Анатолий Федорович, д-р культурологии, профессор

Боташева Асият Казиевна, д-р полит. н., доц.,
Пятигорский государственный университет
(Пятигорск)

Буксикова Ольга Борисовна, д-р
искусствоведения, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

Грачев Сергей Иванович, д-р полит. н., проф.,
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского (Н. Новгород)

Комуцци Людмила Владимировна, д-р
филос. н., проф., Севастопольский
государственный университет (Севастополь,
Республика Крым)

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. н.,
проф., Севастопольский государственный
университет (Севастополь, Республика Крым)

Костина Анна Владимировна, д-р
культурологии, д-р филос. н., проф., Московский
гуманитарный университет (Москва)

Лю Сюянь, д-р филолог. н., проф.,
Полицейская академия при Министерстве
общественной безопасности КНР (Пекин)

Маслова Татьяна Федоровна, д-р социол. н.,
проф., Северо-Кавказский социальный институт
(Ставрополь)

Петров Владимир Николаевич, д-р
социологических наук, проф., Кубанский
государственный университет (Краснодар)

Праххакара Джатъяло Рао, профессор
лингвистики, Центральный университет
Хайдерабада (Хайберабат)

Рахаев Анатолий Измаилович, д-р
искусствоведения, проф., этномузыковед,
Северо-Кавказский государственный институт
искусств (Нальчик)

Саламзаде Эртегин Абдулвагаб оглы, д-р
искусствоведения, проф., Национальной
академии наук Азербайджана, член-кор.
Национальной академии наук
Азербайджана (Баку)

Сраджев Виктор Пулатович, д-р
искусствоведения, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

Шемякина Мария Константиновна, д-р
культурологии, проф., Белгородский
государственный университет искусств
и культуры (Белгород)

ИЗДАТЕЛЬ: ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"

ИНН/КПП 2635120079/263501001

Адрес изд-ва и редакции: 355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44; Тел.: 8(962 4) 52-84-02

E-mail: info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru; Сайт: stavrolit.ru

© "KANT: social science & humanities", 2023, № 1(13), 1-100 с.

Выпускающий редактор А.Д. Григорьева

Дизайн обложки М.А. Мирошниченко

Техническое редактирование и верстка П.В. Арсентьева

Корректура К.Д. Ковтуна

Подписано в печать 05.01.2023. Выход в свет 20.02.2023. Формат 70 x 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 100 экз. Заказ № 606. Свободная цена.

Уважаемые читатели!

KANT: Social science & Humanitarian
фокусируется на специальных и общих
теоретико-методологических подходах,
характерных для социально-гуманитар-
ных исследований.

Журнал поощряет междисциплинарный подход, связывающий музыку, архитектуру, изобразительное искусство, литературу и социальную и интеллектуальную историю, а также симптоматично отражающие изменения в обществе и культурные последствия.

Широкая сфера охвата журнала способствует диалогу о научных проблемах, затрагивающих в различной степени эти области. Каждый выпуск содержит подборку исследований, а также рецензии на недавно вышедшие книги и фильмы.

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, отвечающие общим академическим требованиям (аргументированность, структурированность, оригинальность, логичность, согласованность), а кроме того должны быть написаны ясным, живым академическим языком, доступным для понимания в том числе неспециалистом.

*Шеф-редактор журнала,
к.полит.н. М.А. Григорьева*

Содержание

Григорьева М.А., Григорьев А.Ф. Уязвимое будущее цифрового общества: научный обзор ближайших прогнозов -----	4
Сун-ха Х. Бессрочные прогнозы -----	18
Йёргенсен Д. Вымирание и конец будущего -----	37
Азаренкова А.А. Реализация геополитического проекта "Великая Румыния" в современных условиях -----	48
Канштайнер В. Цифровой допинг для историков: можно ли сделать историю, память и историческую теорию искусственным интеллектом? -----	56
Олешкевич Т.А. Идентификационные стратегии представителей этнических групп вузовской среды Юга России -----	71
Рудометова А.Ю., Темирбулатова А.С., Кравченко Е.Н. Становление отечественного китаеведения (XVI-XIX вв.) -----	82
Григорьева М.А. "Безопасно ли рядом с теорией негативного утилитаризма?": рецензия на статью Саймона Кнутссона "Аргумент разрушения мира" -----	90

Contents

Grigoryeva M.A., Grigoriev A.F. The vulnerable future of the digital society: A scientific review of immediate forecasts -----	4
Sun-ha H. Predictions without futures -----	18
Jørgensen D. Extinction and the end of futures -----	37
Azarenkova A.A. Implementation of the "Greater Romania" geopolitical project in modern circumstances -----	48
Kansteiner W. Digital doping for historians: can history, memory, and historical theory be rendered artificially intelligent? -----	56
Oleshkevich T.A. Identification Strategies of Representatives of Ethnic Groups in the University Environment of the South of Russia -----	71
Rudometova A.Y., Temirbulatova A.S., Kravchenko E.N. Formation of Chinese studies in Russia (16th-19th century) -----	82
Grigorieva M.A. "Is it safe to be around the theory of negative utilitarianism?": A review of article "The World Destruction Argument" by Simon Knutsson -----	90

"И ТЁПЛЫМ БЫЛ РУКОПОЖАТЬЯ ЗНАК"

(Рецензии на поэтические книги
серии "На Кавказе")

Мосты, паровые двигатели, кондиционеры, как плоды трудов математиков, инженеров, физиков, снимают вопрос: в чем смысл математики, физики. Мы едем на машине, и математика нам кажется необходимой вещью. Но если мы хотим "ехать" сами собой без машины – двигаться и жить дальше, чувствовать и воспринимать мир, нам нужно большое поэтическое Слово, которое работает как топливо.

"Лес не шумел.
Его покоил снег
сугробами с московской барахолки,
глазок дупла,
лыжни двойной разбег
и тропок разносолы,
разнотолки.
Здесь лапы колкие при всех
тянули дрессированные ёлки.
Попробуй не ответь!
Из-под смолистых век
стращали кабаны и даже волки.
Я не чуралась их.
Я – не чужак.
И тёплым был рукопожатья знак,
почти взаимность в нежности дремучей."

(Галина Климова "Сказуемое несовершенного вида", 2020)

Климова, Г. Сказуемое несовершенного вида
[Текст] : избранные стихотворения / Г. Климова.
– Ставрополь : Ставролит, 2020. – 164 с.; илл. –
Серия «На Кавказе».

От автора

Войти – как в возраст – в первую десятку. Это десятая книга моих стихов, если вести счет от самиздатского машинописного сборника с цветастым названием «Мерцающий пунктир» (1969), изданного в единственном экземпляре подругой и эзотерической читательницей Таней Писменной ко дню моего рождения. Чуть больше двадцати стихотворений – тогда почти полное собрание сочинений Галки (Златы) Златиной. И я – как на ладони.

«Сказуемое несовершенного вида» – малое собрание избранных стихотворений, которым выпало другая жизнь и судьба. Многие зазвучали на других языках, но без отчуждения – такие же родные. И я опять – как на ладони.

Поэзия остается прежде всего симфонией звуков и смыслов, великим содружеством знаков и метафизики слов.

Именем содружества объединена серия поэтических книг "На Кавказе". В серии в разные годы вышли шесть поэтических сборников авторов, которые живут в разных уголках мира: Станислава Ливинского и Эгвины Фет из Северного Кавказа, Андрея Грицмана и

Григория Стариковского из Нью-Йорка, Галины Климовой из Москвы, Юлии Шокол из Вены, Каната Омара из Астаны, Анастасии Волковой из Екатеринбурга. Сейчас к выходу готовится сборник стихов Дмитрия Веденяпина.

Мы предлагаем читателю познакомиться с опытом интерпретации поэтических книг из серии "На Кавказе", чтобы составить собственное представление о них, в продолжение предыдущего обзора.

О серии: Евгений Абдуллаев. "Приют пиров, ничем невозмутимых...". О новых поэтических сериях и сборниках 2020 года. Опубликовано в журнале Дружба Народов, номер 3, 2021.

Книга: Климова, Г. Сказуемое несовершенного вида [Текст] : избранные стихотворения / Г. Климова. – Ставрополь : Ставролит, 2020. – 164 с. ; илл. – Серия "На Кавказе".

Рецензии: Дмитрий Артис. Скрипка Страдивари (о книге Г. Климовой "Сказуемое несовершенного вида"). Опубликовано в журнале Дружба Народов, номер 10, 2020.

Константин Комаров. Общезнание добра (о книге Г. Климовой "Сказуемое несовершенного вида"). Опубликовано в журнале Знамя, номер 3, 2021.

Книга: Шокол, Ю. Зверотравы [Текст] : стихи / Ю. Шокол. – Ставрополь : Ставролит, 2021. – 96 с. ; илл. – Серия "На Кавказе".

Рецензии: Валерия Чуйкова. Корневая система поэзии Юлии Шокол. О книге

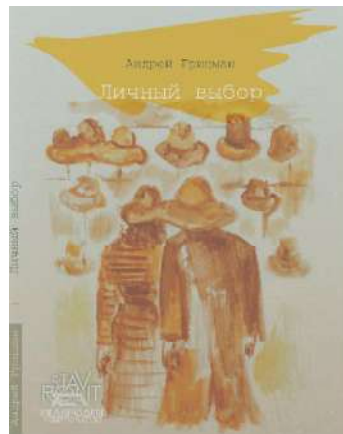
Юлии Шокол "Зверотравы". Опубликовано в журнале Эмигрантская лира, номер 3(39), 2022.

Шокол, Ю. Зверотравы [Текст] : стихи / Ю. Шокол. – Ставрополь : Ставролит, 2021. – 96 с. ; илл. – Серия «На Кавказе».

«Перед нами – поэтика освоения, проще говоря, познания не только себя и мира, но и, прежде всего, возможностей языка. Речь поэта автономна – звучание голоса нарастает. Примечательны негации в идеалах, финальных строчках, отрицанием подчеркивающие проговоренное, еле заметны, без ударного рыка, уравновешивающие дихотомии. И тогда – догадка приравнивается к уверенному знанию: «шебечет нам, что бога больше нет / ни для кого, а значит, точно хватит / его на всех». Рифмы иногда точные, иногда приблизительные, фонетические или составные: «волнение» / «во мне ли он», «эпиграммальность» / «чуждая» / «оцифрованы...». И в такой музыкальной фрагментарности поэтической речи, в ее эмоциональных оборотах – столько звуковой выразительности, что смысл произносимого уловим уже в самом звукооде. Собственно такое новаторство в поэзии видится единственно необходимым и естественным. А на него способны лишь «траворастущие» – животворящие – слово.» Марина Гарбер

Даниил Чкония. Умирая за каждого и обнимая всех. Рецензия на книгу Юлии Шокол "Зверотравы". Опубликовано в журнале Эмигрантская лира, номер 3(39), 2022.

Грицман, А. Личный выбор [Текст] : стихи / А. Грицман. – Ставрополь : Ставролит, 2019. – 84 с. ; илл. – Серия «На Кавказе».

«Личный выбор» – это сборник избранных стихотворений, составленный по личному приглашению издательства «Ставролит». Этот замечательный случай, когда автору дана свобода выбора. Зная, у каждого сочиняющего есть свои собственные любимые вещи, или имеющие особое значение. И это не любовь к себе дорогому, а к стихам. Стихи ведь, когда вылетают, живут сами по себе, своей непредсказуемой птичьей жизнью. Так и у меня: есть много стихов других поэтов, живущих и ушедших, которые я люблю особо, лично. А является ли эта любовь к своим стихам объективной или нет, судить читателю, который, может быть, и найдет что-то свое в этом сборнике.

Книга: Грицман, А. Личный выбор [Текст] : стихи / А. Грицман. – Ставрополь : Ставролит, 2019. – 84 с. ; илл. – Серия "На Кавказе".

Рецензия: Даниил Чкония. Личный выбор Андрея Грицмана. Рецензия на книгу Андрея Грицмана "Личный выбор". Опубликовано в журнале Эмигрантская лира, номер 3(39), 2022.

Grigorieva Marina Anatolievna, PhD of Political sciences, Chief-editor of the scientific journal "KANT", Director of Publishing house "Stavrolit", Stavropol

Grigorev Anatoly Fedorovich, DSc of Cultural science, PhD of Pedagogical science, Professor, Professor of Cultural science MAN, Honored worker of Arts ChR, member of the Union of composers of the Russian Federation, editor-in-chief of magazine "KANT"; Professor Department of Theory and Technique of Music Education, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

Within the framework of this article, a retrospective review of scientific articles published in the Kant journal for 2021 and 2022 is carried out, devoted to the problems of the information society and the ideas of universalism based on the neocolonial policy of speech, creative thinking, education and digital competencies in the socio-cultural space in an interdisciplinary aspect. The global collectivist society goes online, via the Internet without borders, through a closely integrated global economy with virtual money, a technological architecture that defines the political, economic and socio-cultural space. These aspects deeply affect the problems of the insecurity of the surrounding digital field, its parasitic functions and defective consequences in the field of education.

Keywords: technologization; digitalization; pedagogical space; pedagogical technologies; educational priorities; project activities; electronic information educational system; model of application of online services; the surrounding digital field; integrated global economy; networks of digital cells; ideas of universalism; neocolonial policy of the word; creative thinking; digital competencies.

EDN: EXLUIQ; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-13.1

УДК 130.2

БАК 5.10.1

УЯЗВИМОЕ БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: НАУЧНЫЙ ОБЗОР БЛИЖАЙШИХ ПРОГНОЗОВ

© Григорьева М.А., 2023

© Григорьев А.Ф., 2023

В рамках данной статьи осуществляется ретроспективный обзор научных статей, опубликованных в журнале "KANT" за 2021 и 2022 год, посвященных проблематике информационного общества и идеям универсализма, основанным на неокOLONIALНОЙ политике слова, креативного мышления, образования и цифровых компетенций в социокультурном пространстве в междисциплинарном аспекте. Глобальное коллективистское общество выходит в онлайн, через Интернет без границ, через тесно интегрированную глобальную экономику с виртуальными деньгами, технологической архитектурой, которая определяет политическое, экономическое и социокультурное пространство. Данные аспекты глубоко затрагивают проблематику незащищенности окружающего цифрового поля, его паразитирующих функций и дефективных последствий в области образования.

Ключевые слова: технологизация; цифровизация; педагогическое пространство; педагогические технологии; образовательные приоритеты; проектная деятельность; электронная информационная образовательная система; модель применения онлайн-сервисов; окружающее цифровое поле; интегрированная глобальная экономика; сети цифровых ячеек; идей универсализма; неокOLONIALНАЯ политика слова; креативное мышление; цифровые компетенции.

Нет нужды сообщать здесь, что изменения в мире происходят быстрее, чем мы успеваем осознать их, и, очевидно, скорость их будет только нарастать. С момента, как перемены стали заметными в течение жизни одного индивида, будущее превратилось в место назначения. Неумолимая лавина новых технологий означает, что мы сейчас живем не в настоящем, а в будущем. "Будущее" наступило.

Хотя мы не можем предсказать, что произойдет в далеком будущем, мы знаем, что все самые невообразимые замыслы в итоге воплотятся в реальность и станут не только правдоподобными, но обыденными. Поэтому мы можем исключить невозможное из наших прогнозов, оставив только *возможное*. Царство всего возможного – это всего лишь общий вектор потенциальных путей и может включать такие фантасмагорические изобретения, как летающие автомобили и плащи-невидимки. Другая ключевая вещь, которую мы знаем о будущем, состоит в том, что, чем бы оно ни было, оно наступит одним рывком после очередного технологического скачка. Именно поэтому наша обзорная статья будет объединять проблемы информационного общества и идей универсализма, основанных на неокOLONиальной политике слова, креативного мышления, образования и цифровых компетенций.

Коммунальные аспекты цифровой культуры носят глубокий и широкий характер, как новая форма социализма,¹ при которой глобальное коллективистское общество выходит в онлайн, через Интернет без границ, через тесно интегрированную глобальную экономику с виртуальными деньгами, технологической архитектурой, которая определяет политическое пространство. За исключением того, что новая форма социализма носит не идеологический, а чисто инструментальный характер, как спектр установок, методов, которые способствуют сотрудничеству, обмену, агрегации, координации и множеству других новых видов социального сотрудничества. Естественным условием существования такого цифрового общества выступает усиленное наблюдение за жизнью каждого индивида, которое он поручает технологиям, подключая себя к сети цифровых ячеек. Три исследования, которые в достаточной мере раскрывают разновидности социальной прозрачности [1, 35-51], затрагивают вопрос нарушения частной сферы не только для осуществления контроля, но в большей степени для улучшения модели человеческого общежития. Мэдлин Г. Джонсон [11, 22-43] называет это "кодом города", в то время как Стивен Фельдштейн видит в этом "дорогу в цифровой несвободе" [29, 39-51]. И хотя мир тотального наблюдения понижает уровень безопасности каждой ячейки по отдельности, в то же время механизм тотального наблюдения заставляет общество стать еще более социальным и что еще более важно, это дарит иллюзию некоторой защищенности, когда каждый ощущает себя частью глобального социального организма.

¹ Примерно так, как мы помним, десять лет назад предлагал представить себе новое общество футуролог и журналист Кевин Келли. См.: Kelly K. The New Socialism: Global Collectivist Society Is Coming Online // Wired, vol. 17, no. 6, May 22, 2009. Режим доступа: <https://www.wired.com/2009/05/new-socialism/> (дата обращения: 20.12.2022)

ГРИГОРЬЕВА

Марина

Анатольевна,

кандидат политических

наук, шеф-редактор

научного журнала

"KANT", директор

Издательства

"Ставролит", Ставрополь

ГРИГОРЬЕВ

Анатолий

Федорович, доктор

культурологии, кандидат

педагогических наук,

профессор (ВАК),

профессор культурологии

МАН (Сан-Марино),

заслуженный деятель

искусств Чеченской

Республики, член Союза

композиторов Российской

Федерации, главный

редактор журнала

"KANT"; заведующий

Кафедрой музыки и

социально-художествен-

ного образования,

Ставропольский государ-

ственный педагогический

институт, Ставрополь

Когда технология меняется, она неизбежно искажает культуру, предлагая более полифоничный дискурс, шум,² и в то же время она по-прежнему функционирует на симбиотической основе, когда клетки социального организма глобальной информационной сети действуют как одно целое. Прежде всего, чтобы эти изменения прижились и дали свои плоды, они внедряются через систему образования. Цифровая культура была незамедлительно вживлена в социальное тело, превратив новую педагогику в один из мощнейших пропагандистов системы образования.³ Роботизированные технологии стали частью нашей повседневной жизни, но совершенно иначе, чем в научной фантастике. Мы используем роботов-пылесосов для уборки, мы просим умных помощников ответить на наши вопросы и даже обращаемся за помощью к роботам в продуктовом магазине. И если в научной фантастике мы рассматриваем технологии как отдельных агентов, преследующих собственные интересы, то в реальном мире мы, напротив, рассматриваем технологии как продолжение самих себя: как инструменты, которые помогают нам достигать наших целей, помнить о наших важных событиях или ду-

КОММУНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НОСЯТ ГЛУБОКИЙ
И ШИРОКИЙ ХАРАКТЕР,
КАК НОВАЯ ФОРМА
СОЦИАЛИЗМА, ПРИ
КОТОРОЙ ГЛОБАЛЬНОЕ
КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ
ОБЩЕСТВО ВЫХОДИТ
В ОНЛАЙН, ЧЕРЕЗ
ИНТЕРНЕТ БЕЗ ГРАНИЦ,
ЧЕРЕЗ ТЕСНО
ИНТЕГРИРОВАННУЮ
ГЛОБАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ
С ВИРТУАЛЬНЫМИ
ДЕНЬГАМИ,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
АРХИТЕКТУРОЙ, КОТОРАЯ
ОПРЕДЕЛЯЕТ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО.

мать от нашего имени. Но что случится, если в какой-то момент мы начнем относиться к робототехническим технологиям в нашей

собственной жизни не как к продолжению нас самих, а как к отдельным агентам? Захотели бы мы это сделать, если бы роботизированные технологии с самого начала были привычной частью нашей жизни?

Этот последний вопрос – это вполне вероятная ситуация, с которой сталкиваются многие дети в современном обществе. В раннем возрасте дети взаимодействуют с роботизированными технологиями во всех аспектах своей жизни: дома (например, Алиса, Siri, Google Ассистент), в видеоигре и в учебном классе.

Таким образом, вопрос заключается не в том, насколько сильно роботизи-

рованные технологии вторгаются в нашу жизнь, а в том, насколько они парализуют способность к собственным выборам, формированию убеждений, способность свободно мыслить и пользоваться технологическими инструментами в режиме запроса. Интересная возможность заключается в том, что дети относятся к таким интерактивным технологиям не как к артефактам или инструментам, используемым для расширения их собственных возможностей, а как к отдельным агентам со своим собственным разумом, опытом, чувствами и способностями к принятию решений. Вопрос, которому свою новую статью посвящают Тереза Маргарет Фланаган и Тама Кушнир [31, 179-204], позволяет нам взглянуть на технологии под другим углом, когда не мы используем технологии в своих интересах, но и технологии используют нас – в своих, с момента, когда

² Подробнее эта мысль раскрывается здесь: [10, С. 253, 256].

³ С нашей обзорной статьей по проблематике роли и значимости культуры в эволюции общества можно познакомиться в выпуске "KANT" №35: [8, 15-21]. О том, как цифровые технологии влияют на все сферы материальной и духовной жизнедеятельности человека и общества в целом, см. обзор: [9, 6-14].

мы допускаем мысль о наличии у них интересов. Несмотря на то, что Шелли М. Пак [33] рассматривает стремление окружить себя человекоподобными роботами-помощниками в качестве призрака колониальной политики, он приводит нас к той же мысли, что, сближаясь с технологиями и перенося на них модели социального взаимодействия, человек в итоге оказывается более уязвимым, несовершенным, слабым.

В этом выпуске социально-гуманитарной серии журнала "KANT" вслед за исследователем из Университета Саймона Фрейзера из Бернаби Сун-ха Хонгом [25] мы можем взглянуть на наше технобудущее как на шведский стол с предсказаниями, действительное буквальное воплощение которых не имеет столь принципиального значения, как сама идея такой возможности. Суть в том, как заверяет Сун-ха Хонг, этот союз революции и утопии и есть то, что определяет нашу технологическую культуру и поэтому будущее "открыто" и "бесконечно вытянуто по прямой". Тем временем, норвежская исследовательница Долли Йёргенсен [14] видит впереди конец эволюционной линии, потенциальный конец будущего. К счастью, она заверяет нас, что мы должны понимать это как "процесс с длительным и даже, возможно, обратимым переходом между существующим и исчезнувшим, а не как окончательную конечную точку".

Этот вопрос очень глубоко затрагивает проблематику незащищенности окружающего цифрового поля, его паразитирующих функций и дефективных последствий в области образования. Далее мы предлагаем обзор связанных с этим исследований, опубликованных в журнале "KANT" за последние два года, чтобы проследить общий ход научной мысли.

Предваряя обзор, мы должны подчеркнуть, что философское осмысление категорий свободы выбора, свободы мышления, потребность к познанию и творчеству чело-

века позволяет нам отчетливо понять значимость феномена креативности, обеспечивающей, в конечном итоге, творческие свершения человека во всей его многогранной жизнедеятельности: искусстве, культуре, образовании, науке, экономике и технологическом прогрессе человечества в целом.

И не случайно наш обзор мы начинаем со статьи И.М. Лаврухиной и И.В. Глушко, в которой анализируются изменения в понимании сущности и границ свободы, обусловленное спецификой рассмотрения свободы в философском и социально-политическом знании. [18, 115-120] Анализируя проблематику свободы, авторы включают категории свободы воли, творчества, границы человеческой свободы, пределы дозволенности, долга и ответственности, обеспечивающие человеку и обществу созидательную жизнедеятельность, направленную на креативное осмысление и инновационное развитие. В результате философского анализа авторами "отчетливо наблюдается сужение границ свободы: Свобода как Абсолют – социальная свобода как ментальная установка и социально запрограммированная возможность выбора вариантов действия – регулируемая свобода, ненасильственно принятая личностью схема поведения" [18, 115].

Статья С.П. Золотарева посвящена креативности и инновациям, использование которых обеспечивает современное общество научными открытиями и способны "избавить человечество от различных катастроф и угроз общественной стабильности как внутреннего конфликта интересов различных социальных групп, так и между государствами" [12, 110-115]. Автор отмечает, что "используя материальную природу и производя необходимые продукты, посредством создания новых технологий и механизмов на основе науки, человек превращает природные предметы в искусственные" [12, 112]. Проследивая взаимодействие между традиционной и инновационной формами мышления, автор формулирует интересные выводы о том, что "истинное объективное

мышление образовано на поступательном развитии бытия, которое становится источником нового направления онтологии на развитие, при определённом условии внутренней детерминацией, вызываемых ею процессов, которые не позволяют привести к катастрофе человека и мирового космоса" [12, 113]. И далее: "Если полагать, что бытие подвержено регрессивному направлению, то "наблюдается" определённая деградация мышления и творчества, сформулированные в софистике, посредством подмены истинности фактов на всякого рода условностями и выхолащивания познавательной и творческой деятельности личности" [12, 113].

Определяющей характеристикой сегодняшнего общества и культуры как таковой является присущая ей инновационность, отражающая деятельностный подход. С одной стороны, фиксируется творческая, креативная сущность человека, а с другой – позиционируется необходимость в формировании человека, способного отвечать вызовам современности, которые обусловлены новыми технологиями, глобализацией и проблемами демографии. [16, 115-122] О.В. Колесова осуществляет осмысление возможностей формирования креативного мышления, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации. Автор в своём видении опирается на духовные основания человеческой сущности. Понимание творчества и креативности представлено с аналогичных позиций как результат взаимодействия логического и интуитивного элементов мышления. Автором даётся детализация элементов мышления как выделение инструментов мышления, обозначено различие естественных и сконструированных инструментов мышления, отображена востребованность овладения инструментами мышления в определении главных задач образовательной системы, суммированы усилия, направленные на создание теоретико-методологических основ креативной педагогики и психологии в трудах отечественных и зару-

бежных исследователей, показано применение инструментов мышления в учебных процессах разных уровней. [16, 115-122]

Компьютеризация, информатизация и цифровизация современного мира стали, по убеждению Л.Т. Усмановой, Д.С. Сомова и М.К. Казакова, основой для появления новой системы обобщения, то есть философии информации. [27] Авторы, размышляя об исторических и философских истоках цифровой реальности, раскрывают взаимосвязь и место современных представлений о цифровой реальности в тысячелетней пифагорейской традиции и европейской культуре, основанной на логике и диалектике числа как метафизической сущности; реализуют попытку историко-философского рассмотрения феномена цифровой реальности; подтверждают выводы современных исследователей о ключевом значении этой философской традиции как особой системы мысли, определившей современные мировоззренческие, научные парадигмы и способствовавшей формированию социальной модели постиндустриального общества. В результате проведенного анализа философских источников было доказано, что "информация в нашем мире может рассматриваться как еще один вид движения материи, а Интернет – это не только "информационная технология", но и "универсальное социальное пространство", появившееся не в одночасье – с изобретением "прорывной" технологии, а результат столетиями приращиваемого научного знания" [27, 217].

Статья Ж.В. Федоровой посвящена исследованию практик ограничения/регулирования информации как механизма, обеспечивающего формирование социокультурного ландшафта, что актуально для любого, а особенно для информационного, типа общества. Автором подчеркивается, что "ограничение/регулирование как часть семантического поля цензуры представляют собой эффективный механизм социокультурных трансформаций и доказывается, что в цен-

зуре, изначально имеющей негативную функцию, присутствует момент позитивности: ограждая инкультурность, она порождает новые ценности" [28, 195]. В частности, по убеждению автора, "Цензура характеризуется как противоречивое социальное явление, коррелируемое с понятиями "культура", "власть", "социальность", "институционализация", "свобода", при этом "диапазон оценок цензуры и отношений к ней не отличается единообразием представлений – от отрицания (в контексте противопоставления свободе) до принятия и одобрения (как синонима порядка): свобода и несвобода, нравственность и безнравственность, культура и бескультурия – границы проблемного поля цензуры" [28, 195-199]. С точки зрения автора, "ограничение/регулирование имеют амбивалентный характер как формы ограничения свободы, с одной стороны, и "бескультурия" – с другой". По результатам исследования обоснованы положения о том, что "ограничение/регулирование – это постоянно действующий вневременной механизм контроля над культурой, человеком и обществом в целом" [28, 195-199].

В статье И.П. Малиновой исследованы методологические основания прогностики цивилизационных процессов, разработана концепция синергетических подходов к купированию факторов обострения ситуаций, характерных для информационных и экономических войн и проведен критический анализ концепций цивилизационного пессимизма и их влияния на цивилизационные процессы в масштабах планетарного социума. На основе теории социальной логики Габриэля Тарда разработаны модели обоснования в общественном сознании концептов цивилизационного оптимизма. [21, 135-140]

"ЧЕЛОВЕК XXI ВЕКА
ВЫНУЖДЕН БУДЕТ
ОСОЗНАТЬ НЕ ТОЛЬКО
СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ,
НО И ПАГУБНОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
БИОСФЕРЫ ДЛЯ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
КАТАСТРОФЫ".

В статье О.Е. Макеевой раскрываются подходы к сущности человека основателями русского космизма К.Э. Циолковским и В.И. Вернадским, учение которых относят к естественнонаучному направлению русского космизма, в период появления вектора технико-технологического развития человечества. [20] Идея целостного гармоничного подхода к материальному и духовному миру человека объединяла философское миро-

воззрение К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, которые рассматривали с объективных позиций человека и окружающий мир в единстве, а разум – источником покорения человеком Вселенной. Подходы К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского имеют много общего и характеризуются масштабностью взглядов на человека как на существо глобальное и космическое. В статье проводится сравнитель-

ный анализ учений К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, анализируется общее и различное. Более углубленное изучение философии К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского позволяет проследить взаимосвязь их своеобразных идей с глобальными подходами к микрокосмосу человека, понимания трансцендентных и духовных оснований философии космизма. Осуществляя историческую ретроспективу развития человека, автор как бы очерчивает человека через эпохи его развития: "Человек эпохи Сократа и Аристотеля с любопытством смотрел вокруг, осмысливал происходящее и делал робкие попытки сопоставления себя и окружающего мира, человек эпохи Возрождения расширял границы за счет веры в возможности саморазвития, человек начала XX века, опираясь на развитие научно-технологической мысли, уже пытался заглянуть в будущее. Позже человек XXI века будет уве-

рен в том, что в его распоряжении все современные достижения научно-технического прогресса, а в будущем будет еще больше космических открытий и планетарных исследований. Этот же человек XXI века вынужден будет осознать не только свои возможности, но и пагубное воздействие технологического развития и использования биосферы для предотвращения экологической катастрофы" [20, 161]. Завершая, автор ссылается на центральную идею космической этики Циолковского: "...только стремление материи к самоорганизации, союз "атомов-духов" и образует смысл развития Вселенной, способствует возникновению более высоких форм космического разума..." [20, 163].

Анализу основных направлений цифровой трансформации российской экономики посвящена статья О.Х. Казначеевой, И.В. Сеницыной, М.Г. Казначеевой. [15, 25-29] В результате исследования авторами выявлены конкретные первоочередные направления цифровизации экономики страны, доказана необходимость изменения подхода к цифровой экономике, предложены направления решения проблем, обусловленных радикальным изменением цифрового пространства, проанализированы направления, позволяющие улучшить основные макроэкономические показатели, а также разработан прикладной инструментарий управления и определения отправных точек их исследования. [15, 25-29] Авторы, в частности, отмечают "Использование цифровых технологий и создание цифровых платформ, пользователями которых могут исчисляться десятками и сотнями миллионов, принципиально могут изменить структуру финансовых систем государств, и возможно, предположить, что, в конце концов, повлияет на природу денег..." [15, 27]. И далее: "Применительно к России необходимость ускоренного развития цифровых технологий становится особенно актуальной на фоне ее вовлеченности в мировую экономическую систему, серьезного влияния интеграцион-

ных процессов и острой проблемы отсутствия иных источников роста благосостояния" [15, 27]. Авторами отмечены перспективные области цифровизации: развитие платежной системы и финансовых технологий; стимулирование ИТ-услуг и создание благоприятных условий для деятельности парка высоких технологий; совершенствование современных технологий, используемых в логистике и других областях, относящихся к экспорту транспортных услуг. [15, 29]

Необходимость модификации устоявшихся общественных структур, обусловленной институциональными изменениями для реализации общественного выбора в национальной экономической системе обосновывается в статье Я.И. Ваславского и И.Ю. Ваславской. [5, 22-29] Авторами отмечается, что "в связи с тем, что даже самые эффективные институты на определенных этапах экономического роста становятся неприемлемыми в ситуации со стагнирующими темпами экономической динамики, существует необходимость формирования государством структуры формальных институтов, способных сократить ареал распространения неформальных институтов" [5, 22]. В результате исследования сделан вывод о том, что "именно государству отводится роль центра, который должен учитывать стремление экономических агентов сократить объем трансакционных издержек с опорой на государство и его формальные институты" [5, 22-29].

Статья В.А. Старухина посвящена исследованию цифровизации как метода сокращения трансакционных издержек производственного предприятия. [24] В работе предложены элементы цифровизации для снижения трансакционных издержек поиска информации, ведения переговоров, измерения, заключения контракта. Автор отмечает, что "внедрение цифровых технологий в конкретные бизнес-задачи способствует оптимизации трансакционных издержек в современной институциональной среде" [24, 95]. В результате "установлена инфор-

мационная взаимосвязь структурных подразделений производственной компании в ходе выполнения своих функций на всех этапах производственного цикла от заготовки до сбыта, определены функциональные наполняющие подсистемы организационной структуры. Трансакционные издержки в соответствии с их классификацией структурированы по этим подсистемам, по ним представлены элементы цифровизации, рекомендуемые к использованию в бизнес-процессах производственной компании для сокращения ее трансакционных издержек. Внедрение процессов цифровизации бизнес-задач в управленческую структуру способствует повышению уровня обоснованности и скорости принимаемых решений в подсистемах организационной структуры компании" [24, 98].

Мыслительный процесс у человека не однозначно воспринимает категории "инновация" и "традиция", а при определённых обстоятельствах порождает противоречивость. С одной стороны, "традиция подчиняет себе инновацию, а с другой стороны, в иных обстоятельствах инновация доминирует над традицией" [12, 111]. Характеризуя данный процесс в образовании, С.И. Краснов, М.В. Михалева справедливо заметили, что "Человек не поспевает за ходом прогресса, переходя с пути интеллектуально-нравственного развития к накоплению подчас любой ценой средств жизнеобеспечения, превращая их в цель своего существования" [17, 246-250]. В этой обстановке резко возрастает роль образования как сферы, призванной поднять качество и возможности человека до уровня, соответствующего новой возросшей его ответственности в современном мире. [17, 246-250]

В настоящее время в образовании все больше обостряется противостояние традиционализма и модернизма, традиции и инновации, и вполне закономерно возникает вопрос кризиса современной системы образования, поскольку любой кризис это момент противостояния. диалектичес-

кая концепция способна "обнаружить" их внутреннюю возможность взаимообусловленности на основе традиций и инноваций в существующей для них культуре. [12, 110-115]

Одной из актуальных проблематик является осмысление образовательного пространства. Философскому анализу понятия "образовательное пространство" в эпоху постмодерна и определение места рассматриваемого феномена в системе современных образовательных практик посвящена статья Д.Н. Суховской. В статье дается концептуализация феномена "образовательное пространство" сквозь призму философских категорий пространства и времени, а также с учетом внешних условий среды и социально-экономических факторов, влияющих на его формирование. В результате выявлены вызовы формирования и эффективного функционирования образовательного пространства в постиндустриальную эпоху и перспективы его трансформации, направленные на повышение качества и возможностей образования и образовательных систем. [26, 166-171] Автор отмечает, что "в проектировании современного образовательного пространства необходимо учитывать и его социокультурное измерение, которое предполагает, что образовательное пространство должно иметь собственный когнитивный потенциал, вырабатывать среду для поэтапных преобразований, побуждать субъектов на получение новых знаний, умений навыков или на проявление творческой инициативы" [26, 166-171]. Анализируя современное образовательное пространство в России, автор подчеркивает: "Масштабная и комплексная система формирования образовательного пространства становится труднореализуемой задачей, поскольку существующая образовательная система содержит архаистические компоненты и сталкивается с множеством глобальных рисков... В качестве одного из главных аспектов создания современного образовательного пространства выступает требование бизнес-сектора на выработку соб-

ственных образовательных практик и систем неформализованного образования. Это вызвано разрывом, существующим в современном профессиональном образовании на разных уровнях и связанным с недостаточной практикоориентированностью получаемого в образовательных учреждениях знания" [26, 166-171]. Автор заключает: "Для формирования нового, более эффективного образовательного пространства необходимо выработать ориентиры, которые ищут многие современные философы" [26, 171].

Справедливо учеными отмечена актуальность внедрения современных цифровых технологий в образовательный процесс, поскольку в современном постиндустриальном обществе рост уровня качества образования возможен только при его модернизации за счет применения современных цифровых технологий с ориентацией на актуальный социальный заказ. Актуализируя проблематику, учеными справедливо отмечается, что с наступлением цифровой эпохи глубокая интеграция информационных технологий и образования стала актуальной и практически значимой проблематикой, привлекающей к себе все больше внимания, соответственно цифровые профессиональные компетенции преподавателя также стали в центре внимания общественности. Безусловно, как процесс многоаспектный, цифровизация образования затрагивает требования к компетентности преподавателей, учебные материалы, средства цифровых технологий, мотивацию деятельности учащихся и преподавателей.

В статье А.А. Андреевой акцентировано внимание на важности формирования цифровой компетенции в рамках профессиональной подготовки и переподготовки преподавателей иностранных языков в связи с продолжающимся процессом цифровизации системы образования в целом и языкового образования, в частности. [2, 204-210] В результате уточнены содержание и структура цифровой компетенции преподавателя иностранных языков и обоснована необ-

ходимость её закрепления в качестве профессионального компонента. [2, 204-210] Очевидно, что "цифровизация образования в широком смысле представляет собой такую форму организации учебной и воспитательной деятельности, которая основана преимущественно на цифровом формате хранения, обработки и представления учебного материала" [2, 205].

Проблематике формирования и развития цифровых профессиональных компетенций преподавателей иностранных языков посвящена и статья Баюнь Сюй. Автором анализируются цифровые профессиональные компетенции, которыми должны овладеть современные преподаватели китайского как иностранного языка, и факторы, влияющие на развитие цифровых профессиональных компетенций для современных преподавателей китайского как иностранного. [4, 215-221]

И.В. Герлах, И.А. Твелова и О.Н. Спирина в своей статье выявляют профессиональные дефициты учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования. В результате сделаны выводы об имеющихся профессиональных дефицитах учителей, таких как: недостаточная развитость у педагогов специальных коммуникативных навыков для проведения онлайн-уроков; отсутствие специальной подготовки педагогов к эффективному взаимодействию и конструктивному разрешению конфликтов между субъектами образовательного процесса в интернет-пространстве. [7, 218-225]

Анализ готовности педагогов российской школы к внедрению перспективных моделей "цифровой школы будущего", в которой будут реализованы принципы непрерывности, ранней профориентации, гибкости, мобильности, индивидуализации образовательных траекторий, интерактивности, коллективизма и эмпатии с учетом опыта вынужденного перехода к дистанционному обучению в период пандемии осуществля-

ется в статье Ю.П. Ветрова, О.В. Белоус и Л.Н. Хлудовой [6, 204-212]. В результате установлено, что эффективность использования цифровых технологий российскими учителями не позволяет говорить о скором достижении заявленных целей цифровой трансформации системы образования. По утверждению авторов, "примерно для трети педагогов цифровизация не слишком вписывается в профессиональное мировоззрение, создает для них трудности материального, психологического, коммуникационного и иных видов. Тема сотрудничества, коллективного творчества в достижении образовательных результатов не является актуальной для российских учителей" [6, 204-212].

Авторы статьи "Современный предпринимательский университет: онтические основания и политические риски" [22, 140-153] по результатам исследования сделали вывод о том, что "критика современного состояния гуманитарного знания и образования не имеет значения ни для университетской политики, ни для публичного дискурса университета в рыночных демократиях" [22, 141]. Те же авторы отмечают, что "передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам", то есть, "...Судя по функции профессионализации, высшее образование все еще адресуется к молодым выходцам из либеральных элит, которым передается компетенция, считающаяся необходимой для данной профессии" [22, 140-153]. Очень глубокая по содержанию и аналитике статья. Развернувшая дискуссия в

В ДИНАМИКЕ
"СТРЕМИТЕЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ТОЛЬКО
ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ПОЗВОЛЯЕТ
ПЕДАГОГУ АДЕКВАТНО
РЕШАТЬ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ
С НЕГАТИВАМИ
ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ И ИДЕЯМИ
"ЭЛЕКТРОННОЙ
ЛИЧНОСТИ".

рамках статьи в итоге привела авторов к убеждению, что "предпринимательский университет совершенства есть действительность; проекты его "ограничения", сохранение даже в нем самом "защищенного пространства" посредством политизаций и апеллирования к ценностям – утопичны; аргументы защитников "классического" в университете и необходимости его "сбережения", какими бы мотивами они не руководствовались (от политических до эстетических) не имеют действительной силы" [22, 140-153].

Ю.М. Лустин в своей статье обосновывает необходимость логико-гносеологического построения концептуальной модели взаимосвязи методологической культуры и мировоззрения преподавателя вуза. [19, 148-153]. Актуализируя проблематику, автор справедливо отмечает, что в динамике "стремительных трансформаций только высокий уровень методологической культуры позволяет педагогу адекватно решать мировоззренческие проблемы, связанные с негативами виртуальной реальности, идеями "электронной личности", "клипового мышления", никнеймовой генерацией "говорящих" псевдонимов участников сетевого общения, культивированной извне лексической фетишизации сленга коммуникантов молодежных субкультур..." [19, 149]. Кроме того, "углубление методологической интеграции и расширение мировоззренческих связей междисциплинарного характера в реалиях образовательного процесса определяют тенденцию постоянного изменения личности обучающегося, что настоятельно требует внесения необходимых персональных корректив в процесс его самосовершенствования" [19, 149-150]. В результате исследования конкретизирована психо-

лого-педагогическая интенциональность конструктива в диалектике методологической формы и мировоззренческого содержания. Доказано, что в интеллектуальном дискурсе мыследеятельной практики профессиональная компетентность преподавателя выражена образовательным сплавом его методологического знания и идейно-нравственной убежденности. [19, 149-153]

В контексте нарастающих глобализационных процессов, очевидно, что размывание культурных и идентификационных границ, возникающего под влиянием информационной среды, влечет за собой "смещение элементов разнородных культурных систем и утрату молодыми людьми значительной части их этнического самосознания", что особенно актуально для самого многонационального региона России – Северного Кавказа. Проблематика влияния информационной среды на формирование идентичности российской молодежи, проживающей на территории многонационального Северного Кавказа исследована в статье А.В. Пятовой. [23, 162-167] Автором проанализированы возможные пути формирования этнокультурной идентичности в условиях информационного общества, осуществлен анализ эмоциональной окрашенности этнической идентичности молодежи и определялись актуальные показатели их восприятия собственной личности как части какой-либо социальной группы. [23, 162-167] Справедливо отмечено, что современные и активно меняющиеся компьютерные и мобильные технологии и в целом информационная среда, характеризующаяся доступностью больших объемов информации и быстрыми темпами ее потребления, способна повлиять на поколение молодых людей с формирующимся сознанием и мировоззрением. [23, 162-167]

Современная мировая цивилизация, исторически сформировавшись как многоголосье культур, представленных различными этносами, сталкивается с проблемами, которые являются порождением мирового

рынка, влекущего за собой процесс унификации. [30, 173-176] На один из актуальных вопросов современности – как защитить культурное многообразие в эпоху глобализации – размышляет Чжао Хун. Актуализируя проблематику культурного многообразия, автор отмечает: "Культура каждого этноса неповторима в своем своеобразии, характеризуясь не столько материальными фактами, сколько морально-ценностными регуляторами, обеспечивающими жизненный уклад конкретного культурного пространства, тем самым создавая свою неповторимость и оригинальность" [30, 174]. В статье осуществляется философско-культурологический анализ теорий и концепций китайских исследователей, освещающих проблемы влияния глобализации на культурное многообразие, определяются позиции китайских авторов в обосновании влияния глобализации на культурное многообразие, как характерный процесс современного развития. [30, 173-176] Автором прослеживается несколько основных проблем: глобализация и культурное разнообразие, культурная идентичность, транснациональное социальное и культурное пространство, антропологические риски виртуального пространства, культурное самосознание и другие. Обобщая различные научные подходы, Чжао Хун заключает: "мировое культурное пространство, как источник развития человеческого общества (Хэ Мин), составляют культуры различных этносов, система ценностей которых может быть основой общего ментального порядка (Ма Гоцин), но между которыми в условиях глобализации возникает напряженность (Цзоу Гуанвэнь), так как культуры сталкиваются с глубокой культурной трансформацией (Лю Хундун)" [30, 176].

Т. Йенеи, Л.А. Киш, А.Ю. Шачина задаются вопросом о пути выхода из кризиса в образовании. [13] Авторы, актуализируя проблематику, осуществили глубокий анализ научной литературы, констатируя кризис в образовании. Авторы статьи предпри-

нимают попытку определить признаки кризиса современности как следствие отказа от философского обоснования целей и задач научной педагогики, что как цепную реакцию влечёт игнорирование результатов смежных с педагогикой наук: нейробиологии и психологии. Репродуктивный подход в образовании избирательно учитывает результаты эмпирических наук, поскольку они служат его оправданию. В результате, по мысли авторов, наблюдается смещение акцентов: педагоги и другие взрослые испытывают потребность в достижениях воспитанников, в их эффективности, руководствуясь гипотетическим императивом конкурентоспособности на рынке труда. Авторы подчеркивают необходимость обращения к творческому наследию немецкого философа И. Канта, которое приобретает особенно большое значение, поскольку "...в его произведениях имеются такие мировоззренческие начала, без которых невозможно правильное и систематическое осмысление современного мира" [13, 153]. Авторы статьи полагают, что И. Кант "может по праву считаться основоположником проблемно-познавательного образования как системы воспитания творческой и нравственной личности в открытой распределённой познавательной среде, которая в качестве основного дидактического инструмента использует продуктивную поисковую деятельность, нацеленную на получение нового, не учебного результата – знания или объекта научного, инженерного, художественного, социального типов" [13, 159].

Чрезвычайно значимая проблематика обсуждается в статье О.В. Аскановой и Ю.В. Казанцевой, в которой осуществляется критическое осмысление присущих современной образовательной модели свойств в контексте их совместимости с задачей победы России в нарастающем противостоянии с Западом. [3, 211-215] Актуализируя проблематику, авторы справедливо отмечают, что "Нарастающий кризис в отношениях с Западом, сопровождающийся вытеснением

России из контролируемой западными структурами международной глобальной системы, направлен на экономическую и политическую изоляцию России с целью ее разрушения и уничтожения. В этих условиях императивом выживания и развития нашей страны становится обеспечение национальной безопасности по всем её составляющим, что предполагает качественно иную модель общественного устройства, делая неотвратимым переход к мобилизационному сценарию развития народно-хозяйственного комплекса" [3, 211-212]. Внимание авторов сосредоточено на рыночном центризме, являющемся стержнем современной парадигмы образования, который стал, по сути, инструментом цивилизационного реформирования народа и механизмом "производства" послушных исполнителей, лишённых ценностей Родины. По результатам исследования установлено, что образовательная политика противоречит не только декларируемым задачам модернизации отечественной экономики, но и национальным интересам России. Авторы приходят к выводу, что "только осознание неизбежности кардинальной трансформации образовательной парадигмы путём перехода к адекватной национальным интересам системе образования способно обеспечить успех в усиливающемся геополитическом конфликте..., и делает неизбежной трансформацию образовательной парадигмы по всей вертикали (вузовского, среднего и среднего профессионального) образования с учетом собственных традиционных ценностных ориентиров" [3. 211].

Обзор публикаций журнала "KANT" убедительно подтверждает, что научное сообщество обеспокоено проблемой выживания человека в условиях глобализации, цифровизации во всех сферах жизнедеятельности человека, глобального вмешательства человека в экологическую среду обитания всего живого на земле, трансформации культурных ценностей, что безусловно, актуализи-

рует проблематику осмысления этих процессов и сосредотачивает на вопросах развития позитивного сценария по пути созидания и процветания человеческой цивилизации, поскольку "неразумное" вмешательство человека в экологическую среду "приведёт" человечество к гибели и ставит мир перед угрозой его исчезновения как биологического вида на Земле.[12, 113]

Завершить обзор хотелось бы тезисом космической этики К.Э. Циолковского: "Человек как существо глобальное и космическое ответственен не только перед собой, но и перед будущим Вселенной, частью которой он является, где "нет начала и конца Вселенной, нет начала и конца также жизни и её блаженству" [20].

Литература:

- Андрада Г. Клоуз Роберт В., Смарт Пол Р. Разновидности прозрачности: изучение свободы действий в системах ИИ / пер. с англ. кандидата полит. н. М.А. Григорьевой // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – №1(9). – С. 35-51. DOI: 10.24923/2305-8757.2022-9.4.
- Андреева А.А. Место цифровой компетенции в структуре профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 204-210.
- Асканова О.В., Казанцева Ю.В. Смена образовательной парадигмы – неизбежная необходимость в условиях противостояния с Западом // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 211-215.
- Баюнь Сюй Формирование цифровых профессиональных компетенций современного преподавателя китайского языка как иностранного // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 215-221.
- Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государство и реализация общественного выбора: политэкономический аспект // KANT. – 2022. – №3(44). – С. 22-29.
- Ветров Ю.П., Белоус О.В., Хлудова Л.Н. К вопросу о готовности российского учителя к "цифровой школе будущего" // KANT. – 2022. – №4(45). – С. 204-212.
- Герлах И.В., Твелова И.А., Спирина О.Н. Профессиональные дефициты учителей в области коммуникативных компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования // KANT. – 2022. – №4(45). – С. 218-225.
- Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. Культура как духовная константа эволюции общества // KANT. – 2020. – №2(35). – С. 15-21. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-35.2.
- Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. Цифровизация в современном социально-гуманитарном пространстве // KANT. – 2020. – №4(37). – С. 6-14. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-37.1.
- Григорьева М.А. Расщепление коммуникативного поля на шум и молчание: трудности диалога и разобщение // KANT. – 2020. – №4(37). – С. 253-260. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-37.54.
- Джонсон Мэдлин Г. Городской код: политика городского моделирования в эпоху больших данных / пер. с англ. кандидата полит. н. М.А. Григорьевой // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2022. – №3(11). – С. 22-43. DOI: 10.24923/2305-8757.2022-11.3.
- Золотарев С.П. Понятие креативности и инноваций – современный философский анализ // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 110-115.
- Йенеи Т., Киш Л.А., Шачина А.Ю. К вопросу о пути выхода из кризиса в образовании: Назад к Канту! // KANT. – 2021. – №4(41). – С. 151-160.
- Йёргенсен Д. Вымирание и конец будущего / пер. с англ. кандидата полит. н. М.А. Григорьевой // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2023. – №1(13). – С. 37-47.
- Казначеева О.Х., Синицына И.В., Казначеева М.Г. Роль цифровой экономики в развитии внешней торговли // KANT. – 2021. – №3(40). – С. 25-29.
- Колесова О.В. Философское осмысление понятия креативности, его элементов, инструментов и их оптимальной реализации // KANT. – 2022. – №4(45). – С. 115-122.
- Краснов С.И., Михалева М.В. Герменевтический подход к воспитательной ситуации // KANT. – 2022. – №1(42). – С. 246-250.
- Лаврухина И.М., Глушко И.В. Трансформация границ свободы: от философского к социально-политическому знанию // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 115-120.
- Лустин Ю.М. Методологическая культура и мировоззрение преподавателя: гносеологические аспекты актуализации // KANT. – 2022. – №3(44). – С. 129-125.
- Макеева О.Е. Человек как существо глобальное и космическое в трудах В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского // KANT. – 2021. – №4(41). – С. 160-164.
- Малинова И.П. Информационные войны: столкновение цивилизационного пессимизма и цивилизационного оптимизма в социальной prognostике // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 135-140.
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Биньковская Л.Н. Современный предпринимательский университет: онтические основания и политические риски // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 140-153.
- Пятова А.В. Влияние информационной среды на формирование идентичности российской мо-

лодежи: на примере Северного Кавказа // KANT. – 2022. – №3(44). – С. 162-167.

24. Старухин В.А. Цифровизация как метод сокращения транзакционных издержек производственного предприятия // KANT. – 2021. – №4(41). – С. 95-99.

25. Сун-ха Х. Бессрочные прогнозы / пер. с англ. кандидата полит. н. М.А. Григорьевой // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2023. – №1(13). – С. 18-36.

26. Суховская Д.Н. Образовательное пространство в эпоху постмодерна: вызовы и перспективы // KANT. – 2022. – №4(45). – С. 166-171.

27. Усманова Л.Т., Сомов Д.С., Казаков М.К. К вопросу об исторических и философских истоках цифровой реальности // KANT. – 2021. – №4(41). – С. 212-218.

28. Федорова Ж.В. О механизмах социокультурной инженерии в информационном обществе // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 195-199.

29. Фельдштейн С. Дорога к цифровой несвободе: как искусственный интеллект меняет репрессия /

пер. с англ. и сопровождение аннотацией кандидата полит. н. М.А. Григорьевой // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2021. – №1(5). – С. 39-51. DOI: 10.24923/2305-8757.2021-5-4.

30. Чжао Хун. Китайские исследователи о культурном многообразии в глобализационном пространстве // KANT. – 2022. – №3(44). – С. 173-176.

31. Flanagan T.M. & Kushnir T. Children's Developing Beliefs About Agency and Free Will in an Increasingly Technological World // HUMANA.MENTE Journal of Philosophical Studies, 2022, Vol. 42, Pp. 179-204.

32. Kelly K. The New Socialism: Global Collectivist Society Is Coming Online // Wired, vol. 17, no. 6, May 22, 2009. Режим доступа: <https://www.wired.com/2009/05/nep-newsocialism/> (дата обращения: 20.12.2022)

33. Park Sh.M. Uncomfortably Close to Human: Robots and the Neocolonial Politics of Care // Feminist Philosophy Quarterly. 2022. Vol. 8. Issue 3/4. Article 11.

PREDICTIONS WITHOUT FUTURES *

Sun-ha Hong, Assistant Professor, Department of Communication, Simon Fraser University, Burnaby, Canada

Modernity held sacred the aspirational formula of the open future: a promise of human determination that doubles as an injunction to control. Today, the banner of this plannable future is borne by technology. Allegedly impersonal, neutral, and exempt from disillusionment with ideology, belief in technological change saturates the present horizon of historical futures. Yet I argue that this is exactly how today's technofutures enact a hegemony of closure and sameness. In particular, the growing emphasis on prediction as AI's skeleton key to all social problems constitutes what religious studies calls cosmograms: universalizing models that govern how facts and values relate to each other, providing a common and normative point of reference. In a predictive paradigm, social problems are made conceivable only as objects of calculative control - control that can never be fulfilled but that persists as an eternally deferred and recycled horizon. I show how this technofuture is maintained not so much by producing literally accurate predictions of future events but through ritualized demonstrations of predictive time.

Keywords: future; technofuture; prediction; modernity; ritual; belief; AI; technoculture.

EDN: GNYXIA; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-13.2

УДК 82.09

БАК 5.5.1

© **Сун-ха Хонг**, 2023

© **Григорьева М.А.**, перевод
с англ., 2023

БЕССРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ [1]

Современность считает священной формулу стремления к открытому будущему: обещание человеческой решимости, которое удваивается как предписание к контролю. Сегодня зная этого планируемого будущего несут технологии. Якобы безличная, нейтральная и свободная от разочарования в идеологии, вера в технологические изменения пронизывает нынешний горизонт исторического будущего. Тем не менее, именно так сегодняшнее технобудущее устанавливает гегемонию замкнутости и одинаковости. В частности, растущий акцент ИИ на прогнозировании религиозные исследования связывают с космограммами - универсализирующими моделями, которые управляют тем, как факты и ценности соотносятся друг с другом, обеспечивая общую и нормативную точку отсчета. В прогностической парадигме социальные проблемы мыслимы только как объекты расчетливого контроля - контроля, который никогда не может быть осуществлен, но сохраняется как вечно отложенный и повторяющийся горизонт. В результате мы видим, как это технобудущее поддерживается не столько за счет буквально точных предсказаний будущих событий, сколько за счет ритуальных демонстраций предсказания времени.

Ключевые слова: будущее; технобудущее; прогноз; современность; ритуал; вера; ИИ; технокультура.

Sun-ha Hong. Predictions without futures // History and Theory. 2022. Vol. 61. no. 3 (September 2022), 371-390 published by Wiley Periodicals LLC on behalf of Wesleyan University. ISSN: 0018-2656 DOI: 10.1111/hith.12269

СУН-ХА Хонг, доцент
кафедры Коммуникаций,
Университет Саймона
Фрейзера, Бернаби, Канада

Когда история простирается в неизвестность, "она становится планируемой - ее необходимо планировать". [2] Сегодня зная этого планируемого будущего несут технологии. Якобы безличная, нейтральная и свободная от разочарования в идеологии, вера в технологические изменения насыщает нынешний горизонт "исторического будущего". [3] Тем не менее, именно так сегодняшнее технобудущее устанавливает гегемонию закрыто-

* This paper is an accidental byproduct of research conducted through the Canadian Social Sciences and Humanities Research Council grant #430-2019-00078, "Personal Truthmaking in the Data-driven Society." It also owes various inspirations to the works of Piotr Szpunar, David Graeber, and the "Historical Futures" series editors, Zoltan Boldizsar Simon and Marek Tamm.

сти и тождества. В частности, растущий акцент на *прогнозировании* как на отмычке ИИ ко всем социальным проблемам приводит к тому, что религиозные исследования называют *космограммами*: универсализация моделей, определяющих, как факты и ценности соотносятся друг с другом, предоставление "центральных точек отсчета, которые позволяют людям прийти к согласию". [4] Технобудущее действует как модальность того, что в серии исследований "Итераций" называется "историческим будущим", и, в частности, как модальность, закрепляющая давнюю фантазию, в которой социальные проблемы делаются мыслимыми *только* как объекты расчетного контроля. Такой контроль никогда не может быть реализован, но он сохраняется как вечно отложенный и приближающийся горизонт. Я предлагаю взглянуть на то, как это технобудущее поддерживается не за счет буквально точных предсказаний будущих событий, а за счет ритуальных демонстраций предсказания времени. Великолепный переход от прошлого к будущему воспроизводится снова и снова в этих ритуалах, подтверждая вектор истории. Тем не менее, когда церемония заканчивается и ладан рассеивается, мы обнаруживаем, что обещанное будущее остается почти таким же, как и прежде.

Закрытие

На первый взгляд, будущее остается очень открытым, и оно открыто именно *благодаря* технологиям. Повсюду вокруг мы все еще находим повсеместные призывы к вере в безграничный прогресс через секулярное, рациональное самоопределение – открытие современного будущего, которое, по словам Рейнхарта Козеллека, решительно отошло от Средневековья, определяемого эсхатологическим пределом. [5] Образцовое было заменено неповторимым. [6] Там, где настоящее когда-то предназначалось для повто-

ОБРАЗЦОВОЕ
ЗАМЕНЕНО
НЕПОВТОРИМЫМ.

рения и возвращения возможностей, всегда ограниченных обещанной целью, современность должна была определяться фундаментальной неопределенностью будущего, причем технологический прогресс был одним из самых ясных материальных проявлений этой возможности. С тех пор многие элементы этого современного мировоззрения со временем растягивались и искажались, что приводило к таким поворотам, как "рефлексивный" взгляд на собственные риски и ненадежность современности [7] или растущее значение неопределенности в "постнормальной" науке. [8] Но некоторые фундаментальные ориентиры, болезненно выработанные в первую очередь крахом эсхатологического времени, сохраняют мощный рудиментарный авторитет. Современный технологический оптимизм продолжает действовать по

Очень хорошим примером является популярная фантазия о том, что до сих пор невозможные и даже невообразимые технологические инновации появятся как раз вовремя, чтобы свести на нет надвигающийся конец разрушительного изменения климата – культурный трюк учета, который находит способ списать долги против будущих доходов, даже когда приближается банкротство. [9] Другими словами, технология – это не только тотем будущих возможностей, но и практический инструмент.

Проблема в том, что при всем этом наше технобудущее – как объекты любви и веры – все больше ограничивает и окостеневает виды производства знаний и действий, которые, как предполагается, будущее сделает возможными. Признаки этого закрытия очевидны даже в революционных прорывах, рекламируемых этими фьючерсами. От летающих автомобилей (в настоящее время смоделированных с помощью беспилотных автомобилей, которые на самом деле не способны к самостоятельному вождению) до исследования космоса (опосредованно испы-

танного в тщеславных поездках богатейших техномагнатов) доминирующие эмблемы технического прогресса были переработаны сквозь десятилетия. [10] Эти оторванные видения поддерживают оборванный фасад будущего именно тем, что грабят, а затем отрицают прошлое. [11] Это приводит к "обнадеживающему невежеству" технических специалистов [12] собственной повторяемости: разумный робот или программное обеспечение для прогнозирования преступлений представлены как трансцендентный момент, манипулирующий обыденным течением времени и общества почти извне. Но даже спекулятивное, нереализованное будущее часто связано с материальными следами и дешевой, недооцененной рабочей силой. На фермах "кликворк" технологические корпорации выявляют бедных и уязвимых человеческих особей, таких как те, кто живет в лагерях беженцев [13], и предлагают черную работу по минимально возможной цене. Будущая революция разворачивается не просто как повторяющееся буйство, а через неопределенность, статичность и уязвимость настоящего. [14] Технобудущее проповедует революционные изменения, практикуя инерционную политику. Они связаны не только с замедлением технического прогресса в определенных областях, но и с сохранением старых представлений о будущих обществах, властных отношениях и образе жизни. [15]

Козеллек утверждал, что смещение современности к открытому будущему повлекло за собой переопределение *революции*: то, что когда-то означало движение, *возвращающееся* к одному и тому же, теперь описывает радикальные отклонения в истории – разрыв, который разрешен и даже обязателен – идеей безграничного и самодостаточ-

ТОЛЬКО КОГДА БУДУЩЕЕ
"ОТКРЫТО" И
БЕСКОНЕЧНО ВЫТЯНУТО
ПО ПРЯМОЙ, ИМЕЕТ
СМЫСЛ "ЗНАТЬ" И,
ТАКИМ ОБРАЗОМ,
УПРАВЛЯТЬ БУДУЩИМ.
ЭТОТ СОЮЗ РЕВОЛЮЦИИ
И УТОПИИ ПРОДОЛЖАЕТ
ОПРЕДЕЛЯТЬ НАШУ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ
КУЛЬТУРУ.

ного будущего. [16] Примерно в то же время, когда Французская революция переопределяла революцию таким образом, мы также находим переопределение утопии. Даниэль Розенберг определяет "уchronическое вообра-

жение" 1770-х годов, когда утопические темы были быстро помещены в хронологическое будущее, отмечая их как реальные места, куда может прийти *наше общество*. [17] Только когда будущее "открыто" и бесконечно вытянуто по прямой, имеет смысл "знать" и, таким образом, управлять будущим. Этот союз революции и утопии продолжает определять нашу технологическую культуру, в кото-

рой трансгрессивные гении-предприниматели *вынуждены* изобретать новые миры, невидимые другим, "двигаясь быстро и ломая вещи" как в личной, так и в профессиональной жизни. В этом технологическом языке прототипов, бутстрэппинга и разрушения мы находим безжалостную телеологию, которая представляет предположительно открытое будущее технического прогресса как единственно возможный вариант; иными словами, мы сталкиваемся с замыканием возможных миров и темпоральностей для одного и единственного вида прогресса. [18]

Примечательно, что сегодняшнее общество лихорадочно ожидает "прорыва" ИИ, момента, когда врожденная сила технического прогресса необратимо преобразит общество. Его сторонники настаивают на том, что сингулярность – это, судя по названию, единственное возможное будущее (несмотря на ее неоднократные обещания и отсрочки с 1960-х годов, то есть на протяжении почти всей истории ИИ как исследовательской проблемы). Подобные заявления порождают легитимность благодаря чувству неизбежности, которое сторонники нового

искали в "законах природы" [19], а *старый режим* искал в божественном. ИИ как историческое будущее обещает "отключение" от прошлого и настоящего, [20] и он ссылается на этот отъезд как на источник возможности того, что даже самые неразрешимые политические проблемы могут быть решены не путем их тщательной распаковки, а путем устранения всех их априоров. Таким образом, виртуальная реальность решает проблемы с реальностью, просто будучи виртуальной, криптовалюта решает все известные проблемы с валютой, не будучи валютой, а трансгуманизм решает проблему людей, превосходя человечество. Между тем, настоящее и его нарождающиеся проблемы несколько разбавлены реальностью: идея гласит, что меньше нужно так сильно беспокоиться о конкретных, существующих моделях неравенства или неэффективности, поскольку технологические прорывы скоро сделают их неактуальными. Такие технобудущее насыщают пространство возможного *отсутствием* целостного видения общества.

Маскарад Technofutures открытого будущего отражается в одном из их специализированных жанров выражения. Фредрик Джеймсон писал, что там, где научная фантастика обычно понимается как *представление* возможных вариантов будущего, чтобы предвидеть, предсказывать и репетировать их, истинная функция этих возможных вариантов будущего вместо этого состоит в том, чтобы остранисть настоящее, чтобы мы могли его испытать. И если будущее научной фантастики с ее теми же старыми темами гладких высоток или чипов в мозгах также должно пахнуть разложением, то это потому, что призвание жанра не в том, чтобы исследовать открытое будущее через романы, а в том, чтобы "чтобы продемонстрировать и драматизировать нашу неспособность представить "другое будущее". [21] Технобудущее проявляет замкнутость и инерцию именно через саморекламу как предвестников открытости.

Измерение

Схематически технобудущее реализует это закрытие, участвуя в двух важных поворотах.

Первый – это *обращение измерения*, которое в экономике и социальных науках иногда называют законом Гудхарта или законом Кэмпбелла. Основная формула состоит в том, что, когда мера становится целью, мера искажает измеряемое; например, школы могут "учить на экзамене", чтобы улучшить средние баллы, а не фокусироваться на качестве образования. Что касается больших данных и ИИ, критические исследования данных снова и снова показывали, что, когда якобы превосходная аналитика данных вступает в социальную проблему, они имеют тенденцию обесценивать и скрывать те данные, которые не могут быть легко собраны, и те суждения, которые не может быть объяснено имеющимися данными. [22] Автоматизированный инструмент скрининга для оценки безнадзорности детей заставляет опытных социальных работников обосновывать и согласовывать свои оценки с точки зрения автоматизированного результата. [23] Программное обеспечение для прокторинга экзаменов возвышает определенные показатели, такие как частые движения глаз, до объективных коррелятов мошеннического поведения и сводит к минимуму важность других показателей, для оценки которых оно не предназначено, таких как окружающая среда или инвалидность учащихся. [24] Когда определенные методы, такие как генеративные состязательные сети или программное обеспечение для распознавания лиц, быстро распространяются во многих социальных приложениях, вес их культурного капитала и невозвратного финансирования требует, чтобы другие способы познания изгибались, чтобы стать более совместимыми с ними. С другой стороны, все, что эти технологии не могут объяснить, в лучшем случае явно или неявно отбрасывается как нерелевантное, а в худшем – как угрожающий источник иррациональности.

Датафикация никогда не учитывает только то, что уже есть, как в мифах наивного позитивизма; скорее, она создает одни миры и гасит другие. Преступность, производительность или эмоции идентифицируются как дискретные *вещи*, подлежащие измерению и, следовательно, *оптимизации*. Фенвик МакКелви и Джошуа Невес утверждают, что понятие оптимизации сегодня функционирует как "операционная система" для общества, навязывая знакомый шаблон того, как мы моделируем проблему и какие инструменты мы используем для наших решений. [25] Важно отметить, что работа по оптимизации требует *ограничения* показателей значения и имеющихся методов измерения. Нельзя оптимизировать класс показателей IQ, уважая при этом все споры об определении интеллекта; действительно, коэффициент интеллекта исторически создавался путем обхода вопроса о том, что такое интеллект, и последующего навязывания этого решения культурам и народам по всему миру. [26] Возвращаясь к современному технобудущему, широко распространенное стремление к автоматизированному "прогнозу" таких качеств, как преступность, снова требует гегемонистского доминирования над определением и измерением этих качеств – "удушающей утопии", вытесняющей все виды знаний, которые не соответствуют модели. [27] Эмоции облачены в дискретное и последовательное качество, так что системы распознавания лиц могут претендовать на их распознавание. [28] Аресты полицией или просроченные банковские платежи могут быть относительно легко зарегистрированы, сопоставлены и визуализированы; Насилие со стороны полиции или

сексуальные домогательства по разным причинам гораздо менее приемлемы. Там, где бродят вычислительные решения, "то, что разборчиво, начинает иметь практический приоритет над тем, что остается нечитаемым для машин". [29]

Это настойчивое требование эпистемологической универсальности повторяет более длительные современные истории "тотальных" архивов и систем [30] и в каждой из них эту тенденцию к тому, чтобы измерение преобладало над измеренным. В ныне культовом процессе история информации как понятия за последнее столетие стала зависеть от судьбоносного решения Клода Шеннона и Ральфа Хартли полностью обойти вопрос *смысла* и определить информацию как уменьшение неопределенности между коммуникаторами. Другими словами, информация становится

В НЫНЕ КУЛЬТОВОМ ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ПОНЯТИЯ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ СТАЛА ЗАВИСЕТЬ ОТ СУДЬБОНОСНОГО РЕШЕНИЯ КЛОДА ШЕННОНА И РАЛЬФА ХАРТЛИ ПОЛНОСТЬЮ ОБОЙТИ ВОПРОС СМЫСЛА И ОПРЕДЕЛИТЬ ИНФОРМАЦИЮ КАК УМЕНЬШЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ МЕЖДУ КОММУНИКАТОРАМИ.

сверхдетерминированной как количественная проблема предсказания. [31] Последователи не критически расширили закон далеко за пределы его первоначального контекста инженерных проблем, применяя его ко всем проблемным областям. Отголоски этих экстраполяций мы находим в больших данных как аналитической парадигме, которая принципиально безразлична к значению данных (лицо, высказывание, интимный момент и т. д.), поскольку прибыльность сбора больших данных зависит от способности (1) идентифицировать корреляции, которые кажутся неизвестными из-за существующих схем интерпретации, и (2) свободно рекомбинировать данные для нового анализа. [32]

Но такое безразличие не ведет к ценностно-нейтральному анализу, который действительно отбрасывает смысл. Скорее, он

навязывает определенное определение того, что имеет значение, а что нет, и защищает это определение от проверки под видом безразличия. Венди Хуэй Кьонг Чун показала, что сведение каждой проблемы с помощью больших данных к проблеме статистической корреляции коренится в определенных эпистемологических предположениях – например, что все вещи соединяются и воспроизводятся через *сходство* и что это воспроизведение происходит линейно от прошлого к будущему. "Когда корреляция работает, она делает это, совмещая настоящее и будущее с тщательно подобранным прошлым". [33] Эта темпоральная структура также является результатом применения специфических аналитических инструментов, чрезмерно обобщенных в эпистемическую судьбу. Например, Карл Пирсон провел свою фундаментальную работу по статистическим корреляциям, чтобы развить свои утверждения о евгенике, и эта линейная гомофильная модель подкрепила его аргумент о том, что человеческая генетика – а через нее и общество – может подвергаться предиктивному контролю. [34]

Горизонт

Если первая инверсия обнаруживается в том, как технобудущее данных и ИИ проводит свою эпистемическую работу, то вторая инверсия касается социальной жизни самих этих технобудущих. Короче говоря, чем более *нереализованными* остаются эти технобудущие, тем более всепроникающими и укореняющимися они становятся. Когда Илон Маск заявляет, что его ИИ Neuralink может устранить потребность в вербальном общении через пять-десять лет – заявление, которое было должным образом усилено средствами массовой информации по всему миру [35], – это заявление не следует воспринимать как осмысленное заявление о конкретных будущих результатах. Скорее, это *традиционное* представление, которое сознательно или нет воспроизводит совместные ритуалы (квази)веры и привязаннос-

ти, занимавшие центральное место в самой истории искусственного интеллекта. В конце концов, Марвин Мински, первый маркетолог ИИ, громко провозгласил появление действительно интеллектуальных машин к 1970-м годам. Значимость этих предсказаний не зависит от их точного исполнения, потому что их функция не в том, чтобы предсказывать будущие события, а в том, чтобы заимствовать законность и правдоподобие из будущего, чтобы разрешить предвосхищающие действия в настоящем.

Здесь "будущее . . . функционирует как "эпистемический черный рынок"". [36] Представление об открытом будущем обеспечивает пространство относительной свободы в отношении того, какие виды утверждений считаются правдоподобными, пространство, где недоказанные и спекулятивные утверждения могут быть сформулированы на языке симуляций, инноваций, и революционный долг. Здесь торгуют не конкретными достижениями или конечными состояниями, а перформативной силой самого обещания. В этом контексте претензии не живут и не умирают благодаря конкретно предсказанным результатам; скорее, они включают чередующийся набор многообещающих тем, которые создают пространство для оптимизма и инвестиций. Автомобили, управляемые автопилотом, системы распознавания лиц и т. д. – окончательные обоснования таких, полностью предсказательных систем, – всегда помещаются в "ближайшее" будущее, отчасти огражденное от общепринятых тестов жизнеспособности или даже морали.

В книге "Будущее не может начаться" Никлас Луман описывает это как проблему горизонта: "Сущностная характеристика горизонта состоит в том, что мы никогда не можем коснуться его, никогда не можем добраться до него, никогда не превзойти его, но, несмотря на это, это способствует определению ситуации". [37] Горизонт окружает и ограничивает поле возможности, хотя и предлагает *избранное* будущее как посто-

янно доступную точку отсчета для спекуляций. Он строится и порождает повторяющиеся циклы опережающего действия, а не единичные необратимые прорывы по стреле прогресса. В этом аспекте показательна история идеи автоматизации. В организациях, начиная от механических мастерских середины двадцатого века [38] производителей беспилотных автомобилей двадцать первого века [39] военным исследованиям времен холодной войны [40], *ожидание* всесторонней автоматизации в ближайшем будущем привело к сейсмическим изменениям – изменениям, которые затем сохранялись, несмотря на тот факт, что полной автоматизации так и не произошло. Такая практика в конечном итоге отвечает существовавшему ранее социальным и политическим интересам [41] во имя призрака автономных технологических изменений.

Горизонт не гниет и не теряет достоверности во время этих повторяющихся разочарований; скорее, он становится более укоренившимся, накапливая коллективное чувство знакомства. Так, Уильям Брэттон, бывший комиссар полиции Нью-Йорка, ныне печально известный своей ролью в охране разбитых окон, описал новые эксперименты с полицейскими инструментами, цитируя "Особое мнение" – фильм 2002 года, адаптированный рассказом Филипа К. Дика 1956 года. [42] Постоянные репетиции и симуляции этого знакомого будущего – посредством отраслевых выставок (а до этого – всемирных ярмарок), научной фантастики и других средств массовой информации, а также якобы серьезных финансовых прогнозов и бизнес-планов – усиливают ощущение того, что управляемая данными, автоматизированное, прогнозирующее будущее действительно является единственно

возможным завтра. [43] Петр Шпунар называет это "*ожидаемым будущим*": представления о завтрашнем дне, построенные на дежавю, будущего, которые кажутся правдоподобными и искупительными именно потому, что они такие знакомые. [44] Таким образом, новейшее смарт-устройство на выставке Consumer Electronics Show (CES) или новейшая пилотная система для биометрической полиции выходят на социальную сцену с утешительной знакомостью воскресной службы.

"БУДУЩЕЕ . . .
ФУНКЦИОНИРУЕТ
КАК "ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ
ЧЕРНЫЙ РЫНОК". ЗДЕСЬ
ТОРГУЮТ НЕ
КОНКРЕТНЫМИ
ДОСТИЖЕНИЯМИ ИЛИ
КОНЕЧНЫМИ
СОСТОЯНИЯМИ,
А ПЕРФОРМАТИВНОЙ
СИЛОЙ САМОГО
ОБЕЩАНИЯ.

Космограмма

Технобудущее реализует закрытие не посредством бинарной оппозиции открытому будущему современности, а путем усиления его противоречий. К настоящему времени мы знаем, что современность никогда еще не была столь светской и рациональной, столь четко оторванной от прошлого или столь необратимо провозглашенной посредством революции, как того требуют ее собственные мифы. В таком случае кажется уместным осмыслить технобудущее с помощью концепции, взятой историком науки из религиоведения. Джон Треш описывает *космограммы* как единые картины мира – "центральные точки отсчета, которые позволяют людям приходить к согласию". [45] Это не означает, что космограмма может похвастаться явной теорией всего, которую затем можно доказать или опровергнуть, как формулу. Подобные "унифицированные картины" не вызывают у их субъектов тотальной и догматической веры. Технобудущее как космограмма не настаивает на конкретной технологии или технологическом результате как таковом. Скорее, предсказание появления интеллектуальных роботов к определенному году – это способ построить и пополнить знакомый набор

представлений о человеческой трансценден-
тности и технологическом подходе к реше-
ниям, приспособлявая при этом широкий
спектр определений интеллекта, роботов и
прогресса. Помимо конкретных техник и ут-
верждений, космограммы привлекают вни-
мание контекстом: они образуют надежные
сети значений, которые мы можем исполь-
зовать, чтобы понять, что происходит, даже
если мы можем взаимодействовать с этим
номинально подрывным или враждебным
образом.

Поскольку они предлагают податливые
точки аффективного взаимодействия, а не
железный закон, космограммы способны
скорее сгибаться, чем ломаться. Это не про-
сто места, где мы можем понять, что проис-
ходит; это места, где мы можем восстано-
вить чувство сплоченности, когда будущее
не произойдет, как и было обещано. Более
широкая вера в неизбежное "умное" буду-
щее помогает стряхнуть с себя каждую ава-
рию беспилотного автомобиля или каждый
случай расовой дискриминации посред-
ством распознавания лиц как простые сту-
пеньки на намеченном пути. Google Glass,
возможно, были миражом, но дополненное
зрение, безусловно, остается неоспоримым
фактом будущего. "Фэнтези, – говорит нам
Лорен Берлан, – это средство, с помощью
которого люди копят идеализирующие те-
ории и картины о том, как они и мир "во
что-то складываются"", особенно когда то,
что происходит перед нами, кажется не
имеющим большого смысла. [46]

Технологическое будущее, по сути, явля-
ется фантазией о согласованности – *ощуща-
емой* согласованности, которая опирается на
космограммические точки отсчета как на
инструменты для размышления, а не как
на содержательную догму. Треш использует
космограммы, чтобы спекулятивно раз-
мышлять о великих метафорах на протяже-
нии всей истории технотехники, таких как
образ природы в семнадцатом веке как ча-
совой механизм. [47] К таким грандиозным
рамкам также сознательно обращались пи-

онеры нового технологического будущего. В
1947 году Норберт Винер резко разделил
современную цивилизацию на три эпохи:
эпоху часовщиков, эпоху паровой машины
и эпоху сервомеханизмов и радаров. [48] Это
несколько грубое разделение отражало рас-
тущую готовность Винера видеть сервоме-
ханизм в каждой проблеме, что в конечном
итоге оживило общественную карьеру ки-
бернетики как великой теории всего, в ко-
торой люди и компьютеры являются меха-
низмами обратной связи. С тех пор история
вычислений управляется картиной мира
вычислительного контроля: эффективной
цепью полных измерений, безупречных про-
гнозов и автоматического управления. От
маркетинга раннего Интернета как идил-
лической *terra incognita* киберпространства
[49] до более поздних мифологий облака как
эфирного и открытого, [50] господствующие
образы Интернета уже давно влекут за со-
бой отрицание этой парадигмы *контроля*.
Новый толчок к метавселенной как тоталь-
ной "цифровой оболочке" [51], предназна-
ченной для максимального измерения и
коммерциализации всей социальной дея-
тельности, во многом продолжается в этой
традиции.

Важно отметить, что, судя по названию,
космограммы предлагают материальные и
висцеральные виды референции: изображе-
ние, текст, памятник. Треш берет термин
"космограмма" из анализа Скинии, прове-
денного Дэвидом Дамрошем – величествен-
ного памятника, чья архитектурная форма
или, скорее, представление этой формы в
библейском тексте "воплощает отношения
между людьми, Богом и природой". [52] Эта
материализующая работа обеспечивает ре-
шающую замену постоянной отсрочке обе-
щанного будущего, предлагая точки ритуа-
лизованного контакта для аффективного
поддержания. Хорошо известно, как закон
Мура, возникший как историческое наблю-
дение о том, что мощность полупроводни-
ков удваивается каждые два года, быстро
стал эмблемой экспоненциального техноло-

гического прогресса, часто циркулирующего в виде линейных графиков, экстраполированных на будущие годы. Эта последняя форма служила одним из таких эталонных материалов для компьютера. Как мы увидим в предсказании, космограммы ориентируют как моральные, так и аффективные точки отсчета; Треш цитирует дарвиновское древо происхождения как воплощение не только эпистемологической модели, но и "моральной истории". [53]

В дальнейшем я специально исследую множасьщиеся обещания прогнозов – то есть предсказания преступности, производительности и других социальных результатов с помощью данных и ИИ – как таких материальных и ритуальных пространств, которые поддерживают технобудущее как космограмму. Я утверждаю, что эта неустанная универсализация предсказания, основанного на данных, как ответа на все социальные проблемы находится в авангарде технобудущего как завершение; то есть термины, с помощью которых мы придаем смысл миру, действуют как мощные ограничения на другие виды значений, ценностей и способов жизни.

Прогноз

Сегодня прогнозирование пронизывает то, как мы говорим и думаем о будущем, основанном на данных и искусственном интеллекте. Существует все более распространенная тенденция применять методы прогнозирования к ошеломляющему разнообразию социальных проблем, а также растет мнение, что все, что *можно* предсказать, *должно* быть как технической неизбежностью, так и социальным благом. Другими словами, роль прогнозирования не ограничивается конкретными аналитическими методами, которые, скажем, синтезируют новые результаты на основе модели и обучающих данных или конкретно пытаются идентифицировать будущие события, такие как рецидивизм. Скорее, он создает осязаемые "проблемы", вокруг которых могут быть созданы,

казалось бы, конкретные, реальные доказательства автоматизации и искусственного интеллекта – демонстрации с более широким горизонтом преобразующего прогресса. Существует "небольшое" предсказание, в котором конкретный инструмент или исследование могут быть приведены в качестве конкретного доказательства того, что преступность или продуктивность действительно могут быть идентифицированы автоматически – часто несмотря на окончательную неспособность этих инструментов работать в реальных ситуациях и /или избежать критических ошибок и дискриминационных эффектов. Но каждое "маленькое" предсказание также вызывает горизонт "большого" предсказания: обобщенное ощущение, что любые человеческие и социальные явления доступны и действительно лучше всего подходят для такого принятия решений на основе данных.

"Маленькие" предсказания сейчас распространены повсеместно. Нам говорят, что "алгоритмы" позволят нам автоматически анализировать, например, телефонные звонки заключенных Соединенных Штатов для прогнозирования насильственных преступлений и самоубийств (LEO Technologies), [54] черты лица для прогнозирования личности кандидатов на работу как сотрудников (HireVue), чтобы определить, какие из них, скорее всего, будут характеризоваться преступной деятельностью и потребуют усиленного полицейского патрулирования (PredPol), для выявления "подозреваемых" лиц (VibraImage) [55] и поведения учащихся, чтобы определить, списывают ли они в онлайн-тестах (Mettl). Это остается в силе даже тогда, когда многие такие предсказания остаются недоказанными или даже специально опровергнутыми. Например, COMPAS – инструмент оценки рецидивизма, который широко используется в США, может похвастаться тем, что его прогнозы основаны на более чем ста функциях; однако исследования показывают, что он так же плохо справляется с выявлением рециди-

визма, как и неспециалисты. [56] Новые инструменты на основе ИИ были отмечены как потенциальные факторы, способные изменить ситуацию в пандемии COVID-19, но оказалось, что они в значительной степени бесполезны, страдают от некачественных входных данных и других фундаментальных проблем. [57] Тем не менее, даже несмотря на то, что отдельные приложения прогнозирования могут подвергаться критике и высмеиванию, такие обещания реальных выплат продолжают генерировать эмоциональные и когнитивные инвестиции в идею прогнозирования. Запрос на предсказание результатов решения "проблемы" обещают мощную эмпирическую основу для размышлений о новых технологиях, управляемых данными, как о желательных и неизбежных.

Иными словами, предсказание находится в авангарде как немедленных доказательств, так и долгосрочного прогресса. Он обеспечивает острую грань, на которой технологические обещания могут быть продемонстрированы как осязаемые, действенные приложения, и помогает мистифицировать эти приложения (и их неудачи) как судьбу. История о том, как Google Flu Trends "обогнала" Центры по контролю и профилактике заболеваний США в прогнозировании всплеск гриппа в 2009 году, вошла в фольклор как миф о происхождении превосходной способности больших данных выявлять возникающие, разрозненные явления, даже когда в последующие годы Инструмент Google "проваливался" с этой задачей так же часто, как и успешно справлялся. [58] Рассказы об аналитической браваре, например, о том, как китайская полиция якобы использовала технологию распознавания лиц, чтобы выделить преступника в переполненной толпе на стадионе, [59] помогают создать шведский стол из историй, индикаторов и впечатлений, которые передают чувство уверенности в том, что эти новые

КАЖДОЕ "МАЛЕНЬКОЕ" ПРЕДСКАЗАНИЕ ТАКЖЕ ВЫЗЫВАЕТ ГОРИЗОНТ "БОЛЬШОГО" ПРЕДСКАЗАНИЯ.

технологии действительно меняют общество. Они становятся городскими легендами, такими как часто рассказываемая (и сомнительная) история о рекламной базе данных Target, которая якобы обнаружила беременность девочки-подростка раньше, чем ее отец. [60]

В целях поддержания коллективной веры в технобудущее эти прогностические технологии не достигают успеха или терпят неудачу в результате строгих тестов на точность – тестов, которые сами по себе никогда не могут быть нейтральными, потому что они требуют политического выбора в отношении того, какие варианты использования и идеальные объекты заполняют эти тесты. [61] Скорее, особенно в сфере обещаний будущего, их эффективность должна измеряться их способностью укоренять истории, образы и символические достижения и эффективно вызываться в публичных дебатах, за политическим столом и в раунде венчурного финансирования.

Это различие пронизывает культурный язык технобудущего. Александр Камполо и Кейт Кроуфорд описывают это как "зачарованный детерминизм" ИИ, в котором сторонники технологий глубокого обучения регулярно описывают их с точки зрения магии, алхимии и тайны. [62] Важно отметить, что такая загадочность не ставит под сомнение достоверность или производительность технологии, а, скорее, усиливает ее, так что понимание, основанное на данных, часто считается более надежным и детерминированным, поскольку оно необъяснимо для людей. Возьмем, к примеру, компанию Anduril Industries, которая заключила контракт с правительством США и пограничной службой на технологию военного наблюдения на базе ИИ. Anduril, названный в честь легендарного меча из "Властелина колец", следует давней отраслевой традиции называть компании в честь элементов

произведений фэнтези и научной фантастики. [63] В 2021 году, когда Anduril отпраздновал финансирование серии D в размере 450 миллионов долларов, соучредитель Палмер Лаки пообещал, что деньги "будут использованы для превращения американских и союзных военных бойцов в непобедимых техномантов, обладающих мощностью автономных систем для безопасного выполнения своей миссии." [64] Такие компании, как Anduril, получают выгодные контракты с вооруженными силами США отчасти благодаря общему представлению о "техномагии" как о будущем ведения войны. Как сообщает Tech Inquiry, Anduril разделяет один такой контракт с Ghost Robotics, фирмой, которая поставляет роботов-собак с приспособлениями для снайперских винтовок. [65] Здесь конкретные технологические проекты пересекаются с магическим языком, а также с мистикой военного национализма [66], порождая мощное короткое замыкание привязанности. Нельзя беспристрастно наблюдать за множеством возможных технобудущих и оценивать их объективные последствия. Таким образом, будущее, которое предсказывает, сбывается, сливается с будущим, которое должно сбыться.

Контроль

Но какое будущее определяется и переопределяется этим резонансом "малого" и "большого" предсказания? Хотя популярный язык прогнозирования создает впечатление, что достаточно мощные технологии могут буквально *предсказывать* будущие события (абсолютно или в вероятностной форме), теории упреждения и предвосхищения тщательно доказывают обратное. [67] Например, то, что на самом деле делает прогностический полицейский инструмент, – это принимает конкретное *решение* о том, как должно работать будущее. Модель не раскрывает объективное будущее, ожидающее человеческого откровения; скорее, *настаивает*, что преступления повторяются географически и что прошлые частоты преступ-

лений (отслеживаемые по районам, которые были разделены на картографические "квадраты") могут быть линейно экстраполированы для выявления вероятных преступлений в будущем. [68] Это возвращает нас к более раннему пункту Чуна: корреляция и предсказание порождают свои собственные темпоральности, в которых будущее является весьма избирательной версией прошлого. В этом смысле пространство предсказания – как техники, идеи и временной модели – не предлагает абсолютного захвата или исчерпывающей теории "того" будущего; скорее, он передает фантазию о всеобщем контроле, обновляя, в своем собственном обличье, компьютерную мечту, которая была воплощением более века.

История вычислений как история фантазий о тотальном контроле возвращает нас к Винеру и кибернетике. Там тоже предсказание скрывается как центральная проблема. По словам Питера Галисона, [69] Винер изначально начал с работы над очень конкретной прикладной задачей: как смоделировать вероятное местонахождение вражеского самолета через несколько секунд после его последнего обнаруженного местоположения, чтобы встретить его там зенитным огнем. Винер использовал свое более раннее знакомство с сервомеханизмами, чтобы концептуализировать эту проблему и со временем резко расширить свои наблюдения до универсальных теорий человечества и общества как механизмов обратной связи (несмотря, опять же, на то, что первоначальный прогноз ПВО не соответствовал характеристикам альтернативных моделей). Опять же, предсказание действует не столько как метод предсказания более поздних событий, сколько как основа для включения человеческих и социальных явлений в расчетную систему. [70]

Это не означает, что эта история идет по линейному пути, сохраняя чистый и неизменный идеал прогнозирующего управления. Каждая технологическая идея по-сво-

ему случайным образом рекомбинирует связанные тенденции, и каждый период демонстрирует ряд кажущихся исключительными или враждебными интерпретаций. Мы глубоко погружаемся в воображаемый апокалипсис с помощью разумных роботов как раз в то время, когда гимны утопии ИИ становятся громче всего. Как заметил Мишель Фуко, с появлением современного безумия вопрос заключается не в том, разрешает ли структура знания такую двусмысленность, а в том, как она определяет термины амбивалентности и полемики. [71] Послевоенная формулировка предсказания и расчетного контроля, в которой кибернетика играет центральную, но не полную роль, сама унаследовала и модифицировала более ранние взгляды. Орит Халперн утверждает, что идеалы "таксономии, онтологии и архивирования" конца девятнадцатого и начала двадцатого века, в которых энциклопедическое описание вселенной позволяло репрезентировать и понимать, уступили место парадигме "организации, метода и хранения", в котором метафизика и внешний мир были отброшены в пользу внутренней согласованности и, следовательно, предсказуемости. [72] Для Халперна послевоенная связь таких областей, как кибернетика и когнитивные науки, включает "образы не внешнего мира, а паттерны, связывающие мысль с действием" [73] – закономерности, в которых единственное, что имеет значение, – это элементы, которые можно уловить и предсказать.

Историй о вычислительных проектах для тотального контроля много, и они варьируются от проектов Холодной войны, таких как Стратегическая оборонная инициатива США (СОИ), которая продолжила тему прогнозирования в воздушной войне [74], до социологических попыток зафиксировать поведение человека в базах данных и картотечные шкафы, такие как британский проект массового наблюдения за повседневной жизнью [75] или американская база данных Microcard, которая стремилась заар-

хивировать мечты человечества. [76] Многие из сегодняшних характерных задач прогнозирования на основе данных были унаследованы непосредственно от этих старых проектов и их встроенных ориентаций на то, кого или что следует прогнозировать в соответствии с какими стандартами. Таким образом, предиктивные полицейские технологии продлевают гораздо более длительные отношения между полицией и компьютерным захватом, в которых сам проект современной полиции всегда понимался как проект сбора данных особенно бедных, "девиантных" и других различных слоев населения. [77] Центральное место в этих более ранних формах полицейской деятельности, таких как датафикация, занимали эксплицитно физиогномические и френологические усилия по регистрации и измерению человеческих лиц в качестве предикторов преступности. [78] Сегодня распознавание лиц по-прежнему в первую очередь ориентировано на полицию и наблюдение на рабочем месте и направлено против преступников и других "извращенцев", воспроизводя эти более ранние приоритеты в форме "физиогномического ИИ", чтобы "выводить или создавать иерархии состава тела человека, защищенного класса. статус, предполагаемый характер, способности и будущие социальные результаты, основанные на их физических или поведенческих характеристиках". [79] Даже в истории идей и ценностей предсказание перерабатывает весьма избирательное прошлое в то, что представляется как неизбежное будущее.

Демонстрация

Эти характеристики предсказания будущего, от результатов тестов, представленных в техническом невозмутимом виде, до напыщенных рассказов о техно-мистике, не являются "доказательством" обещанного будущего расчетливого контроля. Не доказывается мировоззрение, горизонт или космограмма; скорее, *демонстрирует* это, предлагая общий и интуитивный опыт, который пере-

дает другой способ видения. Неистовый ажиотаж вокруг ИИ (а иногда и больших данных, умных машин, виртуальной реальности и так далее) регулярно высмеивается за то, что он продвигает смутные видения и неуклюжие прототипы как судьбу. Но то, что может оказаться недостаточным в качестве существенного утверждения, вполне может иметь успех в качестве многообещающего видения. Если торговцы технофьючерсами часто кажутся явно не смущенными, то это потому, что они очень хорошо понимают эту разницу – и они знают, что именно последнее обеспечит их финансирование.

Публичные демонстрации всегда были центральным элементом современной технической науки для

создания коллективных инвестиций в новые технологии и научные методы. Классическим случаем остается книга Стивена Шейпина и Саймона Шаффера *"Левиафан и воздушный насос"*, [80] которая показывает, что спор Томаса Гоббса и Роберта Бойля о воздушном насосе последнего был в основе своей спором о форме эксперимента как идеализации *засвидетельствованного* знания. Это вызвало активные споры о том, насколько широкой должна быть эта категория свидетельствующей "общественности" и какие диспозиции и знания эта публика должна была привнести в свою роль. С тех пор такие демонстрации считались мощными площадками для распространения знаний о науке и научных методах, потому что они были местами эмоций и зрелищ. Действительно, второстепенный жанр искусства восемнадцатого и девятнадцатого веков специализировался на демонстрации этих противоречий. На картине Джозефа Райта 1768 года *"Эксперимент с птицей в воздушном насосе"*, например, изображен ученый,

воспроизводящий эксперимент Бойля с воздушным насосом для разношерстной группы мужчин, женщин и детей (возможно, членов зажиточной семьи), чьи выражения лиц варьируются от тревожных и озабоченных до поглощенных и сосредоточенных.

Таким образом, демонстрация – это попытка взрастить ожидания относительно того, как *должна* выглядеть, звучать и ощущаться технoнаука, – и это шаткое пространство, в котором эти ожидания могут быть изменены или поставлены в неловкое положение. Даже в условиях, когда эксперт пытается убедить других экспертов, демонстрация становится вопросом производительности. В *"Пастеризации Франции"* Бруно Латур описывает выдаю-

щееся мастерство Луи Пастера в "театре доказательств". [81] Это процесс, посредством которого теоретические отношения, скажем, микробов и овец должны быть тщательно *преобразованы* в видимые индикаторы, которые аудитория обучена распознавать. [82] Для Пастера этот процесс завершился его знаменитым триумфом в Пуийи-ле-Фор в 1881 году: публичный эксперимент, в котором вакцинированные животные выжили в культурах живой сибирской язвы, а непривитые животные неизменно умирали. Хорошая демонстрация зависит от запечатления внутреннего опыта в общественной памяти, что может совпадать или не совпадать с господствующими стандартами доказательства в экспертном сообществе того времени.

Тем не менее, демонстрации не являются откровенными уловками, устроенными неверующими знатоками исключительно для того, чтобы убедить доверчивых обывателей. Они также являются публичными пространствами для утверждения того, как

ДЕМОНСТРАЦИЯ –
ЭТО ПОПЫТКА
ВЗРАСТИТЬ ОЖИДАНИЯ
ОТНОСИТЕЛЬНО ТОГО,
КАК ДОЛЖНА
ВЫГЛЯДЕТЬ, ЗВУЧАТЬ
И ОЩУЩАТЬСЯ
ТЕХНОНАУКА, – И ЭТО
ШАТКОЕ ПРОСТРАНСТВО,
В КОТОРОМ ЭТИ
ОЖИДАНИЯ МОГУТ БЫТЬ
ИЗМЕНЕНЫ
ИЛИ ПОСТАВЛЕНЫ В
НЕЛОВКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

следует делать надлежащее знание. Таким образом, Бойль использовал воздушный насос как повод заявить, какой язык и манера поведения подходят для хороших членов научного сообщества, и он столкнулся с Гоббсом по поводу надлежащих форм демонстрации результатов: разве не должно быть понастоящему "общественного" эксперимента, и является ли *эксперимент* правильной формой научной демонстрации. [83] Другими словами, это был спор о структуре ритуала: формализация определенных способов выполнения науки и техники, которые со временем культивируют совместную веру в знание, которое создается и подтверждается посредством повторения. [84]

Именно эта логика демонстрации управляет сегодня общественной жизнью предсказания. Индивидуальные случаи предсказания на основе данных – например, технология распознавания лиц, которая предположительно может предсказывать преступность, – часто оказывается состоящей из смеси вводящих в заблуждение и преувеличенных утверждений, но они составляют более широкий ландшафт распространения, в котором предсказание сводится к кажется привычным и даже неизбежным решениям социальных проблем. Некоторые утверждения специально готовятся как публичные зрелища, создавая четко определенные медийные ритуалы: они варьируются от тщательно разработанных тестов производительности, таких как победа AlphaGo на основе нейронной сети против профессионала Го Ли Седоля в 2016 году, до риторических предсказаний технологического прогресса, таких как вышеупомянутые претензии Марвина Мински или Илона Маска.

Демонстрации, как мы видели, являются объектами восхищения. Они культивируют удовольствие от предсказаний – как индивидуальных заявлений о "малом" предсказании, так и футуристических проекций "большого" предсказания – как форму привычного *удовольствия*. Теперь зрители ча-

сто удивляются тому, что "алгоритм" привел их к определенному видео на YouTube или TikTok, и они часто передают этот опыт откровенной фразой: "Я чувствую, что меня *видят*". Кустарная индустрия викторин Facebook для сбора данных опирается именно на это удовольствие от алгоритмической идентификации, таким образом воздействуя на наши сильные и часто противоречивые чувства по поводу того, что для "машин" будет означать точное предсказание того, что мы ранее считали нашим "внутренним" я. То, что Н. Кэтрин Хейлз называет "соматической слежкой", [85] в котором глубокие внутренние свойства тела выявляются для внешнего вида и измерения, разыгрывается как источник очарования и отталкивания.

Представители технологической индустрии уже давно используют эти аффективные настроения, чтобы создавать как свои собственные бренды, так и более широкий культурный профиль технологий как будущего. Одним из примеров является постепенное распространение ежегодных ярмарок компаний. Поскольку за последние два десятилетия немногие крупнейшие компании накопили огромное богатство и влияние на рынке, они вкладывали средства в регулярные мероприятия, такие как Google I/O или Всемирная конференция разработчиков Apple, чтобы запускать новые продукты и предать гласности свои корпоративные взгляды на будущее. будущее технологий. Эти мероприятия частично заменяют давние отраслевые выставки, такие как CES, но они также основываются на наследии всемирных выставок. [86] От Хрустального дворца до Силиконовой долины будущее ритуально обновляется в хореографическом повторении, которое точно соответствует корпоративизированному и коммерциализированному характеру событий.

Рассмотрим I/O, ежегодную конференцию разработчиков Google. Он начался в 2008 году в типичном месте проведения конгрессов Moscone Center в Сан-Францис-

ко. С 2016 года конференция проводится в амфитеатре Shoreline Amphitheatre, открытой площадке, которую обычно бронируют для музыкальных фестивалей и которая изначально была спроектирована так, чтобы напоминать логотип Grateful Dead. Там новые объявления, такие как открытие в 2018 году Duplex, умного помощника, который совершает телефонные звонки от имени владельца, приветствуются громкими аплодисментами тысяч людей. Бенджамин Х. Брэттон утверждает, что такие популярные зрелища инноваций представляют собой "информационно-развлекательную мегацерковь для обывателей", которая маскирует "культурное замедление" переработанного будущего. [87] Эти события обеспечивают не только надежный источник освещения в СМИ новых продуктов, но и механизм, с помощью которого само ожидание новых технологических продуктов транснациональных корпораций становится предметом потребления.

Памятник

Если наше технологическое будущее состоит из захватывающих демонстраций, крайне важно понимать, за что они несут политическую и экономическую власть. Строительство и проектирование грандиозных технологических памятников все чаще переходят к нескольким избранным миллиардерам технологической индустрии, которые экономят для этой цели ничтожные суммы из своего исторически беспрецедентного богатства. Джефф Безос, как известно, на протяжении многих лет использовал свою прибыль от Amazon для ряда таких "побочных инициатив". В одном из них, Blue Origin, он присоединился к миллиардерам Илону Маску и Ричарду Брэнсону в сверхдорогих зрелищах приватизированных космических путешествий; это еще одно пересечение колониальных поисков добывающих границ и производства новых (или недавно переработанных) воображаемых будущих технологий. [88]

Однако еще более символическими для нас могут быть Часы с возрастом 10 000 лет, официально названные Часы Долгого Настоящего. [89] Часы были впервые задуманы в 1986 году и представляют собой величественный *памятник* (то есть "технология" как культура, сосредоточенная в Силиконовой долине, которая выступает за технологию в широком смысле) способность планировать, концептуализировать и реализовывать цивилизационное будущее в огромных временных масштабах. Личная инвестиционная компания Безоса поддерживала его на протяжении многих лет, предоставив финансирование в размере 42 миллионов долларов, хотя пока неизвестно, когда он будет завершен и будет ли он завершен. Это – или, вернее, ему обещают быть – гигантский монумент; для него был куплен участок площадью 180 акров в Неваде, а глубокий пещерообразный дом все еще строится. Часы с энтузиазмом восприняли некоторые из самых известных "провидцев" Кремниевой долины. Кевин Келли, исполнительный редактор-основатель "Wired" и соучредитель "Quantified Self", назвал посещение часов "паломничеством" (хотя эта привилегия была предоставлена только инсайдерам, таким как Келли). [90] Стюарт Брэнд, наставник Келли и создатель каталога Whole Earth в 1960-х годах, принимает активное участие и посетил прототип часов, одетый в синюю мантию, которая смутно напоминает монашеское одеяние. [91] Часы, отмечает Джош Маркус, обеспечивают фокус для воображаемого данных и ИИ: сам Безос объясняет, что "если люди обращают внимание на часы, ... они будут делать больше вещей, таких как Blue Origin". [92] Приоритет предсказания заключается не просто в том, чтобы производить отдельные предсказания как факты, но в том, чтобы формировать этот архив фактов как космос, гобелен, который излагает наши будущие условия возможности на их условиях.

Эд Финн пишет, что вычисление стало собором: отшлифованным интерфейсом для

отношения веры и частичным историческим наследником собора Просвещения как универсальной системы знаний. [93] Часы и космический корабль представляют собой монументальные фасады этого более широкого аппарата веры, как и космографические видения предсказательного контроля. Действительно, 10 000-летние часы претендуют на превосходство технологий над долгим временем, эффективно экстраполируя будущее как линейную стрелу времени. Разумные люди будут управлять тысячелетиями, как сейчас они управляют годами и часами, – говорится в неявном послании. Но даже если технобудущее глубоко впитается в горизонт современности это историческое будущее, лишенное какой-либо реальной политики будущего или способности генерировать множество возможных вариантов будущего. Как повторяющиеся мечты о космической колонизации, технологический выход (с Земли, с краткосрочного) заменители политики и общества. Незавершенные и невидимые, часы символизируют противоречия технобудущего как горизонта: нечто, что всегда есть (видимое), но никогда здесь (исполненное). Сама возможность вложить 42 миллиона долларов в такой спекулятивный объект еще больше обращает наш взор к экономическому, культурному и политическому господству технобудущего, господству, которое направлено не на действительно преобразующие проекты или множество возможных вариантов будущего, а на пережевывание тех же самых старых фантазий о прогнозировании, искусственном интеллекте и автоматизации. Это предостерегает нас, что, поскольку будущее само по себе всегда исторично, оно также является средством, с помощью которого определенные типы субъектов диктуют пространство возможного и отказывают в этом действию другим. В общем, *их* будущее – будущее, в котором ничего важного не нужно менять.

Примечания:

1. Эта статья является продолжением серии исследований, проведенных в рамках гранта Канад-

ского совета по социальным и гуманитарным наукам №430-2019-00078 "Личное установление истины в обществе, управляемом данными". Он также черпает вдохновение в работах Петра Шпунара, Давида Гребера и редакторов серии "Историческое будущее" Золтана Болдизсара Симона и Марека Тамма.

2. Reinhart Koselleck, "Historia Magistra Vitae: The Dissolution of the Topos into the Perspective of a Modernized Historical Process," in *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, transl. Keith Tribe (Cambridge, MA: MIT Press, 1985), 35.

3. Zoltan Boldizar Simon and Marek Tamm, "Historical Futures," *History and Theory* 60, no. 1 (2021), 3-22.

4. John Tresch, "Cosmogram," in *Cosmograms*, ed. Melik Ohanian and Jean-Christophe Royoux (New York: Lukas & Sternberg, 2005), 69.

5. Reinhart Koselleck, "Modernity and the Planes of Historicity," in *Futures Past*, 3-20.

6. François Hartog, *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*, transl. Saskia Brown (New York: Columbia University Press, 2003), 105.

7. As per Ulrich Beck's, Anthony Giddens's, and others' reflexive modernization thesis. See Beck, *Risk Society: Towards a New Modernity*, transl. Mark Ritter (London: SAGE, 1992) and Giddens, *The Consequences of Modernity* (Cambridge: Polity Press, 1990).

8. Silvio Funtowicz and Jerome Ravetz, "The Emergence of Post-Normal Science," in *Science, Politics and Morality: Scientific Uncertainty and Decision Making*, ed. Ren? von Schomberg (Dordrecht: Springer-Science+Business Media, 1993), 85-123.

9. For a recent assessment, see Duncan McLaren and Nils Markusson, "The Co-Evolution of Technological Promises, Modelling, Policies and Climate Change Targets," *Nature Climate Change* 10 (May 2020), 392-97. See also Evander Lewis Price, "Future Monumentality" (PhD diss., Harvard University, 2019), 5.

10. David Graeber, "Of Flying Cars and the Declining Rate of Profit," *The Baffler*, March 2012, <https://thebaffler.com/salvos/of-flying-cars-and-the-declining-rate-of-profit>.

11. See Andreas Huyssen, "Present Pasts: Media, Politics, Amnesia," in *Globalization*, ed. Arjun Appadurai (Durham: Duke University Press, 2001), 57-73.

12. Wendy Hui Kyong Chun, *Discriminating Data: Correlation, Neighborhoods, and the New Politics of Recognition* (Cambridge, MA: MIT Press, 2021), 2.

13. Phil Jones, "Refugees Help Power Machine Learning Advances at Microsoft, Facebook, and Amazon," *Rest of World*, 22 September 2021, <https://restofworld.org/2021/refugees-machine-learning-big-tech/>.

14. Hartog, *Regimes of Historicity*, xviii.

15. Sun-ha Hong, "Technofutures in Stasis: Smart Machines, Ubiquitous Computing, and the Future That

- Keeps Coming Back," *International Journal of Communication* 15 (2021), 1940-60.
16. Reinhart Koselleck, "Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution," in *Futures Past*, 39-54.
 17. Daniel Rosenberg, "An Eighteenth-Century Time Machine: The Encyclopedia of Denis Diderot," in *Postmodernism and the Enlightenment: New Perspectives in Eighteenth-Century French Intellectual History*, ed. Daniel Gordon (New York: Routledge, 2001), 47.
 18. Fred Turner makes this connection between prototype and Puritan teleology in "Prototype," in *Digital Keywords: A Vocabulary of Information, Society and Culture*, ed. Benjamin Peters (Princeton: Princeton University Press, 2016), 256-68.
 19. Michel Foucault traced this reliance in the history of political economy as governmentality. Here, nature functions as a reliable guarantor for the knowledge production of the economist: "It is not [merely] background, but a permanent correlative," in that "laws of nature" can constantly be described and invoked to derive further economic claims (10 January 1979, in *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-79*, ed. Michel Senellart, transl. Graham Burchell [Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008], 16).
 20. Simon and Tamm, "Historical Futures," 8.
 21. Fredric Jameson, "Progress versus Utopia; Or, Can We Imagine the Future?" *Science Fiction Studies* 9, no. 2 (1982), 153.
 22. For more, see Sun-ha Hong, *Technologies of Speculation: The Limits of Knowledge in a DataDriven Society* (New York: New York University Press, 2020), 94.
 23. Virginia Eubanks, *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor* (New York: St. Martin's Press, 2018).
 24. Os Keyes, "The Body Instrumental," *Logic*, 7 December 2019, <https://logicmag.io/nature/the-body-instrumental/>; Shea Swauger, "Our Bodies Encoded: Algorithmic Test Proctoring in Higher Education," *Hybrid Pedagogy*, 2 April 2020, <https://hybridpedagogy.org/our-bodies-encoded-algorithmic-test-proctoring-in-higher-education/>.
 25. Fenwick McKelvey and Joshua Neves, "Introduction: Optimization and Its Discontents," *Review of Communication* 21, no. 2 (2021), 96.
 26. Stephen Jay Gould, *The Mismeasure of Man*, rev. ed. (New York: Norton, 1996).
 27. Ali Alkhatib, "To Live in Their Utopia: Why Algorithmic Systems Create Absurd Outcomes," in *CHI '21: Proceedings of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (New York: ACM, 2021).
 28. For one overview, see Luke Stark and Jesse Hoey, "The Ethics of Emotion in Artificial Intelligence Systems," in *FACCT '21: Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency* (New York: ACM, 2021), 782-93.
 29. Hong, *Technologies of Speculation*, 94.
 30. See, for example, Boris Jardine and Matthew Drage, "The Total Archive: Data, Subjectivity, Universality," *History of the Human Sciences* 31, no. 5 (2018), 3-22, and Clifford Siskin, *System: The Shaping of Modern Knowledge* (Cambridge, MA: MIT Press, 2016).
 31. For more on this view of Shannon and Hartley, see Jimmy Soni and Rob Goodman, "How Information Got Re-Invented," *Nautilus*, 4 August 2017, http://nautil.us/issue/51/limits/how-information-got-re_invented
 32. Michael Betancourt, "The Demands of Agnotology::Surveillance," *CTheory*, 17 July 2014, <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14785/5660>.
 33. Chun, *Discriminating Data*, 52.
 34. *Ibid.*, chapters 1-2. See also Aubrey Clayton, "How Eugenics Shaped Statistics," *Nautilus*, 27 October 2020, <https://nautil.us/how-eugenics-shaped-statistics-9365/>.
 35. Jessica Snouwlaert, "Elon Musk Predicts People Won't Have to Talk in 10 Years Because They'll Be Able to Use an Alien-Like Mind Language to Communicate without Words," *Business Insider*, 8 May 2020, <https://www.businessinsider.com/elon-musk-prediction-human-to-human-mind-communication-10-years-2020-5>.
 36. Sun-ha Hong and Piotr M. Szipunar, "The Futures of Anticipatory Reason: Contingency and Speculation in the Sting Operation," *Security Dialogue* 50, no. 4 (2019), 314.
 37. Niklas Luhmann, "The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society," *Social Research* 43, no. 1 (1976), 140.
 38. David F. Noble, *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation* (New Brunswick: Transaction Publishers, 2011).
 39. Sam Hind, "Making Decisions: The Normal Interventions of Nissan 'Mobility Managers,'" *Mobilities* (2021), 1-17, <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1988682>.
 40. Paul N. Edwards, *The Closed World: Computers and the Politics of Discourse in Cold War America* (Cambridge, MA: MIT Press, 1996).
 41. Carolyn Marvin, *When Old Technologies Were New: Thinking about Electric Communication in the Late Nineteenth Century* (Oxford: Oxford University Press, 1988).
 42. Bratton spoke at a New York Times conference; see "Cities for Tomorrow 2015 – Data Mining in the Modern City," *New York Times Events*, uploaded 21 July 2015, YouTube video, 32:21, <https://www.youtube.com/watch?v=2ivGqyVJac>.

43. For this theme of rehearsed and simulated futures, see Timothy Melley, *The Covert Sphere: Secrecy, Fiction, and the National Security State* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2012).
44. Piotr M. Szpunar, "Promnesic Futures: Technology, Climate, Deja Vu," *Memory Studies* 14, no. 4 (2021), 747-61.
45. Tresch, "Cosmogram," 69.
46. Lauren Berlant, *Cruel Optimism* (Durham: Duke University Press, 2011), 2.
47. Tresch, "Cosmogram," 71.
48. Peter Galison, "The Ontology of the Enemy: Norbert Wiener and the Cybernetic Vision," *Critical Inquiry* 21 (1994), 252-53.
49. Wendy Hui Kyong Chun, *Control and Freedom: Power and Paranoia in the Age of Fiber Optics* (Cambridge, MA: MIT Press, 2006).
50. Tung-Hui Hu, *A Prehistory of the Cloud* (Cambridge, MA: MIT Press, 2015).
51. Mark Andrejevic, "Surveillance in the Digital Enclosure," *Communication Review* 10, no. 4 (2007), 295-317.
52. Tresch, "Cosmogram," 67.
53. John Tresch, "Cosmopragmatics and Petabytes," in *Aesthetics of Universal Knowledge*, ed. Simon Schaffer, John Tresch, and Pasquale Gagliardi (Cham: Palgrave Macmillan, 2017), 139. Much here resonates with David E. Nye's classic work on the American technological sublime; Nye defined the sublime as comprised of collective, ritual experiences around grand technological monuments that "ta[p] into fundamental hopes and fears," evoking an "essentially religious feeling" via "the confrontation with impressive objects" (*American Technological Sublime* [Cambridge, MA: MIT Press, 1994], xiii).
54. David Sherfinski and Avi Asher-Schapiro, "U.S. Prisons Mull AI to Analyze Inmate Phone Calls," *Reuters*, 9 August 2021, <https://www.reuters.com/article/idUSKBN2FAoOO>
55. James Wright, "Suspect AI: Vibraimage, Emotion Recognition Technology and Algorithmic Opacity," *Science, Technology and Society* (2021), 1-20, <https://doi.org/10.1177/09717218211003411>.
56. Julia Dressel and Hany Farid, "The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism," *Science Advances* 4, no. 1 (2018), 1-5.
57. Will Douglas Heaven, "Hundreds of AI Tools Have Been Built to Catch COVID. None of Them Helped," *MIT Technology Review*, 30 July 2021, <https://www.technologyreview.com/2021/07/30/1030329/machine-learning-ai-failed-covid-hospital-diagnosis-pandemic/>.
58. John Cheney-Lippold, *We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves* (New York: New York University Press, 2017), 72-74.
59. "Chinese Man Caught by Facial Recognition at Pop Concert," *BBC News*, 13 April 2018, <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-43751276>.
60. Charles Duhigg, "How Companies Learn Your Secrets," *The New York Times Magazine*, 16 February 2012, <https://www.nytimes.com/2012/02/19/magazine/shopping-habits.html>.
61. For a critique and history of the use of benchmarks, see Inioluwa Deborah Raji et al., "AI and the Everything in the Whole Wide World Benchmark," in *Proceedings of the Neural Information Processing Systems Track on Datasets and Benchmarks*, vol. 1, *NeurIPS Datasets and Benchmarks 2021*, ed. J. Vanschoren and S. Yeung (2021), <https://datasets-benchmarks-proceedings.neurips.cc/paper/2021/hash/o84b6fbb10729ed4da8c3d3f5a3ae7c9-Abstract-round2.html>.
62. Alexander Campolo and Kate Crawford, "Enchanted Determinism: Power without Responsibility in Artificial Intelligence," *Engaging Science, Technology, and Society* 6 (2020), 1.
63. Indeed, Anduril was partly funded by Peter Thiel, who cofounded Palantir Technologies, which was named after the all-seeing eye in Tolkien's work and which has served counter-terrorism analytics technology to clients such as the US Department of Defense.
64. Palmer Luckey (@PalmerLuckey), "We just raised \$450M in Series D Funding for Anduril," *Twitter*, 17 June 2021, <https://twitter.com/PalmerLuckey/status/1405595273263423490>.
65. Jack Poulson, "Easy as PAI," *Tech Inquiry*, 10 September 2021, <https://techinquiry.org/EasyAsPAI/>.
66. Carolyn Marvin and David W. Ingle, *Blood Sacrifice and the Nation: Totem Rituals and the American Flag* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
67. See, for instance, Hong and Szpunar, "The Futures of Anticipatory Reason"; Brian Massumi, "Potential Politics and the Primacy of Preemption," *Theory & Event* 10, no. 2 (2007); Limor Samimian-Darash, "Governing Future Potential Biothreats: Toward an Anthropology of Uncertainty," *Current Anthropology* 54, no. 1 (2013), 1-22; and Louise Amoore, "Data Derivatives: On the Emergence of a Security Risk Calculus for Our Times," *Theory, Culture & Society* 28, no. 6 (2011), 24-43.
68. See Aaron Shapiro, *Design, Control, Predict: Logistical Governance in the Smart City* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020).
69. Galison, "The Ontology of the Enemy."
70. Philip E. Agre, "Surveillance and Capture: Two Models of Privacy," in *The New Media Reader*, ed. Noah Wardrip-Fruin and Nick Montfort (Cambridge, MA: MIT Press, 1994), 740-60.
71. Michel Foucault, *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*, transl. Richard Howard (New York: Vintage Books, 1988), xii.
72. Orit Halpern, *Beautiful Data: A History of Vision and Reason since 1945* (Durham: Duke University Press, 2014), 13. While the focus here is on

technoscientific models, this shift occurred alongside and in resonance with what has been described as the "overwhelming of reason by rationality" in the Cold War era (*ibid.*)-that is, the gradual separation and prioritization of more rigid, rules-bound (in short, algorithmic) rationality versus the inherited Enlightenment ideal of thinking, feeling reason. See Paul Erickson et al., *How Reason Almost Lost Its Mind: The Strange Career of Cold War Rationality* (Chicago: University of Chicago Press, 2013).

73. Halpern, *Beautiful Data*, 13.

74. Edwards, *The Closed World*.

75. Boris Jardine, "Mass-Observation, Surrealist Sociology, and the Bathos of Paperwork," *History of the Human Sciences* 31, no. 5 (2018), 52-79.

76. Rebecca Lemov, *Database of Dreams: The Lost Quest to Catalog Humanity* (New Haven: Yale University Press, 2015).

77. Dean Wilson, "Predictive Policing Management: A Brief History of Patrol Automation," *New Formations* 98 (July 2020), 139-55; Joshua Reeves and Jeremy Packer, "Police Media: The Governance of Territory, Speed, and Communication," *Communication and Critical/Cultural Studies* 10, no. 4 (2013), 359-84.

78. Kelly A. Gates, *Our Biometric Future: Facial Recognition Technology and the Culture of Surveillance* (New York: New York University Press, 2011); Allan Sekula, "The Body and the Archive," *October* 39 (Winter 1986), 3-64.

79. Luke Stark and Jevan Hutson, "Physiognomic Artificial Intelligence," *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal* 32, no. 4 (2022), 922-78.

80. Steven Shapin and Simon Schaffer, *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life* (Princeton: Princeton University Press, 1985).

81. Bruno Latour, *The Pasteurization of France*, transl. Alan Sheridan and John Law (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988), 85.

82. *Ibid.*, 80-87.

83. Shapin and Schaffer, *Leviathan and the Air-Pump*.

84. Roy A. Rappaport, *Ritual and Religion in the Making of Humanity* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

85. N. Katherine Hayles, "Cognitive Assemblages: Technical Agency and Human Interactions," *Critical Inquiry* 43, no. 1 (2016), 43.

86. Szpunar, "Promnesic Futures."

87. Benjamin H. Bratton, *The Stack: On Software and Sovereignty* (Cambridge, MA: MIT Press, 2015), 304.

88. Mary-Jane Rubenstein, "The New Corporate Space Race: A Colonial Remix," *The Revealer*, 5 April 2021, <https://therevealer.org/the-new-corporate-space-race-a-colonial-remix/>. Predictably, this future too is older than it first seems: Stewart Brand had organized a space colonization conference in the 1970s.

89. For similar treatments of the 10,000-Year Clock, see Stefan Skrimshire, "Deep Time and Secular Time: A Critique of the Environmental 'Long View,'" *Theory, Culture and Society* 36, no. 1 (2018), 63-81; Tamara Kneese, "Spiritual Machines: Transhumanist Temporalities and Startup Culture" (presentation, Humanism and Its Prefixes, Berkeley, CA, 3-4 October 2015); and Price, "Future Monumentality," chapter 4.

90. "The Clock of the Long Now," *Long Now Foundation*, <https://longnow.org/clock/>.

91. Kevin Kelly, "The Clock in the Mountain," *The Technium*, 16 June 2011, <https://kk.org/thetechnium/the-clock-in-th/>.

92. Josh Marcus, "Eternity Now! Jeff Bezos's 10,000-Year Plan," *The Drift*, 6 May 2021, <https://www.thedriftmag.com/eternity-now/>.

93. Ed Finn, *What Algorithms Want: Imagination in the Age of Computing* (Cambridge, MA: MIT Press, 2017).

Jørgensen Dolly, Professor of History, University of Stavanger, Norway

Extinction, in biological terms, is the end of an evolutionary line, a potential future cutoff. It involves a transition between the historical past in which a species was biologically alive and a future in which it isn't, a transition from extant to extinct. In this contribution to the "Historical Futures" series, I examine two aspects of extinction histories: transition and anticipation. First, I argue that scholars need to understand extinction as a process with a prolonged and even possibly reversible transition between extant and extinct rather than a definitive end point. Second, I analyze conservation as a practice of anticipatory extinction that tries to create futures for extant species. Extinction, as a nonlinear process, demands that we consider the coterminous past, present, and future. The end of futures for a species requires rethinking how we conceptualize historical (future) endings under times of rapid environmental change.

Keywords: environmental history; conservation; extinction; transitions; anticipation; Anthropocene.

EDN: HJWSTB; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-13.3

ВЫМИРАНИЕ И КОНЕЦ БУДУЩЕГО [1]

Вымирание, с биологической точки зрения, – это конец эволюционной линии, потенциальный конец будущего. Он включает в себя переход между историческим прошлым, в котором вид был биологически живым, и будущим, в котором его нет, переход от существующего к вымершему. В этом вкладе в серию "Историческое будущее" я исследую два аспекта истории вымирания: переход и ожидание. Во-первых, я утверждаю, что ученые должны понимать вымирание как процесс с длительным и даже, возможно, обратимым переходом между существующим и исчезнувшим, а не как окончательную конечную точку. Во-вторых, я рассматриваю сохранение как практику упреждающего вымирания, которая пытается создать будущее для существующих видов. Вымирание как нелинейный процесс требует, чтобы мы учитывали совпадающие прошлое, настоящее и будущее. Конец будущего для вида требует переосмысления того, как мы концептуализируем исторические (будущие) окончания во времена быстрых изменений окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая история; консервация; вымирание; переходы; ожидание; Антропоцен.

Научный консенсус заключается в том, что мы переживаем массовое планетарное вымирание, когда более миллиона видов растений и животных в настоящее время находятся под угрозой исчезновения. В антропоцене изменение окружающей среды, вызванное деятельностью человека, является причиной почти всех современных вымираний. [2] Вымирание, с биологической точки зрения, является концом эволюционной линии, потенциальным концом будущего. Таким образом, истории вымирания неизбежно являются историями конца будущего.

Ученые-экологи-гуманитарии, особенно те, кто исходит из философии окружающей среды, размышляли о запутанности времени и поколений в процессах вымирания. В своей книге, положившей начало подразделу "исследования вымирания",

УДК 130.2
БАК 5.10.1

© Йёргенсен Д., 2023
© Григорьева М.А.,
перевод с англ., 2023
© Чуйкова Валерия,
иллюстрации, 2023

Jørgensen D. Extinction and the end of futures // History and Theory. Volume 61. Issue2. (June 2022), 209-218. Published by Wiley Periodicals LLC on behalf of Wesleyan University. ISSN: 0018-2656 DOI: 10.1111/hith.12258. First published: 26 April 2022 <https://doi.org/10.1111/hith.12258>

ЙЁРГЕНСЕН Долли,
профессор истории,
Университет Ставангера,
Норвегия

* The author is funded by the Research Council of Norway for the project "Beyond Dodos and Dinosaurs: Displaying Extinction and Recovery in Museums" (project 283523).

Дебора Бёрд Роуз, Том ван Доурен и Мэтью Хрулю утврждали, что генеративная способность вида заканчивается вымиранием. [3] С вымиранием лишаются возможности для будущего биологического поколения, и это нарушает отношения. Вымирание как процесс включает в себя одновременно элементы глубинного времени и быстрые изменения. Долгое эволюционное прошлое внезапно и, казалось бы, подходит к концу.

Вымирание как процесс и как идея исторически обусловлено и ограничено временем. Западное научное понимание вымирания как биологического явления возникло в определенный момент в контексте европейского колониализма. От находок костей

мастодонта, которые обсуждались Томасом Джефферсоном и Жоржем Кювье, до быстрого исчезновения морских коров Stellar в северной части Тихого океана, вымирание стало очевидным для европейцев в Новом Свете. [4] Вымирание животных, от потери странствующего голубя и попыток истребления американского бизона в Северной Америке до преднамеренного искоренения тилацина в Австралии, распространилось с расширением белых поселений в девятнадцатом веке. [5] Вымирание – это исторические явления, связанные с физическими изменениями и культурным признанием этих изменений. Вымирание находится на пересечении истории культуры и естественной истории.

С одной стороны, истории вымирания просты – это заключительная глава повествования. На фоне полного упадка концовка, казалось бы, пишется сама собой. Тем не менее, я считаю, что вымирание бросает вызов нашему традиционному историческому подходу. С вымиранием временные рамки становятся беспорядочными. Как можно с уверенностью узнать о вымирании, которое основано на отсутствии чего-либо повсюду в данный момент, исходя из прошлых данных? Происходит ли вымирание, когда исчезает последняя особь или когда нет шансов на будущее? Историки знают, что наше повествование всегда зависит от времени – то, где мы начинаем и заканчиваем нашу

историю, имеет значение для ее прочтения – так как же технологический потенциал воссоздания видов в будущем влияет на нашу интерпретацию истории?

Все эти вопросы выявляют вымирание как исторический феномен, ориентированный на будущее. Во введении к серии "Историческое будущее" Золтан Болдишар Симон и Марек Тамм предположили, что существуют три модальности исследования исторического будущего: переходы, упреждающие практики и регистры. [6] В этом дополнении к серии я подхватываю призыв Саймона и Тамма и исследую практики перехода и ожидания в историях вымирания. Я утверждаю, что конец будущего для вида

требует переосмысления того, как мы концептуализируем исторические (будущие) окончания во времена быстрых изменений окружающей среды.

Переход от/к вымиранию

Вымирание включает в себя переход между историческим прошлым, в котором вид был биологически живым, и будущим, в котором он не жив, переход от существующего к вымершему. Даже в туземных космологиях, которые представляют вымирание как вид, отступающий от своих нынешних отношений, а не прекращающий свое существование, все еще существует переход к состоянию вида, не существующего физически. [7] Назвать что-то вымиранием – значит признать конец. Вопрос в том, закончится ли это хныканьем или взрывом.

Вымирание в основном определяется как отсутствие вещи, то есть ее больше не существует. Но как определить, что чего-то здесь нет? Историческое письмо обычно начинается с предпосылки, что для утверждения необходимы доказательства. Запись из отсутствия проблематична, потому что отсутствие чего-либо в записи может означать не то, что этого не было, а скорее то, что у нас нет к этому доступа. При написании истории вымирания встает проблема отсутствия. Отсутствие во всех местах будет означать, что вид вымер, а присутствие только в одном месте означает, что это не так. Переход от ненахождения чего-либо в каком-либо месте (наличие отсутствия) к утверждению, что чего-то нигде нет (отсутствие присутствия) затруднен. [8] Всего одно подтвержденное наблюдение из одного места в один момент времени подтверждает, что вид скорее существует, чем вымер. Поскольку сбор таких доказательств так же непрактичен, как создание карты мира Льюиса Кэрролла в масштабе один к одному, вымирание обычно оспаривается.

ВЫМИРАНИЕ
В ОСНОВНОМ
ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ
КАК ОТСУТСТВИЕ ВЕЩИ,
ТО ЕСТЬ ЕЕ БОЛЬШЕ
НЕ СУЩЕСТВУЕТ.
НО КАК ОПРЕДЕЛИТЬ,
ЧТО ЧЕГО-ТО ЗДЕСЬ НЕТ?

Тилацин, так же известный как тасманийский тигр, является наиболее известным объектом вымирания. [9] На тилацине, крупнейшего сумчатого хищника в современной Австралии, с начала 1800-х годов систематически охотились белые колониальные поселенцы на острове Тасмания, потому что считалось, что он предшествует поселенческому домашнему скоту. Сразу

после того, как в 1936 году умер последний пленный тилацин, поисковая группа Совета по защите животных и птиц Тасмании отправилась в горный район острова, чтобы найти других особей. Хотя тилацинов замечено не было, были собраны другие доказательства их присутствия, такие

как слепки следов. Предполагалось, что, хотя люди не видели тилацина напрямую, они все еще были там, скрыты от глаз. В последующие десятилетия проводились экспедиции по поиску тилацинов, и сообщения о наблюдениях за тилацинами регулярно украшали страницы местных газет. [10] Тем не менее, останки тилацина найдены не были. В конечном итоге тилацин был объявлен вымершим Международным союзом охраны природы в 1982 году и правительством Тасмании в 1986 году, через пятьдесят лет после смерти последней известной особи.

Такая временная задержка в объявлении о вымирании типична. Например, карибского тюленя-монаха в последний раз видели в 1950-х годах, но только в 2008 году Служба рыболовства и дикой природы США классифицировала его как вымершего. Этот вывод был сделан только после десятилетий обширных аэрофотосъемок, интервью с местными жителями и изучения всех сообщений о наблюдениях. [11] Белоклювый дятел – еще один пример длительного перехода к вымиранию. Последнее общепризнанное наблюдение птицы было в 1944

году, но отчеты о наблюдениях поступали в течение следующих десятилетий. В 2005 году группа ученых во главе с Джоном Фитцпатриком из Корнеллской лаборатории орнитологии заявила, что у них есть доказательства того, что в Арканзасе все еще живут белоклювые дятлы. [12] Объявление вызвало ажиотаж в СМИ, но визуальные доказательства были быстро опровергнуты другими экспертами. [13] Были предприняты многочисленные обширные поиски в поисках дополнительных доказательств, но ничего неопровержимого найдено не было. В 2021 году Служба охраны рыбных ресурсов и дикой природы США предложила исключить белоклювого дятла из списка исчезающих видов, поскольку он должен быть классифицирован как вымерший. Официальный переход от существования к исчезновению долгий из-за трудности превращения отсутствия присутствия в присутствие отсутствия.

Переход между существующим и вымершим иногда описывается как история отдельного человека, финала. Термин "эндлинг", который определяется как последняя особь вида, стал использоваться все чаще с тех пор, как он был впервые представлен на выставке Австралийского национального музея в 2001 году, посвященной вымиранию тилацина. [14] Что касается тилацина, то окончание считается последней особью в неволе, которая умерла в 1936 году в зоо-

парке в Хобарте. Endlings – это абсолютные трагедии, потому что со смертью индивидуума будущее их вида заканчивается.

Марта, последний странствующий голубь в неволе, олицетворяет использование смерти эндлинга как замену вымиранию. Когда Марта умерла в зоопарке Цинциннати в 1914 году, странствующих голубей больше не было. Таким образом, казалось естественным, что к столетию вымирания в 2014 году Марта заменит всех странствующих голубей. Это проявляется в текстах, начиная от популярной книги по истории Марка Эйвери *"Послание от Марты"* (2014 г.) и заканчивая крупномасштабной фреской *"Марта, последний странствующий голубь"* художника Джона А. Рутвена в Цинциннати, штат Огайо (2013 г.). Сама Марта (в виде чучела) была главной достопримечательностью книги Смитсоновских библиотек *"Когда-то были миллиарды: исчезнувшие птицы Северной Америки"* (2014-2016), временной выставки, созданной в честь столетия со дня ее смерти.

Смерть последней особи служит переходом от существующего к вымершему.

Но так ли это на самом деле, когда происходит вымирание? Если бы тилацин или хотя бы небольшая группа тилацинов были обнаружены, это не означало бы, что животное избежало вымирания. Когда популяции вида очень малы, они могут быть "функционально вымершими" – этот термин используется, когда популяция не может восста-

новиться. У северного белого носорога, который технически является подвидом белого носорога, живущего в Центральной и Восточной Африке, осталось только две особи, обе из которых самки. [15] Это означает, что, хотя северные белые носороги все еще существуют, этот вид функционально вымер, поскольку больше не может воспроизводиться. То же самое можно сказать и

об Одиноким Джордже, последней черепахе острова Пинта, которая умерла в 2012 г. [16] Он провел сорок лет в неволе как единственный известный представитель своего вида, что сделало невозможным воспроизведение потомства черепахи с острова Пинта. В этих случаях конец будущего вида наступал независимо от нескольких живых особей.

Когда вид считается вымершим, возможности для написания его истории и будущего ограничены – вымирание служит концом истории жизни вида. Вымирание меняет то, как мы читаем и интерпретируем более ранние истории видов, превращая историю о возможных исходах в историю о неизбежном конце. Например, знаменитый натуралист Альдо Леопольд размышлял об этой связи между вымиранием странствующего голубя и историей капитализма: "Экономисты-моралисты говорят нам, что оплакивать голубя – это просто ностальгия; что, если бы голубеводы не покончили с ним, фермеры в конечном итоге были бы вынуждены сделать это в порядке самообороны". [17] Исчезновение странствующего голубя было неизбежно, и его можно было увидеть только задним числом, даже если бы Леопольд хотел, чтобы другие варианты будущего были возможны.

Тем не менее, даже если вид официально объявлен вымершим государственными органами, переход к исчезновению может

быть неполным. Департамент первичной промышленности, парков, водных ресурсов и окружающей среды Тасмании регулярно расследует отчеты о наблюдениях и поисках тилацина. [18] В 2021 году в СМИ появились сообщения о предполагаемом обнаружении тилацина с вескими доказательствами. В новостных статьях говорилось, что был снят тилацин, но ученые, просмотревшие кадры, сразу идентифицировали его как тасманского падемельоном. [19] Хотя это последнее обнаружение не было определено как тилацин, возможность того, что он был обнаружен, нельзя полностью исключить. Ведь австралийского ночного попугая (*Pezoporus occidentalis*) не было в подтвержденных наблюдениях в период с 1912 по 1979 годы, но с 2016 года было снято несколько живых ночных попугаев, а палочник острова Лорд-Хау (*Dryococelus australis*), который считался вымершим с 1930 года, был вновь открыт в 2001 году. Затянувшаяся неопределенность исчезновения означает, что в любой момент в будущем историю прошлого тилацина,

возможно, придется переписать, поскольку она окажется существующей.

Будущее и историю вида, возможно, также придется переписать из-за технологий вымирания. Благодаря новым генетическим методам клонирования и сплайсинга ДНК рекламируется как путь обратного перехода от вымерших видов к существующим. Хотя это может звучать как научная фантастика, отдельный клон пиренейского козла (также называемого испанским букардо) родился в 2003 году, через три года после смерти последнего животного. Хотя детеныш букардо умер почти сразу после рождения, процессы возрождения или вымирания видов тревожат временные рамки вымирания. [20]

Текущие проекты по возрождению вымерших видов, таких как тилацин и странствующий голубь, разрушают одностороннее историческое повествование о вымирании, потому что они утверждают, что вымирание можно отменить. [21] Адам Сирл утверждал, что возрождение связано с "лиминальной материальностью между живыми и мертвыми": оно использует генетический материал, который, хотя сам по себе и не является живым, может составлять живую материю, превращая ДНК в "спасенные призраки утраченного прошлого вымирания, синтезированные призраки прошлого". [22] По мнению некоторых, вымирание, в конце концов, может быть не конечным будущим.

Вместо того, чтобы думать о вымирании как о фиксированном состоянии, которое начинается в определенный момент исторического времени, историки должны понимать вымирание как длительный нелинейный переход между существующим и вымершим. Вымирание можно оспорить; статус вымирания может меняться взад и вперед, если вид заново открывается или воссоздается. Хотя вымирание номинально является концом линии для вида, всегда

существует вероятность того, что будущий конец будет отменен. Вымершие виды находятся в переходном лиминальном пространстве – в основном мертвые, но потенциально живые.

В ожидании вымирания

Майкл Соуле в своей новаторской статье 1985 года "Что такое природоохранная биология?" определил область природоохранной биологии как "кризисную дисциплину". [23] Он утверждал, что месторождение долж-

жно работать в кризисном режиме, потому что быстрые и необратимые экологические проблемы, такие как вырубка леса, фрагментация среды обитания, браконьерство и инвазивные виды, требуют немедленных действий. Излагая ос-

новополагающие положения природоохранной биологии, Соуле утверждал, что биоразнообразие, экологическая сложность и эволюция – это хорошо, а "преждевременное исчезновение популяций и видов – это плохо". [24] Он выступал за то, чтобы судить о действиях биологов-охранников по этим нормативным постулатам, когда они откликнулись на призыв "значительно изменить скорость, на которой биотическое разнообразие уничтожается". [25] В этом аргументе Соуле участвовал в дискурсивном создании "кризиса биоразнообразия", который стал доминировать в экологическом мышлении с 1980-х годов. [26]

Кризис Соуле – это кризис вымирания. Мы можем интерпретировать взгляд Соуле на практику сохранения видов как на опережающую практику вымирания. Другими словами, Соуле создал природоохранную биологию как прямой ответ на надвигающуюся угрозу вымирания, которая нанесет ущерб существующим биологическим сообществам, функциям и видам, которые он считал базовыми благами. Сохранение как действие мотивировано исчезновением как альтернативой.

ВЫМИРАНИЕ
ПРОИСХОДИТ, КОГДА
ИСЧЕЗАЕТ ПОСЛЕДНЯЯ
ОСОБЬ ИЛИ КОГДА НЕТ
ШАНСОВ НА БУДУЩЕЕ?

Ученые-экологи, занимающиеся гуманитарными науками, также склонны предвидеть вымирание, объединяя возможные будущие вымирания и современное сохранение. Влиятельная книга Урсулы Хейз *"Воображаемое вымирание"* имеет подзаголовок "Культурное значение видов, находящихся под угрозой исчезновения", тем самым изображая сохранение как предотвращение вымирания в будущем. [27] Большинство глав в книге *"Исследование вымирания"* также посвящены вымирающим видам, которые все еще существуют, а не видам, вымершим во всем мире. [29] Такие заголовки, как *"Деколонизирующее вымирание: работа по уходу за орангутанами"* Джуно Салазар Парреньяс и *"Сны о дикой собаке: любовь и вымирание"* Деборы Берд Роуз, предполагают, что их все еще существующие животные вымрут, если нынешние методы будут продолжаться. Эти работы обнаруживают склонность к тревоге вымирания, страху перед потенциально законченным будущим. [30]

Историки-экологи продемонстрировали, что вымирание – или, что еще чаще, неминуемая угроза вымирания – мотивировало усилия по сохранению. Сохранение – это мера, которая пытается расширить во времени в будущее то, что существовало в прошлом и все еще существует в настоящем. В отличие от случая вымирания, когда вид существовал в прошлом и не существует в настоящем, но будет переделан для будущего существова-

ния, природоохранная деятельность направлена на сохранение присутствия вида на неопределенный срок. Например, Райан Такер Джонс показал, как усилия Российско-американской компании по сохранению Тихого океана в девятнадцатом веке были раз-

работаны в ответ на полное исчезновение звездчатой морской коровы и локальное сокращение популяции морских котиков и каланов. [31] В конце девятнадцатого и двадцатого веков защитники природы боролись с прогнозируемым вымиранием с помощью природоохранных мер, от частной охраны зубров до международных структур, таких как американо-канадский договор о перелетных птицах и Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП). [32] Сосредоточение внимания на будущих вымираниях, а не на уже совершившихся, открывает возможности для действий по сохранению временной шкалы вида. Как утверждала Элизабет Хеннесси, в случае с галапагосскими черепахами, переход от сообщений о потерях, связанных

с вымиранием, к подаче "тревоги о приближающемся исчезновении черепах" путем выявления групп риска "создал пространство для размышлений о спасении черепах". [33]

Таким образом, рассказывать истории сохранения означает рассказывать истории воображаемых будущих вымираний. В исторической нарративной практике конец

видов в прошлом становится связанным с будущими (возможными) окончаниями. *Extinction Voices*, выставка естественной истории в Бристольском музее и художественной галерее в 2019 году демонстрирует, как это может работать на практике. Куратор секции естественной истории Исла Гладстон сочла необходимым отреагировать на отчет, опубликованный Межправительственной научно-политической платформой по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES), в котором сделан вывод о том, что миллиону видов грозит исчезновение, если глобальный статус-кво останется неизменным. [34] Вместо того, чтобы сделать отдельную выставку о вымирании, Гладстон вмешалась в существующие экспозиции: она добавила к существующим образцам этикетки, подтверждающие их статус МСОП, если они вымерли, находятся под угрозой исчезновения, находятся под угрозой или уязвимы, и накрывала образцы черной полупрозрачной тканью. [35] Цель состояла в том, чтобы заставить посетителей представить себе мир, в котором эти животные вымерли. Музей естествознания, в котором обычно выставлены артефакты прошлого и настоящего, был перепрофилирован, чтобы курировать будущее. [36] В антропоцене музеи призваны предвосхищать будущее вымирания, а не просто документировать прошлое вымирания.

Сохранение биоразнообразия предвосхищает возможное или вероятное будущее. В то время как некоторые методы сохранения, особенно экологическое восстановление, подвергались критике за то, что слишком много внимания уделялось прошлому в целях сохранения, [37] также заслуживает рассмотрения будущая ориентация сохранения

как предвосхищение исчезновения. Постоянная угроза исчезновения означает, что истории сохранения должны, по сути, быть написаны как истории будущего.

Вымирание как конец будущего или начало конца

Вымирание не только в прошлом; это очень актуально. Затем это настоящее влияет на видение того, что ждет нас в будущем. Мир вымирания – это не мир без вымерших видов; скорее, это мир, в котором эти виды меняют форму. Люди, как родственники нечеловеческих особей, продолжают поддерживать с ними отношения, независимо от их статуса вымирания. [38] Эти отношения обладают историчностью и темпоральностью, связывая существующее и исчезнувшее.

Вымершие вещи не исчезают просто так. Одра Митчелл утверждает, что вымирание способствует размножению вида, а не его сокращению. [39] Вымершие виды – это "отсутствующие субъекты", связанные с людьми посредством повествования и повседневного дискурса. Динозавры обитают в детских книгах. Додо бродит по разным местам, начиная от Алисы в стране чудес и заканчивая музеем. Тилацин смотрит на прохожих с номерных знаков автомобилей на Тасмании. "Мертвый как Додо" не означает мертвый и забытый; это означает жить и существовать даже в (или, возможно, из-за) исчезновении.

Размышление о вымирании и вымерших вещах может помочь нам понять, как история разворачивается в быстроменяющихся условиях окружающей среды. Философ Мишель Бастиан утверждает, что нам нужно переосмыслить то, как мы измеряем время

МИР ВЫМИРАНИЯ – ЭТО
НЕ МИР БЕЗ ВЫМЕРШИХ
ВИДОВ; СКОРЕЕ, ЭТО
МИР, В КОТОРОМ ЭТИ
ВИДЫ МЕНЯЮТ ФОРМУ.
ЛЮДИ, КАК
РОДСТВЕННИКИ
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ОСОБЕЙ, ПРОДОЛЖАЮТ
ПОДДЕРЖИВАТЬ С НИМИ
ОТНОШЕНИЯ,
НЕЗАВИСИМО ОТ ИХ
СТАТУСА ВЫМИРАНИЯ,
ПОТОМУ ЧТО САМИ
МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ НА
ГРАНИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ.

в антропоцене, отвернувшись от линейных атомных часов и обратившись к другим способам координации наших действий в мире. [40] Она привела пример находящихся под угрозой исчезновения кожистых черепах, которым приходится быстро приспосабливаться к потеплению и в то же время иметь долгую жизнь и долгую историю эволюции. Думая о черепахах как об устройствах, которые "позволяют нам надежно замечать изменения и, таким образом, воспринимать время как проходящее", Бастиан приводит доводы в пользу многовидовой связи со временем. [41] В этом ключе переориентация нашего чувства времени с вымершими видами дает возможность рассмотреть совпадающие прошлое, настоящее и будущее.

Вымирание не является линейным явлением. Он изгибается и складывается обратно на себя. Переход между существующими и вымершими является длительным и может колебаться взад и вперед с течением времени. Ожидаемые будущие цели мотивируют сохранение здесь и сейчас. Эти характеристики требуют переосмысления того, как ученые могут концептуализировать исторические будущие окончания в антропоцене. Вымирание может быть началом конца или концом начала.

Примечания:

1. Работа финансируется Исследовательским советом Норвегии для проекта "За пределами дронов и динозавров: отображение вымирания и восстановления в музеях" (проект 283523).
2. Краткое описание основных факторов современного вымирания см.: Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (IPBES), Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services, 2019, <https://ipbes.net/global-assessment>.
3. Deborah Bird Rose, Thom van Dooren, and Matthew Chrulew, "Telling Extinction Stories," in *Extinction Studies: Stories of Time, Death, and Generations*, ed. Deborah Bird Rose, Thom van Dooren, and Matthew Chrulew (New York: Columbia University Press, 2017), 1-17.
4. Mark V. Barrow Jr., *Nature's Ghosts: Confronting Extinction from the Age of Jefferson to the Age of*

Ecology (Chicago: University of Chicago Press, 2009); Ryan Tucker Jones, *Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741-1867* (Oxford: Oxford University Press, 2014).

5. Некоторые из этих историй см.: Jennifer Price, *Flight Maps: Adventures with Nature in Modern America* (New York: Basic Books, 1999); Andrew C. Isenberg, *The Destruction of the Bison: An Environmental History, 1750-1920* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000); Robert Paddle, *The Last Tasmanian Tiger: The History and Extinction of the Thylacine* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000); Miles A. Powell, *Vanishing America: Species Extinction, Racial Peril, and the Origins of Conservation* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016); and Dolly Jørgensen, *Recovering Lost Species in the Modern Age: Histories of Longing and Belonging* (Cambridge, MA: MIT Press, 2019).

6. Zoltan Boldizsar Simon and Marek Tamm, "Historical Futures," *History and Theory* 60, no. 1 (2021), 3-22.

7. О вымирании как разрыве отношений в мышлении коренных народов см.: Audra Mitchell, "Revitalizing Laws, (Re)Making Treaties, Dismantling Violence: Indigenous Resurgence against 'the Sixth Mass Extinction,'" *Social & Cultural Geography* 21, no. 7 (2020), 909-24.

8. Dolly Jørgensen, "Presence of Absence, Absence of Presence, and Extinction Narratives," in *Nature, Temporality and Environmental Management: Scandinavian and Australian Perspectives on Peoples and Landscapes*, ed. Lesley Head, Katarina Saltzman, Gunhild Setten, and Marie Stenseke (London: Routledge, 2016), 45-58.

9. Для более подробного обсуждения оспариваемого исчезновения тилацина см.: Jørgensen, "Presence of Absence."

10. Один из таких наборов находится в выставочном зале тилацина Музея и художественной галереи Тасмании.

11. Dolly Jørgensen, "Erasing the Extinct: The Hunt for Caribbean Monk Seals and Museum Collection Practices," *Historia, Ciencias, Saude – Manguinhos* 28, suppl. 1 (2021), 161-83.

12. John W. Fitzpatrick et al., "Ivory-Billed Woodpecker (*Campephilus principalis*) Persists in Continental North America," *Science* 308 (June 2005), 1460-62.

13. См.: Ursula K. Heise, "Lost Dogs, Last Birds, and Listed Species: Cultures of Extinction," *Configurations* 18, no. 1-2 (2010), 49-72.

14. Dolly Jørgensen, "Endling, the Power of the Last in an Extinction-Prone World," *Environmental Philosophy* 14, no. 1 (2017), 119-38.

15. Oliver A. Ryder et al., "Exploring the Limits of Saving a Subspecies: The Ethics and Social Dynamics

- of Restoring Northern White Rhinos (*Ceratotherium simum cottoni*)," *Conservation Science and Practice* 2, no. 8 (2020).
16. Sarah Bezan, "The Endling Taxidermy of Lonesome George: Iconographies of Extinction at the End of the Line," *Configurations* 27, no. 2 (2019), 211-38, and Gitte Westergaard and Dolly Jørgensen, "Making Specimens Sacred: Putting the Bodies of Solitario Jorge and Cu. Rua on Display," in *Animal Remains*, ed. Sarah Bezan and Robert McKay (London: Routledge, 2021), 68-86.
 17. Aldo Leopold, "On a Monument to the Pigeon," in *Silent Wings: A Memorial to the Passenger Pigeon* (Madison: Wisconsin Society for Ornithology, 1947), 4.
 18. Согласно отчетам Департамента первичной промышленности, парков, водных ресурсов и окружающей среды Тасмании, в период с 1 сентября 2016 года по 19 сентября 2019 года было расследовано восемь сообщений. См.: "Thylacine Sightings Reports," <https://dpirwe.tas.gov.au/Documents/RTP%20025%20-%202019-20.pdf>.
 19. Naaman Zhou, "Wildlife expert pours cold water on claims Tasmanian tiger family spotted," *The Guardian*, 23 February 2021, <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/feb/23/wildlife-expert-pours-cold-water-on-claims-tasmanian-tiger-family-spotted>.
 20. Adam Searle, "Spectral Ecologies: De/extinction in the Pyrenees," *Transactions of the Institute of British Geographers* 47, no. 1 (2022), 167-83.
 21. Stephanie S. Turner, "Open-Ended Stories: Extinction Narratives in Genome Time," *Literature and Medicine* 26, no. 1 (2007), 55-82; Jørgensen, *Recovering Lost Species in the Modern Age*. Существует много споров о прекращении вымирания и о том, действительно ли воссоздание вымерших видов делает вид не вымершим. Часто эстетика, то есть животное, похожее на вымершего предка, стимулирует усилия по борьбе с вымиранием видов; см., например: Clemens Driessen and Jamie Lorimer, "Back Breeding the Aurochs: The Heck Brothers, National Socialism, and Imagined Geographies for Non-Human Lebensraum," in *Hitler's Geographies: The Spatialities of the Third Reich*, ed. Paolo Giaccaria and Claudio Minca (Chicago: University of Chicago Press, 2016), 138-58, and Sandra Swart, "Zombie Zoology: History and Reanimating Extinct Animals," in *The Historical Animal*, ed. Susan Nance (Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2015), 54-72. Но визуальное представление весьма проблематично; см.: Rosie Ibbotson, "De-Extinction and Representation: Perspectives from Art History, Museology, and the Anthropocene," *International Review of Environmental History* 3, no. 1 (2017), 21-42.
 22. Adam Searle, "Anabiosis and the Liminal Geographies of De/extinction," *Environmental Humanities* 12, no. 1 (2020), 324, 325.
 23. Michael E. Soule, "What Is Conservation Biology?" *BioScience* 35, no. 11 (1985), 727-34.
 24. Там же, 730.
 25. Там же, 733.
 26. См.: David Sepkoski, *Catastrophic Thinking: Extinction and the Value of Diversity from Darwinto the Anthropocene* (Chicago: University of Chicago Press, 2020), chapter 6.
 27. Ursula K. Heise, *Imagining Extinction: The Cultural Meanings of Endangered Species* (Chicago: University of Chicago Press, 2016).
 28. Главу Джеймса Хэтли о японском волке с острова Хонсю см.: James Hatley, "Walking with Okami, the Large-Mouthed Pure God," in Rose, van Dooren, and Chrulew, *Extinction Studies*, 19-46.
 29. Juno Salazar Parrenas, *Decolonizing Extinction: The Work of Care in Orangutan Rehabilitation* (Durham: Duke University Press, 2018) and Deborah Bird Rose, *Wild Dog Dreaming: Love and Extinction* (Charlottesville: University of Virginia Press, 2011).
 30. Об экологической тревоге см.: Paul Robbins and Sarah A. Moore, "Ecological Anxiety Disorder: Diagnosing the Politics of the Anthropocene," *Cultural Geographies* 20, no. 1 (2013), 3-19, and Susan Clayton, Christie Manning, Kirra Krygsman, and Meighen Speiser, *Mental Health and Our Changing Climate: Impacts, Implications, and Guidance* (Washington, DC: American Psychological Association and eco America, 2017).
 31. Jones, *Empire of Extinction*.
 32. Barrow, *Nature's Ghosts*.
 33. Elizabeth Hennessy, *On the Backs of Tortoises: Darwin, the Galapagos, and the Fate of an Evolutionary Eden* (New Haven: Yale University Press, 2019), 71.
 34. IPBES, *Global Assessment Report on Biodiversity and Ecosystem Services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services*.
 35. Dolly Jørgensen and Isla Gladstone, "The Passenger Pigeon's Past on Display for the Future," *Environmental History* 27, no. 2 (2022).
 36. Призыв к музеям реагировать на современные изменения в окружающей среде, см.: *Curating the Future: Museums, Communities and Climate Change*, ed. Jennifer Newell, Libby Robin, and Kirsten Wehner (New York: Routledge, 2016).
 37. Jan E. Dizard, "Uneasy Relationships Between Ecology, History, and Restoration," in *Restoration and History: The Search for a Usable Environmental Past*, ed. Marcus Hall (New York: Routledge, 2010), 154-63.

38. Mitchell, "Revitalizing Laws"; Donna J. Haraway, *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene* (Durham: Duke University Press, 2016).
39. Audra Mitchell, "Beyond Biodiversity and Species: Problematizing Extinction," *Theory, Culture & Society* 33, no. 5 (2016), 23-42.

40. Michelle Bastian, "Fatally Confused: Telling the Time in the Midst of Ecological Crises," *Environmental Philosophy* 9, no.1 (2012), 23-48.

41. Там же, 27.

Azarenkova Alina Alexandrovna, Undergraduate student, Department of Political science, Institute of international relations and social and political sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow

The article examines the emergence and implementation of the "Greater Romania" geopolitical project at the present stage in view of the state's accession to the European Union and NATO. The author analyzes Romania's official documents, the current state of Romanian-Ukrainian and Romanian-Moldovan relations, and also gives a forecast of the possible annexation of the territories of Ukraine and Moldova to Romania.

Keywords: geopolitical project; Romania; Greater Romania; European Union; NATO; Black Sea region; the Republic of Moldova; Ukraine.

EDN: HOLMSA; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-13-4

УДК 327
BAK 5-5-4

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА "ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ" В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© Азаренкова А.А., 2023

В статье рассматривается возникновение и реализация геополитического проекта "Великая Румыния" на современном этапе в виду вступления государства в такие организации, как Европейский союз и НАТО. Анализируются доктринальные документы Румынии, текущее состояние румынско-украинских и румынско-молдавских отношений, а также дается прогноз возможного присоединения территорий Украины и Молдавии к Румынии.

Ключевые слова: геополитический проект; Румыния; Великая Румыния; Европейский союз; НАТО; Черноморский регион; Республика Молдова; Украина.

48

Укрепление позиций Румынии в Европейском союзе и НАТО способствовали возрождению идеи расширения границ ("Великой Румынии"), которая выражается в первую очередь по отношению к исторической территории Бессарабии (территория Молдовы и Украины), а также созданию новых геополитических проектов совместно с европейскими государствами. В связи с обострением конфликта на территории Украины, допускается присоединение исторически принадлежащих Румынии территорий по примеру других государств Евросоюза, в частности Польши. Для России, безусловно, важно отслеживать ситуацию, складывающуюся в регионе, анализировать ее, опираясь на научные методы. Отказ от них может привести к серьезным провалам во внешней политике [1].

АЗАРЕНКОВА Алина Александровна,
магистрантка, кафедра
Политологии, Институт
международных отношений
и социально-политических
наук, Московский
государственный
лингвистический
университет, Москва

"Великая Румыния" как геополитический проект

Созданию объединенного Румынского государства предшествовала румынская революция 1848-1849 гг., которая подчеркнула идею о том, что один и тот же язык, одно и то же название (происходящее от названия "Рим", что подчеркивается и сейчас в названии страны – România), происхождение, вера и традиции позволяют образовать единую нацию и единое государство. Именно поэтому перед румынами после 1848 года стоял

вопрос о создании собственного суверенного государства. При поддержке великих держав было решено осуществить объединение в несколько этапов:

1. Первый этап 1848-1866 гг. Объединение Молдавии и Валахии в государство с официальным названием "Румыния".

2. Второй этап. 1877-1878-1920. Война за независимость Румынии, объединение Добруджи и Румынии, а после – официальное провозглашение страны королевством.

3. Третий этап. 1914-1920 гг. Участие Румынии в Первой мировой войне, присоединение Бессарабии (Молдавской демократической республики), Буковины и Трансильвании к Румынии и международное признание Румынии унитарным национальным государством в ее исторических границах. Именно в этот период была образована "Великая Румыния". Важно отметить, что Бессарабия была частью Российской Империи; Трансильвания и Буковина – Австро-Венгрии. В межвоенный период Румынское королевство старалось отстаивать свои границы, однако заключенный 23 августа 1939 г. пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом затронул и румынские границы, в частности – Бессарабию, которую в 1940 г. Румыния уступила СССР, так же, как и северо-западную часть Трансильвании Венгрии и округа Дуростор и Калиакра (Добруджа) Болгарии. Некоторые румынские исследователи считают, что Советский Союз создавал некие секретные военные проекты по присоединению территории Буковины и Бессарабии, поддерживая различные движения в этих регионах, а позже – в 1945-1947 гг. южная часть Буковины находилась в составе СССР. Небезызвестно, что во Второй мировой войне Румыния сражалась на стороне Германии против СССР с 22 июня 1941 г. с целью вернуть вышеупомянутые территории, когда фашистской пропагандой был широко распространен так называемый "миф" о Великой Румынии [2], что в итоге привело к территориальным потерям, которые сохраняются и сейчас.

Некоторые западные исследователи поддерживают идею "Великой Румынии", отмечая, что лишь Советская Россия не признала максимальное расширение Румынии, в отличие от западных стран, а также тот факт, что Румынское королевство – это "великое достижение во всей румынской истории – политическое единство всех Румын" [3, с. 90].

Возрождение идеи "Великой Румынии" можно отнести к окончанию коммунистического режима в стране в 1989 году. С 1990 года начинают формироваться новые политические партии, одной из которых является партия "Великая Румыния" (Partidul România Mare) – левоцентристская партия с национальной ориентацией, выступая за "мирное совершение Великой Румынии в ее исторических границах" [4, с. 17]. Один из ведущих специалистов по Румынии – Т.Г. Биткова считает, что *de facto* деятельность Партии "Великая Румыния" направлена именно на возврат страны к границам Румынии межвоенного периода (до 1940 года), а также на неприятие всех национальных меньшинств на территории страны. В особенности это касается венгерского меньшинства, проживающего в Трансильвании, которое, в свою очередь, на протяжении долгого времени стремится к созданию автономии (существует также партия "Демократический союз венгров в Румынии"). В 2000 году на парламентских выборах Партия "Великая Румыния" набрала около 20% голосов, оказавшись самой сильной оппозиционной партией, а на президентских выборах в этом же году кандидат от "Великой Румынии" Вадим Тудор занял второе место в первом туре и вышел во второй, в котором проиграл одержавшему победу на выборах президенту Иону Илиеску. Однако после вступления Румынии в НАТО в 2004 г. и в ЕС в 2007 г., партия потеряла свою популярность – на парламентских выборах в 2008 году партии не удалось преодолеть процентный барьер.

Тем не менее, идея объединения двух государств на этом не закончилась. Следующий президент Траян Бэеску активно ее поддерживал: "Румыния и румыны – единственная страна, единственный народ, оставшийся в Европе разделенным после воссоединения Германии... Румыния все еще остается разделенной на два государства, их объединение произойдет внутри Европейского союза и никак иначе"

[5]. Подобный тезис был заложен в Стратегии национальной безопасности Румынии от 2007 года "один народ – два государства" [6, с. 62].

Идея "Великой Румынии" обсуждается и в современной научной мысли страны [7]. Основой подхода румынских геополитиков выступают культурные границы Румынии, единстве румынской нации, вопросу румынских границ (Черное море, Дунай и Карпаты). В этой связи подчеркивается уникальность геополитического положения Румынии, роль государства в урегулировании региональных конфликтов. Многие румынские геополитики сходятся в одном: исторической принадлежности территорий Бессарабии и Трансильвании, а также стратегической важности пространства Карпаты-Дунай-Черной море.

Геополитическое содержание доктринальных документов Румынии

Геополитическое содержание официальных документов Румынии прослеживается в таких категориях, как национальные интересы, глобальные и региональные приоритеты, ценности и принципы внешней политики.

Основным документом, в котором так или иначе обнаруживаются признаки

**В СТРАТЕГИИ 2020 ГОДА
ТРАДИЦИОННО
ДЕЛАЕТСЯ АКЦЕНТ
НА ТРЕХ ОСНОВНЫХ
ВЕКТОРАХ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ СТРАНЫ:
ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ
РУМЫНИИ
В ЕВРОПЕЙСКОМ
СОЮЗЕ, УКРЕПЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПРОФИЛЯ В РАМКАХ
НАТО И РАСШИРЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПАРТНЕРСТВА С США.**

присутствия геополитических проектов Румынии, является Стратегия национальной обороны на период 2020-2024 гг. "Вместе для безопасной и процветающей Румынии в мире, отмеченном новыми вызовами". Данный документ принимается в связи с избранием президента каждые 5 лет. Последние две стратегии были приняты в период президентства Клауса Йоханниса,

избранного в 2019 году на второй срок (первый срок – с 2014 г.). Интересно, что в предыдущей Стратегии на период с 2015 по 2019 гг. под названием "Сильная Румыния в Европе и мире" [8] геополитические проекты не просматриваются. Вместе с тем в документе содержалась констатация того, что региональная нестабильность ограничивает возможности Румынии в продвижении своих стратегических интересов. К ним были отнесены европейский путь Республики Молдовы, разреше-

ние замороженных конфликтов (имеется в виду Приднестровье), обеспечение энергетической безопасности и "эксклюзивное положение Румынии в Черном море".

В Стратегии же 2020 года целями внешней политики Румынии провозглашаются:

- 1) укрепление профиля Румынии в Европейском союзе и Организации Североатлантического договора, а также стратегического партнерства с США;
- 2) укрепление позиций НАТО по сдерживанию и обороне в Черноморском регионе;
- 3) укрепление безопасности в Черноморском регионе и на Балканах, а также других соседних регионов;
- 4) поддержка европейского курса Республики Молдова;
- 5) международная экологическая безопасность и т.д. [9].

Получается, что традиционно делается акцент на трех основных векторах внешней

политики страны: возрастание роли Румынии в Европейском союзе, укрепление стратегического профиля в рамках НАТО и расширение стратегического партнерства с США. Помимо этого, подчеркивается региональное направление внешней политики, включающее черноморский регион, поддержку проевропейского курса Молдовы и участие в проектах, которые в этой редакции Стратегии упоминаются впервые. К ним можно отнести "Инициативу Трех морей"¹ ("Триморье") и "Бухарестскую девятку"². Посредством участия в "Инициативе трех морей" Румыния будет стараться добиться не только политического (регионального) лидерства, но и энергетического, в особенности в Юго-Восточной Европе и черноморском регионе. Стоит отметить, что оба проекта Румыния реализует совместно с Польшей, которая также имеет собственные геополитические проекты в регионе, такие как "Междуморье" и также претендует на роль регионального лидера.

Важные установки содержатся и в Энергетической стратегии Румынии на период с 2019 по 2030 гг., в которой отдельно рассматривается региональная геополитика, отмечается важность черноморского региона. В документе указывается, что "как приграничная страна ЕС, Румыния напрямую подвержена усилению геополитической напряженности в бассейне Черного моря" [10], а также то, что Румыния может выступить гарантом энергетической безопасности в виду обладания запасами нефти и природного газа и готова поддерживать Молдову и Болгарию с целью уменьшить их зависи-

мость от России. Румыния принимает участие в строительстве нескольких газопроводов – BRUA (Болгария, Румыния, Венгрия и Австрия), AGRI (Азербайджан, Грузия, Румыния Интерконнектор), получая финансирование в основном из Европейского союза. Румыния также планирует наращивать поставки природного газа в Молдову посредством ее подключения к европейской энергетической системе, однако, используя для этого не собственный, а российский газ.

Реализация геополитических устремлений в отношениях с Молдовой и Украиной

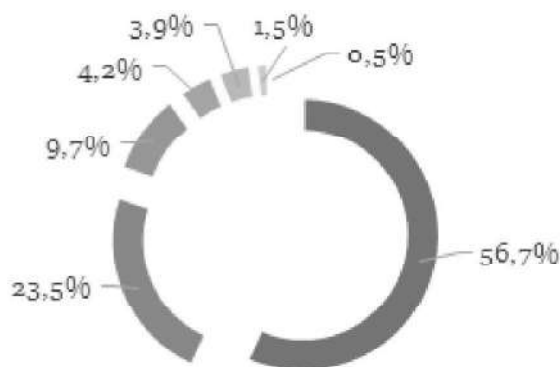
Реализация идеи "Великой Румынии" происходит путем оказания влияния на Молдову, неоднородность же национальной идентичности позволяет продвигать в стране идеи объединения (унионизма). На протяжении долгого времени ввиду своего геополитического положения в Молдове присутствуют две национальные идентичности: молдавская и румынская, что нетрудно заметить, ознакомившись с итогами переписи населения 2014 г. (без учета Приднестровья): 75% населения относят себя к молдаванам, 7% – к румынам, причем в 2004 г. лишь 2,2% – идентифицировали себя с Румынией. Интересна и языковая ситуация, представленная на рисунке [11].

При этом Молдова последовательно проводит двоякую языковую политику. В Декларации о независимости Республики Молдова государственным указан румынский, а не молдавский язык: "<...> 27 августа 1991 г., в законах и постановлениях Парламента Республики Молдова о провозглашении румынского языка государственным и о возврате ему латинского алфавита <...>" [12]. В 13 статье Конституции постулировано, что "государственным языком Республики Молдовы является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики" [13]. Помимо языкового вопроса в национальной идентичности Молдавии явно вы-

¹ "Инициатива трех морей" или "Триморье" - объединение государств Европейского Союза (Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Польша, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония), а также Украины в качестве партнера.

² "Бухарестская девятка" – это совместный польско-румынский проект, объединяющий девять стран Центральной и Восточной Европы: Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Словакию, Чехию, Эстонию, и, соответственно, Польшу и Румынию.

деляется школьное образование, реформу которого проводила Майя Санду, будучи министром просвещения, когда был введен предмет "История румын и всеобщая история". Предмет продвигает в том числе идею о "двух румынских государствах" и оккупации территории Молдавии Советским Союзом [14].

■ Молдавский ■ Румынский ■ Русский ■ Гагаузский
■ Украинский ■ Болгарский ■ Другие языки

Рисунок - Население Молдовы по родному языку

В духовной сфере политика румынизации проводится по отношению к Православной Церкви Молдовы. В 1992 году, несмотря на автономный статус Молдавско-Кишиневской митрополии, была создана Бессарабская митрополия под юрисдикцией Румынской Православной Церкви, что открыто противоречит церковным канонам. В свою очередь, Русская православная церковь расценила это действие как антиканоническое деяние, и данный конфликт так и остался неурегулированным, а количество приходов Бессарабской митрополии постепенно растет [15, с. 70].

Возвращение к реализации, казалось бы, идеального и невыполнимого проекта "Великая Румыния" после 24 февраля 2022 г. стало очевидным не только для политического дискурса Румынии, но и самой Молдовы. Если до этого наблюдался спад проевропейских настроений в Республике Молдова в связи с президентством Игоря Додона, то

победа Майи Санду на выборах в 2020 году, а после и перевыборы Парламента Молдовы и смена его пророссийского курса на проевропейский ярко демонстрируют приверженность действующей политической элиты Европейскому союзу. Украинский кризис и проведение Россией Специальной военной операции вызывают опасения в

плане обострения ситуации в Приднестровской Молдавской Республике, которая граничит с Украиной.

Тем не менее, стоит отметить, что ввиду этнического разнообразия Молдовы интеграцию в Европейский союз поддерживают далеко не все области, речь идет, в первую очередь, о Гагаузии. Именно поэтому Молдова долгое время не торопилась с подачей офици-

альной заявки на вступление в ЕС, дожидаясь подходящего момента. Поддержка украинской стороны президентом (Майя Санду в июне 2022 года посетила Киев) [16] все более укрепляет приверженность политики страны европейскому курсу. Однако внутривластная ситуация продолжает оставаться напряженной и усложняется. Известно, что в результате прихода к власти проевропейской партии был нанесен огромный ущерб промышленной и сельскохозяйственной отрасли. На данный момент отмечается стремительный рост цен, а также самая высокая инфляция с 1999 года. На это накладывается и энергетический кризис, вследствие которого в стране происходят массовые протесты [17]. Считалось, что разрешить его поможет Румыния, однако, энергетическая зависимость Молдовы остается очевидной: одна из крупнейших энергетических компаний "Молдовагаз" обратилась с очередной просьбой к "Газпрому" отсрочить платеж за август и

сентябрь [18]. Очевидно, что для Румынии в приоритете решение собственных проблем в энергетической сфере, поэтому не следует ожидать крупных поставок природного газа в другие страны. В своей энергетической политике в отношении Молдавии Румыния преследует прежде всего геополитические и геоэкономические цели [19, с. 58], стараясь усилить зависимость от нее Молдовы, поставляя, однако, не собственный природный газ, а закупленный у России.

Интересы Румынии на Украине заключаются в ограничении стратегического военного наступления России на Донбассе, в Крыму и Приднестровье; применении Соглашения об ассоциации с Европейским союзом; создании благоприятных условий для сохранения самобытности и культурных прав румынского меньшинства; достижении компромисса по одному из дунайских каналов Быстрое и Криворожскому металлургическому заводу. Украина, в свою очередь, преследует такие интересы, как повышение безопасности в Черноморском регионе, а также ограничение стратегического преимущества России на Донбассе, Крыму и Приднестровье; поддержка антироссийских санкций Европейского союза; продвижение европейской и евроатлантической интеграции Украины, в том числе содействие в продвижении реформ и борьбы с коррупцией; энергетическая безопасность и поставка природного газа. Тем не менее, некоторые украинские исследователи отмечают, что еще до специальной военной операции создавались условия для вторжения румынских войск на территорию Черновицкой области. Об этом была публикация в газете *Adevărul*, содержащая обращение к гражданам Румынии для защиты соотечественни-

ков, проживающих на территории Украины, которая оккупировала бывшие румынские территории: Северную Буковину, Герцевский округ и Южную Бессарабию. Другая точка зрения заключается в том, что "Украина – искусственное, неоднородное государство, появившееся на руинах СССР, к которому Румыния имеет наибольшие территориальные претензии, в результате чего оно может разделиться на две части в недалеком будущем, поскольку тихо сползает к реальной войне" [20, с. 29-30]. Румыния в отношении Украины использует аналогичную с Молдовой культурную политику,

распространяя румынский язык преимущественно на территории Буковины, а также поддерживая упрощенную процедуру получения гражданства для проживающих на этой территории с целью ее возможного дальнейшего присоединения. Политические деятели Румынии в настоящее время высказывают идеи о "Великой Румынии" уже тогда, когда не занимают государственную должность. Так, бывший глава румынского МИД на презентации своей книги зая-

вил о том, что Украина должна отдать свои территории Венгрии, Румынии, Польше и России [21].

Заключение

Борьба за обладание пространством и его организацию занимает важное место в политическом курсе государств [22]. И Румыния – один из примеров этого. Очевидна ее заинтересованность в возвращении исторически принадлежавших ей территорий. Такие намерения косвенно демонстрируются и в доктринальных документах, и в проводимой внешней политике. Путем оказания влияния и культурной политики

БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ
ПРОСТРАНСТВОМ
И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЮ
ЗАНИМАЕТ
ВАЖНОЕ МЕСТО
В ПОЛИТИЧЕСКОМ
КУРСЕ ГОСУДАРСТВ [22].
И РУМЫНИЯ – ОДИН
ИЗ ПРИМЕРОВ ЭТОГО.
ОЧЕВИДНА
ЕЕ ЗАИНТЕРЕСОВАН-
НОСТЬ В ВОЗВРАЩЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКИ
ПРИНАДЛЕЖАВШИХ
ЕЙ ТЕРРИТОРИЙ.

румынизации в Молдове и Украине, Бухарест будет стремиться к присоединению исконных, по его мнению, территорий. Подобный вариант может получить свое развитие, например, вследствие некоего прецедента, который может инициировать Польша, присоединив отдельные области Украины. Румыния и Польша стремятся к достижению регионального лидерства, используя для этого не только инструменты ЕС и НАТО, но и свои собственные, исторически сложившиеся геополитические проекты путем использования "мягкой силы" и антироссийской повестки. Можно даже предположить, что Румыния пытается использовать геополитические идеи как попытку отвлечь население от экономических проблем.

Вместе с тем подавляющее население и Молдовы, и Украины выступают против такого объединения. Однако, принимая во внимание экономическую и политическую ситуацию в той же Молдове, можно предположить, что ее зависимость от Румынии только усилится, и в итоге единственным выходом будет присоединение к Румынии и, следовательно, членство в ЕС, к которому стремится политическое руководство Молдавии. Нельзя при этом исключить, что Гагаузия заявит на право на автономию и возможен аналогичный с Приднестровьем сценарий.

Литература:

1. Белозёров В.К. Провалы разведки и дефицит научной аналитики // *Россия в глобальной политике*. – 2021. – Т. 19. – № 2 (108). – С. 218-223.
2. Чалая Т.П. Крушение мифа о "Великой Румынии" в годы диктатуры Й. Антонеску (1940-1944) // *Военно-исторический журнал*. – 2010. – № 1. – С. 13-16.
3. 100 Years since the Great Union of Romania. (D. Dungaci, V. Manolache eds.) – Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 445 p.
4. Биткова Т.Г. Партия "Великая Румыния" и эволюция ее политической платформы // *Праворадикальные партии и организации в политическом ландшафте Восточной Европы: Специализированная информация / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам*. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 15-22.

5. Биткова Т.Г. Румыния и ближайшие соседи: контакты и региональные проекты // *Восточная Европа в современной геополитике*. Сер. "Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России". – М., 2008. – С. 129-149.
6. Chirlesan G. Strategia de securitate nationala a Romaniei: evolutii si tendinte intre securitatea regionala si cea euro-atlantica. Sibiu: Editura Academiei Fortelor Terestre "Nicolae Balcescu", 2013. – 246 p.
7. Sageata R. Directii si tendinte in geopolitica romaneasca interbelica. *Analele Asociatiei Profesionale a Geografilor din Romania*. – 2015. – № 2. – P. 6-15.
8. Strategia nationala de aparare a tarii pentru perioada 2015-2019. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_1.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
9. Strategia nationala de aparare a tarii pentru perioada 2020-2024. https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
10. Strategia energetica a Romaniei 2019-2030. URL: <http://energie.gov.ro/transparenta-decizionala/strategia-energetica-a-romaniei-2019-2030-cu-perspectiva-anului-2050/> (дата обращения: 20.09.2022).
11. Национальное бюро статистики Республики Молдова. Результаты переписи населения и жилищ в Республике Молдова в 2014 году. URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&idc=479> (дата обращения: 23.09.2022).
12. Декларация о независимости Республики Молдова. URL: <https://www.presedinte.md/rus/declaration> (дата обращения: 23.09.2022).
13. Конституция Республики Молдова. URL: <https://www.presedinte.md/rus/constitution> (23.09.2022).
14. История Румынии и всеобщая история: учеб. для 9 кл. / Игорь Шаров, Игорь Капу, Мая Добезу. – Кишинёв: Cartdidact, 2013. – 124 с.
15. Родионова А.С. О борьбе православных митрополий в постсоветской Молдове // *Информационные войны*. – 2021. – № 3 (59). – С. 68-71.
16. Зеленский встретился с Санду в Киеве. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220627/zelenskiy-1798510906.html> (дата обращения: 30.09.2022).
17. Крупнейший социально-экономический кризис за последние 20 лет в Молдове: Отчаянный режим PAS превращается в диктатуру. URL: <https://www.kp.md/daily/27422/4622716/> (дата обращения: 30.09.2022).
18. "Молдовагаз" обратился к кабмину Молдавии за помощью в оплате российского газа. URL: [https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/17/18347030.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%](https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/17/18347030.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.gazeta.ru%2Fbusiness%2Fnews%2F2022%2F08%2F17%2F18347030.shtml)

3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 30.09.2022).

19. Лавренов С.Я. Особенности взаимодействия Румынии и Молдавии в энергетической сфере // Геоэкономика энергетики. – 2021. – № 3 (15). – С. 51-65.

20. Савойская С.В. Румынский язык как индикатор политической сети модели языковой политики Украины // PolitBook. – 2021. – № 2. – С. 19-34.

21. Экс-глава МИД Румынии заявил, что Украина находится в "неестественных границах". URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5569847> (дата обращения: 30.09.2022).

22. Белозёров В.К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 190-195.

DIGITAL DOPING FOR HISTORIANS: CAN HISTORY, MEMORY, AND HISTORICAL THEORY BE RENDERED ARTIFICIALLY INTELLIGENT?

Kansteiner Wulf, Professor with Special Responsibilities, Aarhus University, Aarhus, Danmark

Artificial intelligence is making history, literally. Machine learning tools are playing a key role in crafting images and stories about the past in popular culture. AI has probably already invaded the history classroom. Large language models such as GPT-3 are able to generate compelling, non-plagiarized texts in response to simple natural language inputs, thus providing students with an opportunity to produce high-quality written assignments with minimum effort. In a similar vein, tools like GPT-3 are likely to revolutionize historical studies, enabling historians and other professionals who deal in texts to rely on AI-generated intermediate work products, such as accurate translations, summaries, and chronologies. But present-day large language models fail at key tasks that historians hold in high regard. They are structurally incapable of telling the truth and tracking pieces of information through layers of texts. What's more, they lack ethical self-reflexivity. Therefore, for the time being, the writing of academic history will require human agency. But for historical theorists, large language models might offer an opportunity to test basic hypotheses about the nature of historical writing. Historical theorists can, for instance, have customized large language models write a series of descriptive, narrative, and assertive histories about the same events, thereby enabling them to explore the precise relation between description, narration, and argumentation in historical writing. In short, with specifically designed large language models, historical theorists can run the kinds of large-scale writing experiments that they could never put into practice with real historians.

Keywords: artificial intelligence (AI); GPT-3; historical theory; collective memory; historical writing; large language models; description; narration; argumentation; Open AI; machine learning.

EDN: HYCWRL; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-13.5

УДК 130.2

БАК 5.10.2

ЦИФРОВОЙ ДОПИНГ ДЛЯ ИСТОРИКОВ: МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ИСТОРИЮ, ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ?

© Канштайнер В., 2023

© Григорьева М.А., перевод
с англ., 2023

Kansteiner W. Digital doping for historians: can history, memory, and historical theory be rendered artificially intelligent? // *History and Theory*. Vol. 61. no. 4 (December 2022), 119-133. Published by Wiley Periodicals LLC on behalf of Wesleyan University. DOI: 10.1111/hith.12282. First published: 16 December 2022 <https://doi.org/10.1111/hith.12282>

Искусственный интеллект буквально творит историю. Инструменты машинного обучения играют ключевую роль в создании изображений и историй о прошлом в популярной культуре. ИИ, вероятно, также уже вторгся в классы истории. Большие языковые модели, такие как GPT-3, способны генерировать привлекательные тексты без плагиата в ответ на простые входные данные на естественном языке, что дает учащимся возможность выполнять высококачественные письменные задания с минимальными усилиями. В том же ключе такие инструменты, как GPT-3, вероятно, произведут революцию в исторических исследованиях, позволив историкам и другим специалистам, работающим с текстами, полагаться на промежуточные рабочие продукты, созданные ИИ, такие как точные переводы, резюме и хронологии. Но современные большие языковые модели не справляются с ключевыми задачами, которые историки высоко ценят. Они структурно не способны говорить правду и отслеживать фрагменты информации через слои текстов. Более того, им не хватает этической саморефлексии. Поэтому на данный момент для написания академической истории потребуются участие человека. Но для историков-теоретиков большие языковые модели могут дать возможность проверить основные гипотезы о природе исторического письма. Исторические теоретики могут, например, настроить большие языковые модели, чтобы написать серию описательных, повествовательных и утвердительных историй об одних и тех же событиях, что позволит им исследовать точную связь между описанием, повествованием и аргументацией в историческом письме. Короче говоря, со специально разработанными большими языковыми моделями историки-теоретики могут проводить крупномасштабные письменные эксперименты, которые они никогда не смогли бы осуществить на практике с настоящими историками.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); ГПТ-3; историческая теория; коллективная память; историческое письмо; большие языковые модели; описание; повествование; аргументация; Открытый ИИ; машинное обучение.

Историки пишут тексты, и сами будучи частью времени, в котором работают, они помогают формировать культуру памяти двадцать первого века не только в музеях, мемориалах, но и через телешоу и видеоигры. [1] Монографии, которые докторанты подшивают в конце своей творческой работы с источниками, включая оцифрованные и визуальные источники, принимают формат, который не сильно изменился со времен Леопольда фон Ранке. Цифровая копия *"Истории Реформации в Германии"* показывает, что Ранке, как и его ученики двадцать первого века, сначала использует сноски для обсуждения терминологии, прежде чем установить ритм включения одной или двух сносок, содержащих ссылки на первоисточники на каждой странице. [2] Текстовое приложение сноски уже было знакомо современникам Ранке, хотя никому из ученых и литературных предшественников Ранке не удавалось сделать приложение столь доступным для читателя, так, что в итоге этот вариант был принят за эталон в оформлении сносок. [3] Сноска, ставшая благодаря Ранке привлекательной, удостоверяла эпистемологическую целостность письменного текста как в символическом, так и в практическом плане. Сегодня сноска и то, что она представляет, может оказаться долгожданным камнем преткновения, когда историки входят в мир искусственного интеллекта (ИИ).

Поскольку историки так же сосредоточены на текстах, как и они, последний прорыв в области искусственного интеллекта, генерирующего текст, откроет новые возможности для исторических исследований и преподавания истории и, вероятно, определит будущее дисциплины. [4] Однако остаются нерешенные вопросы. Существующие в настоящее время технологии машинного обучения, основанные на искусственном интеллекте, способны создавать грамматически безупречные и семантически убедительные тексты, которые даже опытные читатели не могут отличить от написанного человеком. [5] Кроме того, инструменты машинного обучения можно привести в действие простыми короткими командами на естественных языках. Но эти большие языковые модели (LLM), как их называют, разрабатываются с коммерческими целями и, насколько нам известно, не способны отличить правду от лжи. [6] Они могут писать в стиле Ранке и, как часть этого стилистического упражнения, даже создавать правдоподобные сноски внизу страницы. Но они, в отличие от Ранке, не могут давать правдивых сносок. Наиболее совершенным общедоступным LLM является GPT-3; он был

КАНШТАЙНЕР
Вульф, профессор,
Орхусский университет,
Орхус, Дания

разработан базирующейся в Сан-Франциско (сначала благотворительной, а затем коммерческой) инициативой Open AI. [7] GPT-3 структурно не может приписать утверждения, которые он генерирует, определенному текстовому происхождению, не говоря уже об оценке фактической достоверности любого из его текстовых входных или выходных данных. LLM еще не могут оперировать категориями референциальной истины, которые составляют основную предпосылку для изучения исторической дисциплины. Им не хватает вертикальной памяти, необходимой для создания точных ссылок. Вместо этого они следуют простой, но мощной горизонтальной логике, снова и снова спрашивая себя, какое слово или знак может следовать за данной последовательностью слов или знаков, и берут огромное количество текстов, которые они усвоили во время обучения, в качестве статистического эталона для построения. Это решение по одному слову или знаку за раз и с большой скоростью. [8] Это, возможно, не ракетостроение, но LLM – взрывоопасная технология для всех профессиональных писателей, включая, хотя и не в первую очередь, историков.

Постоянная привязанность к текстам как к предпочтительному для историков профессиональному результату поддерживает прекрасное видение неуклонного накопления исторических знаний. Историки Реформации двадцать первого века сместили аналитический фокус, перейдя от политической истории к социальной и культурной истории и к передовым областям, таким как история эмоций. [9] Занимаясь новыми вопросами и владея новыми концепциями, многие историки признают Ранке лишь мимоходом, хотя они по-прежнему прославляют его за то, что он формировал науку на протяжении более века в результате "огромного диапазона его аналитического видения". [10] За прошедшие годы произошло многое, в том числе две мировые войны, несколько геноцидов, деколонизация и разочарование во всех видах национализма, но

выводы Ранке, по-видимому, все еще актуальны. Его тексты остаются доступными для цитирования с неизменной истинностной ценностью. Но большой однородный массив исследований представляет собой значительный этический фактор риска для всех текстов, созданных ИИ, включая истории, созданные ИИ. Рано или поздно любые структурные предубеждения, встроенные в текстовый корпус, который использовался для обучения данного LLM, найдут свое отражение в текстовом выводе этого LLM. Проще говоря, если LLM был обучен расистским и сексистским материалам, он, вероятно, будет создавать расистские и сексистские тексты. И трудно избежать использования предвзятого материала для обучения LLM, потому что LLM достигают своих потрясающих человеческих навыков письма только в результате механического поглощения огромного количества текстов, созданных людьми, которые, как правило, содержат много проблемных мнений и предубеждений. Историки прекрасно осознают, но также часто становятся жертвами того же риска воспроизведения искаженных моральных миров своих источников. [11] Однако, в отличие от историков, LLM структурно не могут писать против сути своей собственной обучающей ленты. В этом отношении гладкие текстовые поверхности, созданные LLM, скрывают больше моральных недостатков, чем профессионально вылепленные поверхности исторической науки.

Социальная память

Существуют важные различия в социальном конструировании исторической правды внутри исторической профессии, с одной стороны, и социальном конструировании исторической достоверности в широком диапазоне визуальных и иммерсивных медиа, которые поддерживают культуру памяти двадцать первого века, с другой. В принципе, нет никаких причин, по которым историки не должны создавать цифровые фильмы, игры или виртуальную среду с

инфраструктурой "сносок", которые снабжают ссылками и объясняют концептуальный и эстетический выбор. Однако историки убеждены, что при всей их ориентированности на текст они разработали протоколы создания прозаических текстов на основе эмпирических источников, которые, насколько им известно, отражают историческую действительность. Не имея опыта манипулирования другими СМИ, [12] историкам будет нелегко решить, какие визуальные изображения прошлых событий – особенно изображения, созданные не на основе документальных материалов, – заслуживают называться исторически точными. Учитывая множество эстетических параметров фильмов и игр, эта сдержанность имеет смысл, хотя многие историки-теоретики утверждают, что даже прозаические тексты, древние информационные технологии, которыми они являются, передают смысл посредством эстетических и других структурных параметров, которые отделены от текстов, выполняют "референтную функцию". [13]

В культуре визуальной памяти, в отличие от профессионального исторического письма, ИИ уже играет решающую и быстрорасширяющую роль, формируя представление людей о том, как должно было выглядеть и ощущаться прошлое и каким его следует помнить. ИИ, например, хорошо разбирается в чтении и составлении фиксированных изображений. [14] Вспомнить о занимательных результатах инструментов машинного обучения, таких как DALL-E 2, – например, "картины" борцов сумо, которые были визуализированы в стиле Джорджио де Кирико. [15] Кроме того искусственный интеллект отлично справ-

СУЩЕСТВУЮТ
ВАЖНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В СОЦИАЛЬНОМ
КОНСТРУИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
ВНУТРИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРОФЕССИИ
И СОЦИАЛЬНОМ
КОНСТРУИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДОСТОВЕРНОСТИ
В ШИРОКОМ ДИАПАЗОНЕ
ВИЗУАЛЬНЫХ И
ИММЕРСИВНЫХ МЕДИА,
КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИ-
ВАЮТ КУЛЬТУРУ
ПАМЯТИ XXI ВЕКА.

ляется с созданием визуальных фонов, спецэффектов и переходных сцен в видеоиграх и фильмах. [16] В результате постоянно расширяющийся диапазон социальных воспоминаний возникает благодаря взаимодействию человека с изображениями, созданными технологией машинного обуче-

ния, еще недостаточно изученными и недооцененными последствиями для эволюции этих социальных воспоминаний. [17] Машины проглотили ошеломляющее количество изображений, созданных человеком (вместе со всеми предубеждениями и пробелами, которые эти образы влекут за собой), еще не прибегнув к какому-либо набору этических принципов, которые позволили бы им преодолеть эти предубеждения и пробелы.

Есть дополнительные недостатки в триумфальном продвижении ИИ в производстве и хранении визуальной культуры. Инструментам машинного обучения, по-видимому, сложно работать с тем типом визуальной записи, который особенно актуален для историков и режиссеров-документалистов. Визуальной компьютерной аналитике все еще часто мешают движущиеся изображения, особенно документальные кадры с более низким разрешением. У приложений есть проблемы с отслеживанием многих переменных, связанных с распознаванием данного движущегося объекта или человека под разными углами и в разных условиях. [18] Поэтому на данный момент, если оставить в стороне вопросы авторского права и коммерческую жизнеспособность, по-прежнему невозможно собрать полный цифровой перечень движущихся изображений, который мог бы революционизировать наше отношение к

визуальной истории двадцатого и двадцать первого веков. Представьте себе полностью доступный для поиска цифровой архив всех материалов фильмов на популярную тему, который ИИ мог бы использовать для выполнения простой подсказки, основанной на исчерпывающем обзоре и выборочной сборке всех существующих материалов по этой теме. Затем искусственный интеллект мог под влиянием момента выпускать заказные научно-популярные телевизионные передачи – например, документальный фильм об Адольфе Гитлере в стиле Кена Бернса с использованием самых зрелищных кадров из существующих. Пока более мощные вычислительные технологии, например, свободно программируемые квантовые компьютеры, не станут общедоступными.

Давайте все же на мгновение помечтаем и попробуем мечтать ответственно. Как только компьютеры узнают Гитлера и ему подобных со всех сторон, кинокомпания могут быть свободны. Используя большое количество оригинальных кадров и послевоенных постановок, технология ИИ может дать очень компетентные результаты. По сути, зрители могли бы заставить ИИ создавать свои собственные частные видеоролики, собирая существующие киноматериалы, по одному кадру за раз, чтобы отразить их особые эстетические и повествовательные пристрастия. Однако следует сразу добавить, что это аналоговая мечта, соответствующая интеллектуальным потребностям исторической профессии, а не мечта о машинном обучении, отражающая приоритеты коммерческих поставщиков ИИ. Машина искусственного интеллекта, состоящая из архива искусственного интеллекта, который может анализировать и классифицировать каждый снимок в зависимости от его предмета, точки зрения, освещения, настроек, технического качества и так далее, с одной стороны, и технология искусственного интеллекта, которая может соединять эти кадры в единое целое в ответ на действия зрителя, с другой стороны, сохра-

нят полностью функциональную вертикальную память всего проанализированного материала. По желанию пользователей эта замечательная энергоемкая машина оставит каждый кадр нетронутым, свободным от цифровых манипуляций, а также сможет раскрыть точное происхождение каждого кадра, который он включил, скажем, в документальный фильм по запросу "жизнь Гитлера". По сути, машина, опираясь на обширную систему указателей, могла давать справочные сноски. [19] В этом отношении машина была бы полной противоположностью технологии искусственного интеллекта, которая в настоящее время находится на пике. DALL-E 2 не собирает аутентичный визуальный материал; он изобретает новый (иногда выглядящий аутентичным) материал, и его акты кажущегося творчества возникают из структуры корпуса, который использовался для его обучения, а не из каких-либо конкретных образов в этом корпусе.

На первый взгляд, наша воображаемая машина зрительной памяти должна осчастливить историков и архивистов, хотя полный перечень документальных фильмов и телевизионных материалов двадцатого и двадцать первого веков сможет дать правдивый результат только в том случае, если материал, каким бы обширным он ни был, был подвергнут человеческому контролю качества и последовательно проверен фильмами ИИ, которые были обучены обнаруживать цифровые манипуляции с материалом. В противном случае наша визуальная база данных была бы быстро заражена другими достижениями ИИ, такими как дипфейки, которые регулярно появляются в медиапотоке и которые трудно удалить из быстроменяющихся цифровых платформ, которые стимулируют нашу культуру памяти. [20] А дипфейки – это только верхушка айсберга. Наш воображаемый корпус кино- и телематериалов двадцатого и двадцать первого веков будет содержать множество технически безупречных, не подвергавших-

ся манипуляциям исторических материалов, а технологии глубокого обучения дадут представление о любых предубеждениях, содержащихся в материале. Нацистские пропагандистские фильмы, например, структурно больше совместимы с неонацистскими сюжетами жизни Гитлера, чем с антифашистскими. Тем больше причин для человеческого контроля качества входных и выходных данных, что в отношении кино и телевидения является амбициозным – но, возможно, не совсем нереалистичным – предложением. Если мы думаем, что истории и образы, которые мы потребляем, влияют на наши воспоминания, личность и поведение в будущем, мы должны быть очень осторожны, позволяя ИИ создавать наши будущие развлечения на основе нашего морально и политически глубоко ущербного культурного наследия. Правильная политика памяти в эпоху цифровых технологий, по-видимому, требует разумных и всепроникающих усилий по цензуре. [21]

Наш утопический/антиутопический мысленный эксперимент, который в настоящее время вряд ли станет реальностью, подчеркивает серьезную дилемму, лежащую в основе всех технологий ИИ. С одной стороны, технология становится невероятно эффективной в задаче самогенерирования медиапродуктов, привлекательных для своих потребителей-людей, только благодаря огромному, неизбирательному потреблению подобных медиапродуктов. Машина может решить, какая сцена должна правдоподобно следовать за другой сценной, потому что она может рассчитать, какие сцены, вероятно, будут следовать одна за другой, основываясь на структуре обширного корпуса, который она впитала. Это на-

дежно создает вывод, который по уважительным причинам напоминает потребителям СМИ о других продуктах на ту же тему. С другой стороны, и это важно, машина действует по принципу последовательного правдоподобия, а не правдивости. [22]

История

На этом этапе нашего контрфактического сценария мы, вероятно, будем благодарны историкам, которые, несмотря на методологическую и эстетическую консервативность, придерживаются своего проверенного временем текстового формата для передачи исторических знаний. Они вряд ли будут глубоко вовлечены в визуальную и тактильно иммерсивную культуру памяти, созданную искусственным интеллектом будущего. Но нет причин расслабляться. Все описанные выше дилеммы относительно будущего цифрового визуального архива уже применимы к миру текстов. Большие языковые модели, в отличие от больших киномоделей, уже существуют. Они пишут по-человечески, не могут отличить правдивые утверждения от ложных и быстро распространяют структурные предубеждения, содержащиеся в материале, который использовался для их обучения. Именно благодаря своему текстовому фетишизму историки, идя по стопам других профессиональных писателей, – нравятся им это или нет – вот-вот вылетят из дальних рядов на передовые позиции цифровой революции. Допустим, LLM могут оказать ценную, экономящую время помощь в написании академических текстов, факт, который, вероятно, не упускают из виду более предприимчивые представители исторической профессии, их

ЕСЛИ МЫ ДУМАЕМ,
ЧТО ИСТОРИИ И ОБРАЗЫ,
КОТОРЫЕ МЫ
ПОТРЕБЛЯЕМ, ВЛИЯЮТ
НА НАШИ
ВОСПОМИНАНИЯ,
ЛИЧНОСТЬ И ПОВЕДЕНИЕ
В БУДУЩЕМ, МЫ
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОЧЕНЬ
ОСТОРОЖНЫ, ПОЗВОЛЯЯ
ИИ СОЗДАВАТЬ НАШИ
БУДУЩИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ
НА ОСНОВЕ НАШЕГО
МОРАЛЬНО И
ПОЛИТИЧЕСКИ
ГЛУБОКО УЩЕРБНОГО
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ.

руководители и их аспиранты. После многих лет ажиотажа и разочарований ИИ, наконец, оправдал большие надежды и взял на себя рутинное производство текстов для потребления человеком: "Люди, чья работа все еще заключается в написании, будут все чаще поддерживаться такими инструментами, как GPT-3". [23] Будучи самой передовой общедоступной моделью большого языка, GPT-3 производит более 4,5 миллиардов слов каждый день, и с учетом этого результата она, вероятно, создает значительную долю всех текстов, предназначенных для человеческого восприятия. Как лаконично выразился Тобиас Риз: "Мы подвержены потоку нечеловеческих слов". [24]

Большое количество текстов, написанных исторической профессией, может стать мечтой для нейронных сетей ИИ и, возможно, также для историков, хотя "большой" и "мечта" здесь – относительные термины. Совокупный результат всех историков, созданных со времен Ранке, представляет собой лишь небольшую закуску для универсальных языковых моделей, таких как GPT-3. [25] Более того, модели, вероятно, не могут мечтать. По мнению большинства – но далеко не всех – экспертов, модели лишены сознания и, следовательно, способности планировать заранее, быть по-настоящему творческими и мечтать. [26]

Опять же, насколько изобретательны историки на самом деле? Разве видение истории как научного направления не всегда включало в себя идею о том, что два профессиональных историка, имеющих сопоставимый уровень последиplomного образования, разделяющие схожие этические ценности и снабженные одними и теми же данными, одними и теми же исследовательскими вопросами и одними и теми же концептуальными схемами – придут к в значительной степени совместимым, интересубъективно достоверным результатам? Идеальный тип научного историка напоминает алгоритм в том смысле, что дисциплинированный ум историка надежно производит аналогичные

результаты из аналогичных входных данных. Кажется, существует естественная близость между самыми передовыми формами ИИ и исторической дисциплиной. Оба проявляют особое пристрастие к правилам, предсказуемости и письменному слову. Следовательно, историческое знание может быть именно тем воображением, связанным с методом, которое ИИ может надежно имитировать. Как и в GPT-3, историки пишут о том, что они где-то прочитали, но решающее различие между ними состоит в том, что историки пытаются уловить в этом "что-то еще".

Брак ИИ и исторической профессии станет свадьбой мечты только в том случае, если ИИ разовьет сознание и начнет заботиться о правдивости своих утверждений или, что более вероятно, если инструменты ИИ смогут быть собраны в возможной будущей GPT-History, которая строится на других принципах построения, чем доступные в настоящее время LLM. Во-первых, GPT-History потребуются архивный компонент, который намного больше раскрывает происхождение, по крайней мере, некоторых из его текстовых выходных данных. Подобно GPT-Film, представленному выше, GPT-History потребуются вертикальная память, которая позволит ему предоставлять сноски для цитат и резюме текстов, которые он считает относящимися к данному запросу историка. Кроме того, текстотворческая составляющая GPT-History должна обучаться исключительно с помощью правдивых текстов и новейших научных разработок.

Скорее всего, машинное обучение уже играет роль в истории, как и во многих текстоориентированных, регламентированных искусствах и профессиях, таких как литература, журналистика и юриспруденция. [27] Во всех этих условиях ИИ в первую очередь (и иногда разумно) используется для рутинных, небольших письменных задач, и масштаб успешного написания ИИ, вероятно, будет быстро увеличиваться. Одно значение для истории очевидно. Дисциплина

должна приобрести более мягкие и гибкие определения плагиата, не в последнюю очередь потому, что мы, вероятно, столкнемся с волной умных студентов, сдающих задания, которые будут написаны с помощью инструментов машинного обучения и которые может быть трудно разоблачить как подделки, особенно если учащиеся используют инструменты последовательно на протяжении всей своей карьеры в колледже. [28] По словам Майка Шарплса, "студент теперь может создать целое эссе или задание за считанные секунды по цене около 1 цента США". [29] Фактически, я думаю, что ответственное использование инструментов машинного письма, особенно умение создавать эффективные подсказки на естественном языке для LLM, должно стать ключевым компонентом всех программ бакалавриата. В конце концов, мы также отказались от идеи, что правильное написание является признаком истинного ученого. Кроме того, GPT-3 – отличная платформа для некоторых задач, таких как предоставление грамотных конспектов статей и целых книг. [30]

То, что работает для студентов, в принципе должно работать и для ученых. Давайте рассмотрим некоторые инновационные ориентиры в области истории Холокоста и геноцида в качестве контрфактических примеров. В 2007 году, после десятилетий памяти о Холокосте, в которой особое внимание уделялось точке зрения жертв, Саул Фридлендер включил эту точку зрения в мультиперспективный отчет об установленной истории "Окончательного решения". [31] В 2010 году специалист по истории Восточной Европы Тимоти Снайдер пересказал историю массовых преступлений до и во время Второй мировой войны с точки зрения восточноевропейской коллективной памяти, которая развивалась после окончания Холодной войны. [32] Оба проекта свидетельствуют об актуальности социальных воспоминаний, и оба, возможно, извлекли выгоду из программного обеспечения для анализа текстов. Например, анализ текста

мог помочь обоим авторам найти полезные описания конкретных исторических сцен или мест из мемуаров выживших и других источников. [33] Аналогичным образом, оба проекта могли бы извлечь выгоду из технологии искусственного интеллекта, генерирующей текст, если бы такие машины, как GPT-3, уже существовали. AI мог бы, например, предоставить краткие хронологические сводки действий и заявлений Гитлера или Сталина, которые авторы могли бы дополнительно обработать и включить в свои рукописи.

В настоящее время "краткий" является здесь рабочим термином. В зависимости от используемых подсказок GPT-3, например, имеет тенденцию повторяться через несколько страниц и имеет особую склонность к расистским и сексистским разглаблениям, которые отражают доминирующие темы, считанные GPT-3 через Интернет-тексты, социальные сети, цифровые книги и Википедию. [34] Поэтому некоторые эксперты пришли к выводу, что "GPT-3 – это выдающаяся технология, но такая же умная, осознанная, проницательная, чувствительная и разумная (и т. д.), как старая пишущая машинка". [35] Более тщательно подобранные обучающие тексты, вероятно, приведут к другим результатам, хотя повторяющийся характер продукции не может быть легко преодолен с помощью доступных в настоящее время технологий. В GPT-3 встроен фактор случайности для повышения его "творческого потенциала", но проблема остается в том, что GPT-3 не забывает ответ на один вопрос, отвечать на который она была обучена снова и снова: "какое слово является наиболее вероятным?", "следовать данному предложению или фразе?". Алгоритмам можно приказывать опускать или не одобрять явно расистские и сексистские термины, но они все равно будут повторять их. Трудно просить их забыть и целенаправленно импровизировать, потому что в выводе обновленной версии GPT, которая была обучена большей степени забывчивости,

может не хватать концептуальной и стилистической связности. В данный момент, технология машинного обучения просто не встроена в сложные нейронные сети, способные совершать новаторские, мотивированные скачки творческого воображения, которые обычно совершают творческие писатели и историки. Тем не менее, на первый взгляд, технология отлично справляется с созданием интеллектуальных текстовых блоков, которые, по-видимому, готовы к вставке в следующую научную статью или монографию – то есть до тех пор, пока вы снова не споткнетесь о мелочь сноски и справочной, вертикальной памяти, которую представляют сноски.

В ходе нескольких недавних экспериментов GPT-3 удалось написать более или менее убедительно звучащие академические статьи, в том числе довольно разочаровывающую статью о себе, которая была отправлена на рецензирование. [36] Но в этих экспериментах GPT-3 просто изобретал привлекательные заметки, которые не ссылались на реально существующие источники. Например, он создал фиктивные ссылки на убедительно звучащие веб-сайты и, что еще более пугающе, ссылки на фиктивные журнальные статьи. Ссылки содержат имена реальных выдающихся ученых, публикующихся в этой области, и названия реальных журналов, имеющих отношение к этой области, но GPT-3 выдумал выпуски журналов, которых не существует. [37] Именно потому, что GPT-3 не занимается плагиатом – его предложения не помечаются антиплагиатным программным обеспечением и не нарушаются авторские права, как это практикуется сегодня, – он также не может правильно цитировать. GPT-3 не имеет явной вертикальной памяти. Он никогда не сможет сказать нам, откуда взялось содер-

БРАК ИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРОФЕССИИ СТАНЕТ
СВАДЬБОЙ МЕЧТЫ
ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ,
ЕСЛИ ИИ РАЗОВЬЕТ
СОЗНАНИЕ И НАЧНЕТ
ЗАБОТИТЬСЯ
О ПРАВДИВОСТИ
СВОИХ УТВЕРЖДЕНИЙ.

жание данного предложения, потому что каждое новое слово есть результат тысяч и тысяч расчетов вероятности. GPT-3 может предоставить множество полезных семантических услуг, но "правда не входит в их число", не говоря уже о том, чтобы говорить правду прозрачным и поддающимся проверке способом. [38] Таким образом, существует вполне реальная опасность того, что большие языковые модели вызовут "постоянное загрязнение нашей информационной экосистемы огромным количеством очень правдоподобных, но часто ложных текстов". [39]

Трудно предсказать, как долго будет сохраняться эта проблема. Wu Dao 2.0, китайский ответ на GPT-3, разработанный Пекинской академией искусственного интеллекта и представленный публике в 2021 году, по-видимому, намного лучше, чем GPT-3, запоминает ранее освоенные задачи, тем самым приближая ИИ к человеческой памяти и механизмам обучения", включая, возможно, в какой-то момент в будущем, оценку правдивых текстов. [40]

Чтобы преуспеть в создании правдивых заметок, инструменты машинного обучения должны будут сотрудничать с инструментами исследования академической литературы (такими как Iris.ai), которые могут найти подходящие ссылки для автоматически сгенерированного контента. [41] Кроме того, чтобы генерировать правдивый контент, History-GPT следует обучать текстам, прошедшим контроль качества, например, рецензируемым академическим письмам и качественной журналистике. Наконец, самой большой проблемой окажется предотвращение неприятных структурных предубеждений. В своем нынешнем виде GPT-3 не знает этики и не является нейтральной машиной. Он предпочитает текстовый статус-кво, как он появляется в его обучающей

ленте, что, таким образом, затрудняет критическое письмо, направленное против сути корпуса. Существуют многообещающие инициативы по улучшению этики GPT-3, и тщательное курирование контента. [42]

История GPT, заслуживающая этого звания, то есть заслуживающая того, чтобы называться академической, научной машиной, по-видимому, требует разумной, целенаправленной интеграции двух типов ИИ: цифровой, очень разнообразной, аналогово-структурированной коллекции эффективно проиндексированных данных. и, по запросу, грамотно обобщенные источники, с одной стороны, и компонент творческого письма LLM, который был обучен с использованием самых современных научных знаний, с другой стороны. Объединение этих двух компонентов в один текст и принятие решения о том, в какой степени вывод одной стороны требует корректировки вывода другой стороны, вероятно, еще долгое время потребует участия человека.

Точно так же, как сегодняшняя наука идентифицирует программное обеспечение, которое использовалось для создания и обработки больших наборов количественных данных, где это применимо, будущая наука будет признавать технологию машинного обучения, которая использовалась для составления промежуточных рабочих продуктов, таких как хронологии и описательные сводки источников, и даже станки, которые использовались для создания или внесения последних стилистических штрихов в целые рукописи. Если технология машинного обучения заставит рукопись отражать стиль академического героя, это может стать последней фазой процесса написания диссертации.

Историческая теория

Характеристики, снижающие ценность GPT-3 как автора исторических исследований, могут превратить его в интересную площадку для исторической теории. Хорошей цифровой отправной точкой в этом

контексте является хорошо зарекомендовавшая себя область стилометрии, которая измеряет преобладание стилистических особенностей текстов на уровне отдельных символов, слов и предложений и на уровне более сложных языковых структур, например, риторические фигуры и более крупные всеобъемлющие текстовые шаблоны. [43] Метод помогает установить литературное и юридическое авторство и описать эволюцию стилей письма на протяжении десятилетий и столетий. Как и многие другие статистические анализы, стилометрия поддается привлекательной визуализации, например, в виде тепловых карт и дендрограмм. [44] Насколько мне известно, этот метод не применялся для описания стиля отдельных историков или отслеживания ключевых особенностей профессионального исторического письма на протяжении последних нескольких сотен лет.

Стилометрия и технологии машинного обучения открывают возможности для разработки и проверки гипотез о микро- и макрограмматике профессионального исторического письма. Обычно историки-теоретики анализируют образцы исторических исследований, написанных настоящими историками, чтобы определить закономерности и правила, которые управляют дисциплиной в целом. LLM позволяют нам перевернуть этот процесс с ног на голову, превратив наши предположения о том, как работает история, в набор инструкций, а LLM воплотит эти инструкции в текстовую практику. С помощью своего рода реверсивной исторической теории мы можем заставить машины писать исторические трактаты в соответствии с лингвистическими спецификациями, отражающими наши гипотезы о том, как работает история; затем мы можем увидеть, в какой степени результаты совпадают с историографией, созданной "в дикой природе".

Историческая теория есть неустоявшееся знание. Существует три разных (и, на мой взгляд, одинаково правдоподобных) утвер-

ждения о природе истории. Для некоторых теоретиков и большинства историков история – это эмпирическая академическая дисциплина, предоставляющая читателям описания тщательно очерченных сегментов прошлой реальности. [45] Лингвистический поворот предложил другой смысл существования истории, определяя повествовательное исполнение как первичную неотъемлемую ценность профессионального исторического письма. [46] Наконец, некоторые постнарративисты, такие как Йоуни-Матти Куукканен, утверждали, что исторические тексты следует ценить и оценивать как аргументированные вмешательства, призванные убедить читателей в обоснованности набора утверждений. [47] Я думаю, что все три утверждения верны. Нет причин предполагать, что история – это игра с нулевой суммой, связанная исключительно с описанием, повествованием или аргументацией. На самом деле я бы предположил, что история – это гибридная интеллектуальная писательская деятельность, в которой постоянно смешиваются описание, повествование и аргументация на разных уровнях текста. В то же время можно определить, что многие исторические работы служат одной основной цели. В результате реально может существовать как минимум три разных типа истории, которые следует оценивать по разным критериям. Существуют нарративные истории, в которых описания и аргументация используются для создания хорошей истории, и напористые истории, в которых используются повествовательные и описательные отрывки, чтобы убедить читателей в обоснованности конкретного аргумента. [48]

Чтобы проверить приведенные выше гипотезы, можно было бы преобразовать текстовые лингвистические определения описания, аргументации и повествования в алгоритмическую форму, чтобы определить преобладание и распределение описательных, утвердительных и повествовательных предложений и отрывков в данном фраг-

менте исторического письма. [49] Затем можно было бы внимательно проанализировать отрывки с интенсивным описанием, повествованием и аргументацией и попытаться определить их семантические и возможные иерархические отношения друг с другом. В этом контексте было бы особенно интересно, если бы машины извлекали паттерны продвижения текста в определенных сегментах текста (таких как введение, заключение и отрывки, в которых обсуждаются сходные понятия), а также позволяли бы им отслеживать различные семантические нити текста. (например, путем разграничения уровня исторического изложения и уровня историографической контекстуализации). [50] Короче говоря, можно определить, как данный текст функционирует лингвистически, сравнить его лингвистический профиль текста с другими публикациями и даже проследить эволюцию доминирующих принципов текстового построения с течением времени в различных субдисциплинах и области в целом. Некоторые возможные результаты включают наблюдение, что историки в основном использовали повествование, как утверждают нарративисты после лингвистического поворота 1970-х годов, но что теперь они с большей вероятностью будут спорить, как утверждают постнарративисты. Кроме того, можно было бы эмпирически проиллюстрировать, что историки предпочитают описательные стили продвижения текста, когда они начинают работать в новой области исследований, такой как цифровая история. [51]

Следующим шагом реверс-инжиниринга будет разработка хороших подсказок, чтобы иметь преемника ТПП-3, предпочтительно правдивую историю ТПТ, писать описательные, повествовательные и убедительные истории конкретных событий или эпох, сравнивать результаты с существующими научными данными и, таким образом, проверить представление о том, что принципиально разные типы исторической науки действительно существуют. [52] Из-

меняя параметры теста от одного прогона к другому, мы могли бы, например, определить, насколько далеко утверждения фактов проникают в нарративную и аргументативную надстройку исторических текстов. Возможно, действительно существуют разные типы исторического повествования и аргументации, которые более или менее прочно интегрированы в соответствующую им эмпирическую инфраструктуру и зависят от нее. Мы можем играть с лингвистической и семантической грамматикой истории, включая уровни абстракции, степени эмпирической насыщенности, интенсивность повествовательного погружения и внимание к логическим деталям. Возможно, мы сможем определить переломные моменты, знаменующие переход эмпирического трактата в повествовательное представление или хорошо продуманное аргументативное вмешательство. Хорошо разработанные LLM предлагают экспериментальные возможности для исторической теории, которые никогда не существовали ранее, и шанс разработать точные, но гибкие критерии суждения, которые соответствуют эмпирическим, описательным и напористым исследованиям и разнообразию области. LLM могли бы научить нас в конкретных лингвистических терминах тому, что есть больше способов добиться успеха или потерпеть неудачу в сложной задаче написания истории, чем мы предполагали ранее.

Заключение

Что из всего этого можно получить? Прежде всего, скорость и масштаб и все преимущества, которые они влекут за собой. Эти преимущества включают в себя привлекательные, привлекательные места коллективной памяти, отражающие политические и этические предпочтения их создателей, всестороннее владение источниками и литературой, которое больше не может быть достигнуто отдельными учеными и исследовательскими группами, новые формы мультиперспективного и мультискалярно-

го письма на разных языках, проверка гипотез и контрфактических сценариев под влиянием момента, доступ к истории обществ и эпох, которыми до сих пор пренебрегали профессиональные историки (включая легкий доступ к мультимедийным архивам [53]), быстрый и глубокий анализ лингвистических и семантических паттернов исторического письма в разных масштабах и возможности проверки основных аксиом исторической теории с выгодной точки, расположенной внутри исторического текста, то есть с точки зрения субъекта письма. Все это дается по крутой, возможно, непомерно высокой цене. Технологии машинного обучения дороги, имеют огромный углеродный след и предназначены для обслуживания интересов их коммерческих владельцев. [54] Кому-то придется платить за технологию машинного обучения, совместимую с академическими кругами. Эта GPT-история должна находиться под общественным контролем, не в последнюю очередь для того, чтобы гарантировать, что она придерживается узаконенных правил цензуры. Наконец, его продукция должна быстро и решительно продвигать дело защиты окружающей среды; в противном случае было бы трудно оправдать необходимые вложения скудных ресурсов. Как метко напоминает нам GPT-3: "Для обучения больших языковых моделей требуется много электроэнергии. Это потребление электроэнергии приводит к выбросам парниковых газов, что способствует изменению климата. Кроме того, эти модели часто размещаются на серверах, использующих ископаемое топливо, что еще больше усугубляет их воздействие на окружающую среду". [55]

Примечания:

1. См.: The Oxford Handbook of Public History, ed. James B. Gardner and Paula Hamilton (Oxford: Oxford University Press, 2017).
2. Leopold von Ranke, History of the Reformation in Germany, ed. Robert A. Johnson, transl. Sarah Austin (London: Routledge and Sons, 1905), VII, 3, <https://books.google.com/books?id=BXsfAAAAMAAJ>.

3. Anthony Grafton, *The Footnote: A Curious History* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997), 223.
4. Краткую историю ИИ см.: Yuchen Jiang et al., "Quo Vadis Artificial Intelligence?" *Discover Artificial Intelligence* 2 (2022), <https://link.springer.com/article/10.1007/s44163-022-00022-8>.
5. Robert Dale, "GPT-3: What's It Good For?" *Natural Language Engineering* 27, no. 1 (2021), 113-18.
6. Adam Sobieszek and Tadeusz Price, "Playing Games with AIs: The Limits of GPT-3 and Similar Large Language Models," *Minds and Machines* 32, no. 2 (2022), 341-64.
7. Ben Dickson, "The Untold Story of GPT-3 Is the Transformation of Open AI," *Tech Talks*(blog), 17 August 2020, <https://bdtechtalks.com/2020/08/17/openai-gpt-3-commercial-ai/>.
8. Steve Tingiris, *Exploring GPT-3: An Unofficial First Look at the General-Purpose Language Processing API from Open AI* (Birmingham: Packt, 2021), 5.
9. Susan C. Karant-Nunn, *The Reformation of Feeling: Shaping the Religious Emotions in Early Modern Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2010). Для Карант-Нанна Ранке остается коллегой, с которым приходится считаться (9).
10. C. Scott Dixon, *Contesting the Reformation* (Chichester: Wiley-Blackwell, 2012), 20. См. также: Thomas A. Brady Jr., *German Histories in the Age of Reformations, 1400-1650* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 3.
11. Возьмем, к примеру, дискуссию по поводу редакционной статьи, написанной президентом Американской исторической ассоциации, который оплакивал презентизм во многих выступлениях в области публичной истории, но не смог признать приверженность политической программе прошлых элит, которая структурно заложена во многих источниках, используется историками и поэтому часто непреднамеренно воспроизводится указанными историками. См.: James H. Sweet, "Is History History? Identity Politics and Teleologies of the Present," *Perspectives on History*, 17 August 2022, <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2022/is-history-history-identity-politics-and-teleologies-of-the-present>.
12. Robert A. Rosenstone made this point in the 1990s in *Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995); Adam Chapman confirmed it in *Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice* (New York: Routledge, 2016).
13. См., например: Kalle Pihlainen, *The Work of History: Constructivism and a Politics of the Past* (New York: Routledge, 2017) and Jørn Rysen, *Evidence and Meaning: A Theory of Historical Studies* (New York: Berghahn Books, 2017).
14. Это относится, например, к способности ИИ читать лица людей и даже эмбрионов как в позитивных, так и в клинических случаях. Подробнее об этом сравните: Lotte Houwing, "Reclaim Your Face and the Streets: Why Facial Recognition, and Other Biometric Surveillance Technology in Public Spaces, Should Be Banned," in *(Dis)Obedience in Digital Societies: Perspectives on the Power of Algorithms and Data*, ed. Sven Quadflieg, Klaus Neuburg, and Simon Nestler (Bielefeld: Transcript, 2022), 318-41, and Yasunari Miyagi et al., "Recognition of Facial Expression of Fetuses by Artificial Intelligence (AI)," *Journal of Perinatal Medicine* 49, no. 5 (2021), 596-603.
15. Clemens J. Setz, "Digitale Kunst: Noch sind sie unschuldig," *Süddeutsche Zeitung*, 14 June 2022, <https://www.sueddeutsche.de/kultur/clemens-setz-dall-e-mini-kuenstliche-intelligenz-jorge-luis-borges-1.5602238>. Оценку DALL-E 2 см.: Gary Marcus, Ernest Davis, and Scott Aaronson, "A Very Preliminary Analysis of DALL-E 2," *ArXiv*, last modified 2 May 2022, <https://arxiv.org/abs/2204.13807v2>.
16. Pei-Sze Chow, "Ghost in the (Hollywood) Machine: Emergent Applications of Artificial Intelligence in the Film Industry," *NECSUS* 9, no. 1 (2020), 193-214; Xiaoyu Li et al., "Deep Sketch-Guided Cartoon Video Inbetweening," *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics* 28, no. 8 (2022), 2938-52.
17. Рост культуры памяти, поддерживаемой ИИ, подчеркивает необходимость критических исследований цифровой памяти. Подробнее об этом см.: *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*, ed. Andrew Hoskins (New York: Routledge, 2018) and Anna Reading, *Gender and Memory in the Global Age* (London: Palgrave, 2016).
18. Tobias Ebbrecht-Hartmann, Lital Henig, and Noga Stiassny, "Report on Digital Curation of Popular Culture Content," *Visual History of the Holocaust*, last modified 31 December 2020, <https://www.vhh-project.eu/deliverables/d2-5-report-on-digital-curation-of-popular-culture-content/>.
19. Предшественник этой машины существует в виде алгоритма, который позволяет пользователям получать доступ к обширной коллекции визуальных материалов, собранных в архиве визуальной истории USC Shoah Foundation. Подробнее об этом см.: Todd Presner, "The Ethics of the Algorithm: Close and Distant Listening to the Shoah Foundation Visual History Archive," in *Probing the Ethics of Holocaust Culture*, ed. Claudio Fogu, Wulf Kansteiner, and Todd Presner (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016), 175-202.
20. Noah Giansiracusa, *How Algorithms Create and Prevent Fake News: Exploring the Impacts of Social Media, Deep fakes, GPT-3, and More* (Acton: Apress, 2021).
21. Wulf Kansteiner, "Censorship and Memory: Thinking Outside the Box with Facebook, Goebbels,

- and Xi Jinping," *Journal of Perpetrator Research* 4, no. 1 (2021), 35-58.
22. Например, DALL-E 2, по-видимому, в значительной степени следует принципам этического использования Open AI. Подробнее об этом см.: Matthias Bastian, "Open AI's DALL-E 2 Is Pretty Compliant – But Who Is Responsible Anyway?" *The Decoder*, 20 May 2022, <https://the-decoder.com/openais-dall-e-2-is-pretty-compliant-but-who-is-responsible-anyway/>.
23. Luciano Floridi and Massimo Chiriatti, "GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences," *Minds and Machines* 30, no. 4 (2020), 691.
24. Tobias Rees, "Non-Human Words: On GPT-3 as a Philosophical Laboratory," *Daedalus* 151, no. 2 (2022), 180.
25. Tom B. Brown et al., "Language Models Are Few-Shot Learners," *Ar Xiv*, last modified 22 July 2020, 8, <https://arxiv.org/abs/2005.14165>.
26. Cade Metz, "A.I. Is Not Sentient. Why Do People Say It Is?" *The New York Times*, 5 August 2022, <https://www.nytimes.com/2022/08/05/technology/ai-sentient-google.html>. См. также обсуждение интеллекта GPT-3 в: Carlos Montemayor, "Language and Intelligence," *Minds and Machines* 31, no. 4 (2021), 471-86.
27. Mike Sharples and Rafael Perez y Perez, *Story Machines: How Computers Have Become Creative Writers* (New York: Routledge, 2022); Amy Cyphert, "A Human Being Wrote This Law Review Article: GPT-3 and the Practice of Law," *UC Davis Law Review* 55, no. 1 (2022), 401-43.
28. Nassim Dehouche, "Plagiarism in the Age of Massive Generative Pre-trained Transformers (GPT-3)," *Ethics in Science and Environmental Politics* 21 (March 2021), 17-23.
29. Mike Sharples, "New AI Tools That Can Write Student Essays Require Educators to Rethink Teaching and Assessment," *LSE Impact Blog(blog)*, 17 May 2022, <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2022/05/17/new-ai-tools-that-can-write-student-essays-require-educators-to-rethink-teaching-and-assessment/>.
30. Bharath Chintagunta et al., "Medically Aware GPT-3 as a Data Generator for Medical Dialogue Summarization," in *Proceedings of the Second Workshop on Natural Language Processing for Medical Conversations*, ed. Chaitanya Shivade et al. (Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2021), 66-76. Обсуждение одного из многих коммерческих поставщиков услуг см.: Matt Payne, "State of the Art GPT-3 Summarizer for Any Size Document or Format," *Width.ai(blog)*, 7 September 2021, <https://www.width.ai/post/gpt3-summarizer>.
31. Saul Friedlander, *The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews, 1939-1945* (New York: HarperCollins, 2007).
32. Timothy Snyder, *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin* (New York: Basic Books, 2010).
33. Это могло быть сделано так, как Кристофер Р. Браунинг использовал инструменты цифрового поиска Архива визуальной истории USC Shoah Foundation во время работы над "Вспоминая выживание". *Remembering Survival: Inside a Nazi Slave-Labor Camp* (New York: Norton, 2010).
34. Brown et al., "Language Models Are Few-Shot Learners," 9.
35. Floridi and Chiriatti, "GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences," 690.
36. Almira Osmanovic Thunström, "We Asked GPT-3 to Write an Academic Paper about Itself – Then We Tried to Get It Published," *Scientific American*, 30 June 2022, <https://www.scientificamerican.com/article/we-asked-gpt-3-to-write-an-academic-paper-about-itself-then-we-tried-to-get-it-published/>.
37. Sharples, "New AI Tools That Can Write Student Essays."
38. Sobieszek and Price, "Playing Games with AIs," 341.
39. Ibid.
40. Alberto Romero, "GPT-3 Scared You? Meet Wu Dao 2.0: A Monster of 1.75 Trillion Parameters," *Towards Data Science*, 5 June 2021, <https://towardsdatascience.com/gpt-3-scared-you-meet-wu-dao-2-0-a-monster-of-1-75-trillion-parameters-832cd83db484>.
41. Andy Extance, "How AI Technology Can Tame the Scientific Literature," *Nature*, 10 September 2018, <https://www.nature.com/articles/d41586-018-06617-5>.
42. Anastasia Chan, "GPT-3 and Instruct GPT: Technological Dystopianism, Utopianism, and 'Contextual' Perspectives in AI Ethics and Industry," *AI and Ethics* (April 2022), <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00148-6>.
43. Jacques Savoy, *Machine Learning Methods for Stylometry: Authorship Attribution and Author Profiling* (Cham: Springer, 2020).
44. K. V. Lagutina and A. M. Manakhova, "Automated Search and Analysis of the Stylometric Features That Describe the Style of the Prose of 19th-21st Centuries," *Automatic Control and Computer Sciences* 55, no. 7 (2021), 866-76.
45. C. Behan McCullagh, *The Truth of History* (London: Routledge, 2003).
46. Alun Munslow, *Narrative and History*, 2nd ed. (London: Red Globe Press, 2019).
47. Jouni-Matti Kuukkanen, *Postnarrativist Philosophy of Historiography* (New York: Palgrave, 2015).
48. Wulf Kansteiner, "History beyond Narration: The Shifting Terrain of Bloodlands," in *Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past*, ed. Stefan Berger,

Nicola Brauch, and Chris Lorenz (New York: Berghahn Books, 2021), 51-82.

49. Рассмотрим в этом контексте конкретные текстовые лингвистические определения описания, повествования и аргументации, которые были предложены здесь: Carlota S. Smith in *Modes of Discourse: The Local Structure of Texts* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003) и у которых есть потенциал для цифровой операционализации. Звучит перспективно совместить эти категории с методом "среднего чтения" с помощью ИИ; см.: Jon Chun and Katherine Elkins, "What the Rise of AI Means for Narrative Studies: A Response to 'Why Computers Will Never Read (or Write) Literature' by Angus Fletcher," *Narrative* 30, no. 1 (2022), 104-13.

50. Многообещающим в этом отношении является успешный компьютерный анализ нарративных структур в: Ryan L. Boyd, Kate G. Blackburn, and James W. Pennebaker, "The Narrative Arc: Revealing Core Narrative Structures through Text Analysis," *Science Advances* 6, no. 32 (2020), <https://doi.org/10.1126/sciadv.aba2196>. См. также: Joshua Daniel Eisenberg, "Automatic Extraction of Narrative Structure from Long Form Text" (PhD diss., Florida International University, 2018), <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/3912>.

51. Stephen Robertson and Lincoln Mullen, "Arguing with Digital History: Patterns of Historical Interpretation," *Journal of Social History* 54, no. 4 (2021), 1005-22. Кроме того, некоторые исследования показывают, что описательные тексты действительно больше связаны с пространственным, чем с хронологическим продвижением; см.: Christine Peters, "Text Mining, Travel Writing, and the Semantics of the Global: An Ant Conc Analysis of Alexander von Humboldt's *Reise in die Aequinoktial-Gegenden des Neuen Kontinents*," in *Digital Methods in the Humanities: Challenges, Ideas, Perspectives*, ed. Silke Schwandt (Bielefeld: Bielefeld University Press, 2021), 192.

52. Для оценки аргументативных навыков моделей языкового представления см.: Mayank Kejriwal et al., "Designing a Strong Test for Measuring True Common-Sense Reasoning," *Nature Machine Intelligence* 4, no. 4 (2022), 318-22. Even GPT-2 is apparently already quite good at arguing; see Khalid Al-Khatib et al., "Employing Argumentation Knowledge Graphs for Neural Argument Generation," in *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing*, vol. 1, ed. Chengqing Zong et al. (Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2021), 4744-54.

53. Архивы устной истории, которые были представлены удаленно и проиндексированы с помощью технологии искусственного интеллекта, фиксирующей естественный язык и другие социальные сигналы (например, технология, которая может идентифицировать выражение лица и язык тела, а также анализировать дыхание), могут, например, служить историкам и их машинному обучению. Подробнее об этом см.: Francisca Pessanha and Almila Akdag Salah, "A Computational Look at Oral History Archives," *Journal on Computing and Cultural Heritage* 15, no. 1 (2021), <https://doi.org/10.1145/3477605>.

54. Dieuwertje Luitse and Wiebke Denkena, "The Great Transformer: Examining the Role of Large Language Models in the Political Economy of AI," *Big Data and Society* 8, no. 2 (2021), <https://doi.org/10.1177/20539517211047734>.

55. Этот вывод был создан на игровой площадке Open AI (<https://beta.openai.com/playground>) 26 сентября 2022 г. в ответ на мою подсказку "Напишите один абзац о негативном влиянии больших языковых моделей, таких как GPT-3, на мировой климат" с настройкой температуры 1 и максимальной длиной 485 знаков.

Oleshkevich Tatyana Adolfovna, Postgraduate student, Adyghe State University, Maykop

In this article, we present guidelines for the consistent disclosure of the question of how interethnic relations are implemented at the level of the university educational environment in the South of Russia and, in particular, according to what principles the processes of ethnic identification and self-identification are implemented in this social environment; an analysis of the specifics of the university environment is presented. This article describes that in addition to positive relations in an informal environment, conflict situations of interaction can also develop, and this can be an essential reason for exacerbating interethnic relations, since conflict situations, even if they were not originally based on ethnic differences, can later grow into on its scale and involve more and more new participants, one of the results of which may be the transition of an interpersonal conflict to the status of an intergroup one. An important point is described: the active building of social ties in this case is implemented according to one of two main scenarios - the scenario of assimilation associated with the gradual interpenetration of elements of interacting cultures and the adoption of individual sociocultural orientations adopted at the level of the social environment of the region, and the scenario of open interaction, accompanied by the preservation of the original cultural settings.

Keywords: interethnic relations; university educational environment; social processes; ethnos; ethnically marked groups; ethnocultural affiliation.

EDN: IADOAT; DOI: 10.24923/2305-8757.2023-13.6

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ВУЗОВСКОЙ СРЕДЫ ЮГА РОССИИ

УДК 378:316.347

БАК 5.4.6

© Олешкевич Т.А., 2023

В данной статье автором представлены ориентиры на последовательное раскрытие вопроса о том, каким образом на уровне вузовской образовательной среды Юга России реализуются межэтнические отношения и, в частности, по каким принципам в данной социальной среде реализуются процессы этнической идентификации и самоидентификации; представлен анализ специфики вузовской среды; описано, что помимо позитивных отношений в неформальной среде могут складываться также конфликтные ситуации взаимодействия, и это может являться существенным основанием для обострения межэтнических отношений, так как конфликтные ситуации, даже если они изначально не базировались на этнических различиях, в дальнейшем могут разрастись в своем масштабе и вовлечь в себя все новых участников, одним из результатов чего может стать переход межличностного конфликта в статус межгруппового. Описан важный момент: активное выстраивание социальных связей в данном случае реализуется по одному из двух основных сценариев - сценарий ассимиляции, связанный с постепенным взаимопроникновением элементов взаимодействующих культур и принятием отдельных социокультурных ориентаций, принятых на уровне социальной среды региона, и сценарий открытого взаимодействия, сопровождающегося сохранением исходных культурных установок.

Ключевые слова: межэтнические отношения; вузовская образовательная среда; социальные процессы; этнос; этнически маркированные группы; этнокультурная принадлежность.

Выстраивание межэтнических отношений в значительной степени зависит от той социальной среды, на уровне которой оно реализуется. Это тот момент, который различает ситуативные социальные контакты между представителями различных этносов и их взаимодействие в институциональной среде. При

**ОЛЕШКЕВИЧ
Татьяна
Адольфовна,**
соискатель, Адыгейский
государственный
университет, Майкоп

этом существенное внимание нами было уделено вопросу о роли образовательной системы в создании благоприятных отношений между представителями различных этнических групп. Вместе с тем, стоит обратить внимание на то, что образовательная система выступает не только в роли одного из регуляторов межэтнического взаимодействия, но также является и социальной средой, на уровне которой осуществляется межэтническая коммуникация, что определяет особый статус сферы образования применительно к проблематике выстраивания межэтнического взаимодействия. Мы ориентированы на последовательное раскрытие вопроса о том, каким образом на уровне вузовской образовательной среды Юга России реализуются межэтнические отношения и, в частности, по каким принципам в данной социальной среде реализуются процессы этнической идентификации и самоидентификации.

За основу в рамках осуществления данного этапа исследования нами был взят вторичный анализ материалов социологических исследований, проведенных другими авторами, исследующими особенности межэтнических отношений в вузовской среде Юга России. В частности, были использованы материалы, представленные в работах М.В. Косцовой, А.В. Гришиной, В.А. Быстрыкова [1], Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, Д.Н. Карзубова, С.А. Казаченко [2], А.В. Денисовой [3], Г.С. Ароян [4], Л.А. Савченко, Н.А. Вялых [5], Е.Г. Шурыгиной [6], Т.С. Ковалевой [7], Л.В. Клименко, С.Г. Горяйнова, П.Е. Будаева [8], А.В. Баранова, М.В. Донцовой, В.А. Чигрина [9], М.И. Джаубаевой [10], И.В. Савченко [11].

Прежде чем приступить к анализу межэтнических отношений в вузовской среде Юга России, следует отметить, что существует момент двойственности в отражении поставленного вопроса, поскольку ответ на него требует, с одной стороны, детализации институциональных факторов выстраивания межэтнического взаимодействия в Юге Рос-

сии, с другой – предполагает момент детализации этнокультурной специфики проживающих на территории региона этнических групп. Именно в рамках сопоставления данных аспектов может быть достигнуто конечное понимание поставленного вопроса.

Для начала обратимся к анализу специфики вузовской среды. Основная функция образовательной системы связана с реализацией профессионального обучения, однако особенность высшего образования состоит в том, что формирование профессиональной компетенции обучающихся сопряжено с формированием общего кругозора и воспитанием социально значимых личностных качеств. Это тот момент, который определяет востребованность диплома о высшем образовании даже в тех случаях, когда имеет место трудоустройство не по специальности. В плане организации учебно-воспитательного процесса – это сопряжено, прежде всего, с гуманитарной составляющей высшего образования, которая реализуется на уровне учебной программы любого направления подготовки или специальности. В рамках учебного процесса студенты приобретают знания по ряду ключевых вопросов, связанных с исторической, правовой, экономической, политической сферами, формируется понимание ряда социальных принципов и механизмов. В данном случае очень важным моментом является то, что приобретение гуманитарного знания способствует повышению осознанности в осмыслении социальных процессов и, в том числе, задает возможности к рефлексивному осмыслению ряда процессов с точки зрения существующих теоретических моделей, присутствующих на уровне социогуманитарного знания. Важность этого аспекта чрезвычайно высока, поскольку многие из процессов формирования межэтнических отношений связаны с наличием устойчивых моделей восприятия других этносов, и в данном случае привнесение альтернативной точки зрения, к тому же, имеющей развитое научное обоснование, может способство-

вать преодолению влияния отдельных социальных стереотипов, порождающих моменты социальной напряженности в межэтнической среде.

Очень важным моментом в данном случае является и то, что в рамках процесса получения гуманитарного образования (который, в той или иной форме реализуется на уровне любого направления подготовки или специальности, включая технические), реализуется процесс привития общечеловеческих и гражданских ценностей, которые задают предпосылки для формирования толерантного отношения к представителям других культур и народов, позволяют признавать право на "иную точку зрения", и при этом формируют устойчивое представление о ценности любого человеческого существа. Эти гуманитарные принципы в российском обществе являются основополагающими, они находят отражение и закрепление на конституционном уровне, и очень важно, чтобы и на уровне культуры социального взаимодействия они оказывали влияние на реализуемые членами общества социальные практики. В этом контексте воспитательную функцию, реализуемую на уровне системы образования, мы можем оценивать, как крайне важный фактор выстраивания конструктивного, благоприятного климата взаимодействия в межэтнической среде.

Оценивая специфику институциональной определенности образовательной среды, следует сразу отметить, что в рамках системы образования одним из важнейших аспектов выстраивания учебного процесса является формирование социальных стимулов к успешному осуществлению учебной деятельности. Это проявляется в формировании социальных практик, нацеленных на приви-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
СИСТЕМА ВЫСТУПАЕТ
НЕ ТОЛЬКО В РОЛИ
ОДНОГО ИЗ
РЕГУЛЯТОРОВ
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ,
НО ТАКЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ
И СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ,
НА УРОВНЕ КОТОРОЙ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ
КОММУНИКАЦИЯ.

тие обучающимся ценностей учебной деятельности, развитии практик статусного деления, связанного с успехами в осуществлении учебной деятельности. Профессионализм, обучаемость, развитый ум, владение знаниями – это те ценности образовательной среды, которые преподаватели стремятся донести до обучающихся в рамках общей установки на формирование в их среде повышенной мотивации к овладению учебным материалом. Данная проблема является очень серьезной в рамках современной педагогики, поскольку определяет эффективность учебного процесса [12]. Для препода-

вателя одним из важных условий эффективности образовательного процесса является привнесение моментов соревновательности среди студентов, что порождает специфические механизмы социальной стратификации в образовательной среде, основанные на ценностях данного общественного института.

На этом моменте следует остановиться отдельно. Принцип, описанный выше, является общим практи-

чески для всех развитых общественных институтов. Его суть состоит в том, что, помимо участников институционального взаимодействия, у каждого из которых могут иметь место личные цели, определяющие его социальную включенность в конкретную область деятельности. Также имеют место функциональные задачи самого института, которые влияют на социальное мировоззрение включенных в него людей, порождая специфические области групповых интересов, связанных с институциональной деятельностью. Данный принцип был детально описан одним из основоположников структурного функционализма Т. Парсонсом, обозначившим идею наличия надындивидуальной субъектности крупных

структурных объединений, в которые входят члены общества [13]. Если рассматривать это применительно к концептуальной модели социальной идентификации, описанной нами ранее, принимая участие в институциональной деятельности включенные в нее люди принимают определенный образ мысли, отвечающий интересам общественного института, в который они включены. При этом, будучи вовлеченными в институциональную деятельность, они, в том числе, исходят из интересов институционально определенной группы и соотносят собственные социальные интересы с групповыми интересами. В эту же модель вписывается и такой момент, как формирование статусного деления по критерию успешности осуществления институциональной деятельности.

Разумеется, данный принцип не является тотальным и, по факту, разные члены общества, включенные в институциональную деятельность, могут быть в различной степени в нее вовлечены, что порождает расхождение в степени влияния, оказываемого конкретным общественным институтом на включенных в него людей. Применительно к системе образования, в частности, мы можем в качестве примера данного принципа обозначить различие между людьми, сознательно идущими по пути формирования профессиональной компетенции, и теми, кто использует образовательную среду для реализации побочных, не имеющих отношения к получению профессиональной компетенции целей (отсрочка от армии, получение бесплатного жилья в общежитии, возможность весело провести время в студенческой среде, реализация жизненного сценария, навязанного членами семьи, но не воспринимаемого учащимся всерьез и т.д.). Для последних влияние институционального статуса (и, собственно, самоопределения через институциональную среду) существенно ниже, чем для тех, кто активно участвует в образовательной деятельности и намерен достигать успеха в ней.

Следует отметить, что не существует четкой тенденции, описывающей склонность представителей различных этносов к достижению успеха в образовательной деятельности. Существует ряд примеров среди этнических меньшинств, кто использует образовательную систему как социальный лифт, равно как имеют место обучающиеся, относящиеся к нетитульным этносам, и при этом проявляющие крайне низкую мотивацию к обучению. В данном случае довольно сложно проследить какую-либо тенденцию, поскольку сама по себе склонность к активной образовательной деятельности является порождением ряда разнородных факторов, изучение которых достойно самостоятельного исследования. Вместе с тем, мы можем констатировать то, что среди студентов, относящихся к малым этническим группам, присутствуют обучающиеся, имеющие высокий уровень мотивации к развитию в образовательной среде, а также те, чья вовлеченность в образовательный процесс (и, в том числе – восприятие статусно-ролевых аспектов образовательной системы) является результатом эффективной мотивационной деятельности, осуществляемой преподавательским составом.

Рассматривая влияние институциональной вовлеченности в образовательную деятельность на конечный облик социального взаимодействия в межэтнической среде, следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, в рамках плотного включения в образовательную деятельность может иметь место смещение актуально действующих критериев социальной идентификации и самоидентификации с этнических в сторону институциональных. Во-вторых, в рамках анализа влияния институциональных факторов на выстраивание межэтнических отношений следует учитывать соотношение формального и неформального аспектов взаимодействия. Рассмотрим подробнее обозначенные вопросы.

Тематика критериев или оснований социальной идентификации уже была частич-

но освещена нами ранее. Ключевой момент в данном случае состоит в том, что внешняя среда может оказывать существенное влияние на социальный субъект, ситуативно меняя его социальные приоритеты. В данном случае, чем выше уровень психологической вовлеченности субъекта в подобного рода внешнюю ситуацию, тем выше шанс его переориентации с одних оснований социальной идентификации на другие. Именно поэтому мы обратили внимание на то, насколько важным обстоятельством в выстраивании межэтнического взаимодействия является вовлеченность этнически маркированных членов общества в учебный процесс. Помимо очевидного значения воспитательной функции образовательной системы (которая действует в той мере эффективно, в какой субъекты учебной деятельности склонны к принятию образовательной деятельности в принципе), здесь большое значение имеет то, насколько значимыми для обучающихся являются социальные связи, выстраиваемые в ходе учебной деятельности и насколько они, в целом, ассоциируют себя с той средой, в которую они погружены.

Второй аспект непосредственно связан с первым и, отчасти, проистекает из него. Функционирование всякого общественного института (включая даже те, в рамках которых имеет место строгая регламентация социальной активности) предполагает момент разделения формализованного, функционально обусловленного общения и неформального взаимодействия, по сути, выходящего за рамки институциональной определенности конкретного института. Когда мы говорим о том, что образовательная система представляет собой специфическую среду взаимодействия, мы подразумеваем локализацию на уровне образовательного института значительного количества людей, которые вступают в коммуникативное взаимодействие различного характера (взаимодействие между представителями преподавательского состава,

между преподавателями и студентами, между студентами и т.д.). Однако, вместе с тем, справедливо и то, что в рамках образовательной среды имеют место некоторые специфические правила взаимодействия, а также присутствует момент тематического смещения содержания коммуникации в сторону образовательного процесса. Таким образом, речь идет не просто о множестве людей, случайно собранных вместе и взаимодействующих между собой, но о группе людей, которые взаимодействуют определенным образом (как минимум, в рамках учебных занятий) и общаются на определенный круг тем, связанных с проходимыми ими учебными материалами. В этом контексте разделение на формальное и неформальное взаимодействие охватывает, с одной стороны, момент правил коммуникации, принятых в образовательной среде, с другой – тематической наполненности коммуникации.

Рассматривая сферу социального взаимодействия в образовательной среде, следует отметить, что область неформального взаимодействия оказывает очень серьезное влияние на отношения внутри учебных коллективов. И в данном случае имеет место несколько значимых моментов:

- соотношение формализованного и неформального взаимодействия в значительной степени зависит от того, насколько члены учебной группы вовлечены в образовательный процесс. В отдельных случаях, когда студенты практически не проявляют интереса к учебной деятельности, неформальное взаимодействие приобретает для них доминирующее значение, а влияние образовательной системы, напротив, минимизируется. В таких условиях уже не идет речь о каком-либо влиянии статусно-ролевого аспекта образовательного института на практики идентификации;

- именно в рамках неформального взаимодействия учебный коллектив со временем дробится на несколько малых групп, организуемых по различным критериям общности. Это могут быть как критерии,

связанные с этнической принадлежностью, так и любые иные критерии (любовь к музыке или литературе, академические интересы, склонность к совместной рекреации с употреблением спиртного и т. д.);

– в зависимости от того, какой формат неформального взаимодействия сложился в учебном коллективе, формируется конкретный, результирующий характер воздействия образовательного института на процессы социальной идентификации и самоидентификации включенных в него людей.

Рассматривая значение неформальной составляющей взаимодействия представителей различных этнических групп, следует обратить внимание на двойственность данного социального явления: с одной стороны, наличие общей среды включенности для представителей разных этносов выступает в качестве того основания, которое может способствовать налаживанию отношений между ними; вместе с тем, именно в рамках неформального взаимодействия студентов, относящихся к различным этническим группам, может проявиться момент конфликтности, связанный как с бытовыми факторами, так и с моментами различий в культурных установках. Для того, чтобы проиллюстрировать первый из моментов достаточно обратить внимание на то, что в вузовской среде возникают достаточно прочные социальные связи между обучающимися, и в данном случае возможность формирования дружеских отношений между представителями разных этнических групп значит очень многое. В данном случае, с одной стороны, могут быть развеяны определенные этнические стереотипы, с другой – может быть реализован момент углубленного изучения особенностей культуры других народов через знакомство с их представителями. В целом, именно формирование позитивных личных связей с представителями других этносов ложится в основу улучшения общего климата социального взаимодействия в межэтнической среде.

В противовес положительным процессам, связанным с формированием устойчивых конструктивных личных связей между представителями разных этносов в межэтнической среде, следует обратить внимание на то, что помимо позитивных отношений в неформальной среде могут складываться также конфликтные ситуации взаимодействия, и это может являться существенным основанием для обострения межэтнических отношений, поскольку конфликтные ситуации, даже если они изначально не базируются на этнических различиях, в дальнейшем могут разрастаться в своем масштабе и вовлекать в себя все новых участников, одним из результатов чего может стать переход межличностного конфликта в статус межгруппового.

Обратимся к следующему из рассматриваемых аспектов включенности представителей различных этносов в социальную сферу вузовского образования, а именно к возрастным характеристикам студентов, как одному из факторов, определяющих специфику развертывающегося социального взаимодействия. В данном контексте целесообразно обратить внимание на то, что многие исследователи выделяют молодежь в одну из рискогенных групп, что связано с особенностями мировоззрения молодых людей, уровнем их социальной активности, склонности к проявлению социальной агрессии, моментом неустроенности в социуме, интенсивностью отдельных потребностей и сложностями в их контроле, а также моментами категоричности и максималистичности формируемых суждений.

Рассматривая общие условия формирования социального взаимодействия между представителями различных этносов в институциональной среде высших учебных заведений, нельзя обходить вниманием такой аспект, как институциональные возможности, предоставляемые образовательной системой и, соответственно, порождающие множественность структурных факторов, задающих возможность взаимодействия сту-

дентов. Для вузовской системы, в частности, следует отметить, что она включает в себя различного рода клубы, кружки, секции, в рамках которых обучающиеся могут участвовать в спортивной и культурной жизни вуза, получать дополнительные знания и навыки. Одним из определяющих моментов в данном случае является то, что возможность культурного самовыражения входит в число потребностей членов общества, и в данном случае реализация на уровне вузовской среды данных потребностей представителей малых этносов имеет очень большое значение как для презентации ими особенностей своей культуры, так и для осознания благоприятных возможностей для культурного самовыражения.

Еще одним примером специфической социальной среды, формируемой в рамках учебных заведений, являются общежития, на уровне которых формируется особый социальный климат и выстраиваются связи между студентами, относящимися к различным факультетам. В данном случае показательным является момент взаимовыручки между жителями, относящимися к одной этнической группы, а также формирование среди них устойчивых коммуникативных сообществ. При этом, следует отметить, что зачастую круг активного общения этнически маркированных обучающихся в этническом плане является смешанным, включая в себя как представителей собственного этноса и других малых этносоциальных групп, так и представителей титульного этноса.

Следующим важным моментом, на который хотелось бы обратить внимание в рамках общего анализа условий формирования межэтнических отношений в вузах Юга России, является то, к реализации каких именно стратегий социального взаимодействия склонны представители различных этносов. Здесь мы должны дать первоначальную классификацию основных стратегий межэтнического взаимодействия и, в частности, определить ключевые показатели, которые

имеют определяющий для данных стратегий характер. В целом, существует два основных подхода, направленных на оценку специфики социального взаимодействия с участием представителей различных этносов:

- оценка идентификационных стратегий представителей различных этнических групп;
- оценка внешних проявлений социальной активности этнически маркированных членов общества в отношении представителей неэтнических групп.

Рассмотрим, в чем состоит специфика данных подходов и в каких ключевых аспектах они отличаются.

Теоретический анализ, направленный на изучение идентификационных стратегий представителей различных этнических групп, ориентирован на то, чтобы определить способ самоидентификации представителей разных этносов, а также то, каким образом они идентифицируют представителей других народов. Данный аспект относится к числу определяющих в формировании межэтнического взаимодействия сразу по нескольким причинам. Во-первых, от характера социальной самоидентификации во многом зависят интересы, которые преследует член сообщества. В ситуации, когда на первый план выходит этническая самоидентификация, имеет место приоритетность интересов этнической группы, и, одновременно с этим – ориентация на деление членов общества по этническому признаку. Напротив, когда в качестве определяющего выступает иной аспект социальной идентификации (с семьей, коллективом, гражданская самоидентификация) реализуются альтернативные формы социального целеполагания, основанные на данной преобладающей форме самоопределения. В этом контексте одним из ключевых моментов является то, насколько сильно у представителей конкретного этноса проявлен момент этнической самоидентификации.

Вторым важным моментом является то, реализуется ли в рамках идентификации по этническому признаку момент ранжирования, основанного на принадлежности или непринадлежности к конкретной этнической группе. В ряде случаев может иметь место форма социального мышления, полагающего исключительный характер конкретного этноса. Подобного рода позиция сопряжена с формированием двойных стандартов в зависимости от того, с кем именно человек взаимодействует. Причем речь необязательно идет о принижении представителей иноэтнических групп: в ряде случаев реализуется момент этнической гордости достижениями собственного народа и основанной на этом этнической солидарности. Вместе с тем, следует отметить, что момент сравнительного рассмотрения представителей разных этносов и приписывания им неких родовых характеристик является одним из серьезных рискогенных факторов. Именно такой подход преимущественно реализуется среди членов общества, придерживающихся примордиалистских установок.

В условиях, когда представители конкретного этноса придерживаются конструктивистских установок, сам момент идентификации по этническому признаку утрачивает существенную долю своего определяющего значения, поскольку сторонники конструктивистского подхода склонны учитывать, в первую очередь, культурную составляющую этнической принадлежности и, в том числе, могут осуществлять полагание различий культурных характеристик представителей одной и той же этнической группы. Это является серьезным основанием формирования адресного отношения к представителям различных малых этносов, и это же, в свою очередь, определяет серьезное социально-сберегающее значение данного подхода, поскольку он в существенной мере противостоит выходу отдельных конфликтных ситуаций на групповой уровень.

Очень важно понимать, однако, что в социальной среде редко реализуются чистые

формы мировоззренческих установок конструктивизма и примордиализма. Весьма распространенной является ситуация наличия смешанного мировоззрения, в рамках которого члены общества склоняются к определенному обобщению, в большей или меньшей степени полагая возможным наличие исключений. В этом контексте в отдельных случаях можно говорить о большей или меньшей выраженности конкретной парадигмы идентификации представителей того или иного этноса.

Что касается второго из рассматриваемых аспектов выстраивания межэтнического взаимодействия, а именно внешних проявлений социальной активности представителей этнически маркированных членов общества, здесь следует обратить внимание на то, что существует несколько ключевых моделей, которые реализуют представители малых этнических групп на уровне принимающего региона. Среди них мы можем выделить следующие:

- активное включение в социальную среду принимающего региона, сопровождающееся выстраиванием многочисленных социальных связей с местными жителями;
- формирование обособленных сообществ, основанных на критерии этнической принадлежности из представителей собственного этноса и других малых народов;
- смешанная форма социального взаимодействия, характеризующаяся различной степенью близости социальных контактов в зависимости от этнической принадлежности людей, с которыми реализуется взаимодействие.

Рассмотрим подробнее, каким образом подобного рода модели могут быть реализованы на уровне вузовской среды. Что касается активного включения в социальную среду принимающего региона, следует отметить, что данная интенция наиболее присуща представителям этнических групп, близких по культурной определенности к титульному этносу, а также для представителей этносов, на протяжении длительного

времени проживающих на территории края и, по сути, выработавших на протяжении данного периода механизмы продуктивного сосуществования с представителями титульного этноса. В первую группу входят белорусы и украинцы, культура которых, по сути, уходит корнями в совместное с русским этносом славянское прошлое, что определяет сходство в языке, обычаях, ценностях и, в том числе – определяет сходство морфологических черт, в существенной степени облегчающее взаимодействие. Вторая группа представлена такими этносами, как армянский, адыгейский и греческий. Рассматривая момент включения в вузовскую среду и характер выстраиваемых социальных связей, следует обратить внимание, с одной стороны, на активность формируемых социальных контактов, с другой – на отсутствие момента барьерности в отношениях, что отчасти объясняется хорошим знанием русской культуры, владением языком и, в том числе – комфортными условиями существования данных этнических групп на уровне региона. Следует отметить важный момент: активное выстраивание социальных связей в данном случае реализуется по одному из двух основных сценариев – сценарий ассимиляции, связанный с постепенным взаимопроникновением элементов взаимодействующих культур и принятием отдельных социокультурных ориентаций, принятых на уровне социальной среды региона, и сценарий открытого взаимодействия, сопровождающегося сохранением исходных культурных установок. Последнее реализуется на уровне тех представителей малых этносов, которые сохранили приверженность своей этнической культуре и, более того, воспринимают ее как значимую ценность и стремятся к ее сохранению. Применительно к социальной среде вузовского образования речь идет об активном участии в социальной жизни учебной группы, участию в смешанных (по этническому признаку) неформальных сообществах, поддержании ровных (и даже близких, дружеских)

связей с представителями других этносов.

Формирование замкнутых этнически маркированных групп представляет собой принципиально иной сценарий. В данном случае имеет место четкое разделение по принципу "свои – чужие", определяющее замкнутое сообщество, социальные контакты на уровне которого носят благоприятный характер, и, напротив, определяющее большинство членов общества как представителей агрессивной внешней среды. Здесь могут быть реализованы различные модели определения представителей титульного этноса и иных этнических групп, однако ключевым моментом является не столько способ их определения, сколько контраст в характере деятельных стратегий, реализуемых в отношении собственной этнической группы и всех остальных. В данном случае наблюдается, с одной стороны, высокий уровень групповой солидарности на уровне представителей малой этнической группы, с другой – нейтральное либо настороженное отношение к представителям иных этносов. Рассматривая носителей подобного рода установок, следует отметить, что в их число зачастую входят представители чеченского этноса, ингуши, в отдельных случаях – представители таджикского и узбекского этносов. При этом показательно, что среди представителей кавказских этносов присутствует специфическая "родственная солидарность", допускающая наличие сообществ, включающих в себя представителей сразу нескольких кавказских этносов.

Применительно к вузовской среде следует отметить, что в данном случае представители малых этнических групп формируют локальные сообщества на уровне учебной группы, которые объединяются в этническое сообщество более высокого порядка, включающее в себя представителей различных учебных групп и факультетов. Особенностью данной ситуации является сравнительно высокий уровень социальной коммуникации внутри группы и наличие барьерности в отношениях с представите-

лями других этносов. При этом, с одной стороны, реализуются моменты групповой этнической солидарности и взаимовыручки, с другой – присутствует момент настороженного, в отдельных случаях – негативного отношения к представителям титульного этноса. Данный аспект проявляется, прежде всего, в форме сохранения дистанции в отношениях с представителями других этносов, а также в явной поддержке представителей своего этноса в конфликтах с представителями иноэтнических групп (даже при условии, что конфликтная ситуация носит спорный характер). Этот момент обособленности и групповой сплоченности выступает в роли серьезного фактора возрастания конфликтности в межэтнической среде, поскольку обращение за помощью к представителям сплоченной этнической группы выступает одним из составных элементов сценария перехода конфликтов в межэтнической среде с индивидуального на групповой.

Рассматривая смешанную модель социальной активности, реализуемой представителями малых этнических групп, следует отметить, что в данном случае реализуется двухуровневая система выстраивания социальных связей: с одной стороны, имеют место сравнительно открытые отношения с представителями других этносов, с другой – присутствует момент двойственности отношения к представителям собственного этноса и иных этносоциальных групп. Многие из носителей примордиалистских установок реализуют именно этот, смешанный формат взаимодействия, что позволяет им лучше адаптироваться к социальной среде, в которую они включены, и при этом сохранять основные аспекты своей этнической самоидентификации.

На уровне вузовской системы ситуация межэтнического взаимодействия в значительной степени отличается от общей сферы межэтнических отношений, поскольку вступают в действие специфические факторы, характерные для образовательной сре-

ды. К их числу относятся возрастные характеристики обучающихся, ограничения, накладываемые институциональной средой вузовского образования, а также то влияние, которое оказывает процесс приобретения высшего образования на мировоззрение включенных в вузовскую среду молодых людей. И в данном случае следует констатировать двойственность ситуации: с одной стороны, имеют место факторы, в существенной степени сглаживающие ситуацию межэтнического взаимодействия и порождающие дополнительные "точки соприкосновения" между представителями различных этнических групп, с другой – имеют место серьезные рискогенные факторы, связанные с особенностями мировоззрения студентов, большая часть из которых является молодыми людьми. Конкретизируя данное положение, отметим, что система образования оказывает двойственное воздействие на характеристики социального взаимодействия представителей различных этносов. С одной стороны, она выступает в роли среды, динамически воздействующей на включенных в нее студентов и курсантов, задающей общие, не имеющие отношения к их этнической культуре правила, нормы и практики взаимодействия. Это оказывает благотворное воздействие на характер реализуемых межэтнических отношений, поскольку позволяет обучающимся акцентировать внимание на иных формах социальной определенности, нежели этнокультурная принадлежность. С другой стороны, система образования оказывает воздействие на мировоззрение обучающихся в рамках гуманитарной составляющей реализуемой в вузах образовательной программы. В совокупности это определяет благоприятные условия реализации межэтнических отношений в высших учебных заведениях.

Примечания:

1. Косцова М.В., Гришина А.В., Быстрыков В.А. Особенности агрессивного поведения у студентов разных этнических групп (на примере г. Севастополя и ар Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадс-

кого. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – №2. – С. 87-95.

2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Казаченко С.А. Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017. – №3. – С. 42-51.

3. Денисова А.В. Представления студенчества Ростовской области о перспективах интеграции трудовых мигрантов // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – №7. – С. 73-81.

4. Ароян Г.С. Проблемы регулирования межнациональных отношений в Ростовской области и перспективы их решения // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2015. – №1. – С. 7-19.

5. Савченко Л.А., Вялых Н.А. Роль этносоциологии и гуманитарных дисциплин в воспитании этнической толерантности у студентов и курсантов (видеоконференция, Ростов-на-Дону – Краснодар, 2 апреля 2014 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. – 2014. – №4(182). – С. 127-129.

6. Денисова А.В., Шурыгина Е.Г. Установки молодежи в языковом и этнокультурном образовании в "русском" регионе (на примере Ростовской области) // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №11. – С. 160-167.

7. Ковалева Т. С. Поликультурное художественное образование в учебных учреждениях Кубани // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – №1. – С. 40-42.

8. Клименко Л.В., Горяйнов С.Г., Будаев П.Е. Региональные особенности идентичности молодежи Южного федерального округа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №8-9. – С. 71-75.

9. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и республике Крым в зеркале общественного мнения молодежи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №11. – С. 10-14.

10. Држаубаева М.И. Подготовка будущих педагогов к профессиональной деятельности в полиэтнической образовательной среде вуза // Вестник Академии права и управления. – 2016. – №2 (43). – С. 200-204.

11. Савченко И. В. Оценка роста межнациональной напряженности в России на примере Ставропольского края // Вестник СамГУ. – 2007. – №5-1. – С. 151-156.

12. Преображенский А.П., Чопоров О.Н. О мотивации студентов к обучению // Russian Journal of Education and Psychology. – 2016. – №3-2(59). – С. 186-188.

13. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000. – 880 с.

FORMATION OF CHINESE STUDIES IN RUSSIA (16TH-19TH CENTURY)

Rudometova Anastasia Yurievna, Senior Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Temirbulatova Anna Sergeevna, Senior Lecturer, Don State Technical University, Rostov-on-Don

Kravchenko Elena Nikolaevna, Senior Lecturer, St. Petersburg branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, St. Petersburg

The purpose of the study is to analyze the stages of the formation of domestic Sinology from the XVI to the XIX century. The article describes the trends in the study of China, the Chinese language and culture that prevail at different historical stages. Significant historical figures who contributed to the foundation and development of domestic sinology are also considered. The article notes the main difficulties that arise in the process of the formation of domestic Sinology. The authors suggest that historically this is due to the mentality of the Chinese people, rather sparingly sharing their cultural characteristics with foreigners, but actively studying opposing peoples, as well as internal contradictions in the work of Russian figures in the process of forming Sino-Russian relations. The results of the study can be used as a basis for further study and analysis of the features of the historical stages of the formation of sinology in Russia.

Keywords: China; sinology; Chinese studies; Chinese; Chinese culture; Asia; domestic sinologists.

EDN: JMZYBH; **DOI:** 10.24923/2305-8757-2023-13.7

УДК 94

БАК 5.10.1

© Рудометова А.Ю., 2023

© Темирбулатова А.С., 2023

© Кравченко Е.Н., 2023

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ (XVI-XIX ВВ.)

Цель исследования – анализ этапов становления отечественного китаеведения с XVI по XIX вв. В статье описываются тенденции в изучении Китая, китайского языка и культуры, преобладающие на разных исторических этапах. Также рассматриваются значимые исторические личности, внесшие вклад в основание и развитие отечественной синологии. В статье отмечаются основные трудности, возникающие в процессе становления отечественного китаеведения. Авторы делают предположение, что исторически это обусловлено менталитетом китайского народа, достаточно скудно делящимся с иностранцами своими культурными особенностями, но активно изучающими народы-оппоненты, а также внутренними противоречиями в работе российских деятелей в процессе формирования китайско-русских отношений. Результаты исследования могут быть использованы в качестве базы для дальнейшего изучения и анализа особенностей исторических этапов становления синологии в России.

Ключевые слова: Китай; синология; китаеведение; китайский язык; китайская культура; Азия; отечественные синологи.

РУДОМЕТОВА

Анастасия

Юрьевна, старший преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

ТЕМИРБУЛАТОВА

Анна Сергеевна,

старший преподаватель, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону

КРАВЧЕНКО Елена

Николаевна, старший преподаватель, Санкт-Петербургский филиал, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург

Введение

Китай на протяжении своей многовековой истории являлся загадкой для иностранцев. Предвзятости, мифы и страхи формировали представления европейцев о китайском народе и его культуре, а отсутствие прямого контакта лишь усугубляло ситуацию. Первые знания о древних китайцах были получены античными учеными еще в VII-VI вв. до н.э., они представляли собой отрывочные и не всегда достоверные сведения о народах, населяющих загадочную восточную страну. И хотя торговые отношения с Китаем сложились еще в конце II в. до нашей эры, а по некоторым данным и ранее, они представляли собой только трансевразийскую систему караванных коммуникаций, целью которой являлась торговля лазуритом, нефритом и шелком. С помощью караванных путей Китай осуществлял торговлю со странами Индии и центральной Азии, которые в свою

очередь выступали посредниками в торговле со странами Средиземноморья. Такая сложная посредническая сеть явилась причиной отсутствия прямого контакта европейцев и китайцев на протяжении многих веков. Сведения, получаемые европейцами, были отрывистыми, случайными и искаженными. Вплоть до XII-XIV вв., знания о Китае, доходящие до Европы, были недостоверными и мифологизированными. В составе караванов шелкового пути часто были художники, ученые, паломники и философы. Именно Великий шелковый путь поспособствовал распространению искусства, музыки, религий, а также позволил получить информацию об изготовлении пороха, бумаги и других ценностей, созданных китайским народом.

Термин "Великий шелковый путь" был введен немецким исследователем Фердинандом фон Рихтгофеном в труде "Китай" 1877 г. Запоздалый термин, несомненно, показывает всю значительность и размах торговой системы, ведь путь от Средиземного моря до Китая составлял более семи тысяч километров и занимал около года в одну сторону. Более того, этот торговый путь, пролегая по степям и пустыням, представлял собой не один маршрут перемещения, а целую сеть караванных путей через разные города и в нескольких направлениях. Пути не были неизменными, непроходимые земли, такие как пустыня Такла-Макан, а также территории, на которых велись войны, обходили. И.В. Бойко в статье "Евразийская цивилизация и логистика великого шелкового пути" обращает внимание, что "особенно тщательно продумывалась и траектория движения каравана, которая менялась под воздействием определенных обстоятельств. Не всегда маршрут формировался в направлении движения по наиболее благоприятной с точки зрения погодно-климатических и ландшафтных условий местности" [1, с. 43]. Зачастую от основного маршрута отделялись ветви в разные стороны, так из Согдианы путь уходил к совре-

менной Волге через степи нынешнего Казахстана, а из Бактрии путь шел в Индию и Персию. С.А. Котельников, говоря о логистике Великого шелкового пути, пишет: "Наиболее известна "Южная" трансконтинентальная трасса Великого шелкового пути, связывавшая все четыре древние империи: из ханьского Китая через Центральную, Среднюю и Переднюю Азию в нынешнюю Сирию и далее морем в Египет, Византию, Италию и другие страны Средиземноморья" [2, с. 18]. Такой масштаб не позволял торговцам проделывать весь путь полностью, поэтому товары перепродавались в крупных городах на пути караванов, обеспечивая развитие и процветание этих городов. Так китайцы и европейцы веками торговали друг с другом через посредников, а представления друг о друге получали посредством рассказов путешественников и торговцев, что породило в сознании европейцев множество мифов и домыслов о загадочном китайском народе. Великий шелковый путь стал основой не только торговых отношений, познакомив народы с новыми потребительскими товарами, но и заложил основу политических отношений Востока и Запада, обеспечив тенденцию к сближению и взаимоизучению культур.

Маршруты Великого шелкового пути проходили и по территории современной России, что сыграло большую роль в формировании крупных городов. Однако торговый обмен и политические отношения почти не давали достоверной информации о культурных ценностях китайского народа. Знания русских ученых о китайцах были весьма скудны и исчерпывались небогатыми данными из экспедиций, слухами и стереотипами. Несмотря на вовлеченность народов, проживающих на территории современной России и торговые отношения между Китаем и европейскими странами, изучение китайского языка и китайской культуры отечественными учеными встретило немало трудностей. В данной статье мы рассматриваем этапы становления российского

китаеведения, основных исторических личностей, внесших вклад в основание и развитие синологии, а также анализируем возникшие препятствия в научной деятельности отечественных ученых.

Методы исследования и область применения результатов

Основу исследования образуют методы историографического и теоретического анализа, а также метод контент-анализа научных и учебных источников. Результаты исследования могут быть применены в сфере лингвокультурологии и социологии.

Основная часть

Долгое время велись споры о том, кто же стал первым путешественником, собравшим о Китае достоверные сведения. В своем труде "История Китая" Л.Н. Булдыгерова пишет: "Первыми российскими путешественниками, побывавшими в Пекине, были, вероятнее всего, И. Петров и Б. Ялычев. Иван IV в 1567 г. приказал им во главе небольшого отряда отправиться на Восток и собрать сведения о неизвестных землях, живущих там народах и установить дружественные отношения с их правителями" [3, с. 8]. Однако достоверность путешествия И. Петрова и Б. Ялычева подверглась сомнению, так, например, академик Г.Ф. Миллер в своем труде "О первых российских путешествиях и посольствах в Китай" не упоминает их вовсе. Споры о том, кого же считать первыми русскими послами в Китае – И. Петрова и Б. Ялычева в 1567 г. или И. Петлина в 1618 г., – не утихали около ста лет. И. Петлин – томский учитель, владеющий несколькими языками, – возглавил русскую миссию в Китай в 1618 г., состоящую из 12 человек. Помимо исследовательских задач, миссия И. Петлина также была призвана наладить торговые и политические отношения с Китаем. Сведения, доказывающие, что миссия И. Петлина была первой в Китае, по мнению Г.Ф. Миллера, содержатся в документах Томского архива. Также некоторое время назад в Центральном государственном

архиве обнаружили челобитная, поданная И. Петлиным в Посольский приказ, и выписка из данной челобитной, позволяющие закрепить звание первых путешественников в Китай именно за И. Петлиным и его товарищами. В документах говорилось о том, что миссия И. Петлина привезла в Москву грамоту, подписанную китайским императором. В действительности миссия не была принята китайским правителем по той причине, что китайский церемониал не позволял аудиенцию у императора без подношения подарков. Однако из экспедиции, помимо впечатляющих на тот момент сведений о китайском государстве, И. Петлин привез официальную грамоту на имя русского царя, дающую разрешение на торговлю в Китае и дальнейшие направления делегаций. По причине отсутствия переводчиков с китайского языка грамота много лет оставалась неизвестной, вплоть до 1675 г., когда валашский и русский дипломат и переводчик Н.Г. Спафарий, готовясь к собственной миссии, занялся ее изучением и переводом. Благодаря его владению китайским языком грамота не только была переведена на русский язык, но и вошла в литературу как "Грамота Валихана". Из архивных отчетных документов экспедиции, сообщающих о ее ходе и результатах, сохранилось всего три подлинника: "Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам", "Сказка И. Петлина" (расспросные речи И. Петлина на стане у Солдоги), а также челобитная И. Петлина и А. Мадова о пожаловании их за поездку в Китай. "Роспись" представляет собой официальный отчет экспедиции. Самыми ценными сведениями по тем временам оказались данные о сухопутном пути в Китай через Сибирь и Монголию. Подлинник "Росписи" хранится в ЦГАДА (ф. 126, Монгольские дела, оп. № 1, 1618 г., д. № 1, л. 1-23). Со временем отчет И. Петлина о его путешествии перестал быть источником актуальной информации о Китае, став в

большей степени документальным памятником выдающегося русского географического открытия XVII в. [4, с. 33]

Другим важным источником стал "Статейный список" Ф. Байкова (1612-1663 гг.), возглавившего русское посольство в Пекин в 1655-1657 гг. "Статейный список". Составленный со слов Ф. Байкова, список является собой подробный и основательный географический документ, описывающий путешествие в Китай первого официального русского посольства с целью установления торговых и дипломатических отношений с Китаем на регулярной основе.

Первым русским дипломатом, сосредоточившимся не только на установлении торговых отношений, но и на изучении особенностей Китая, стал Н.Г. Спафарий. В отличие от своих предшественников, он занялся изучением китайской культуры и языка. Н.Г. Спафария можно назвать первым синологом Восточной Европы. В его распоряжении также был один китаец, ранее сбежавший от маньчжурских завоевателей в Россию. Н.Г. Спафарий, следуя по короткому маршруту, который, однако, продлился около года, описывал особенности быта народов. Его труды, основанные на расспросах и докладах землепроходцев, представляют собой собрание огромного количества ценных географических сведений. В Посольский приказ Н.Г. Спафарий предоставил три документа, описывающих его путешествие в Китай: "Путешествие через Сибирь до границ Китая", "Путевые заметки" и "Описание Китая". И хотя Н.Г. Спафарий самолично стал изучать особенности страны, в которую он направлялся, его вклад в изучение географии был значительно важнее вклада в изучение языка и культуры Китая. Именно он первым из географов описал Амур и Байкал, а также составил карту горных массивов Восточной Сибири.

СПОРЫ О ТОМ, КОГО ЖЕ
СЧИТАТЬ ПЕРВЫМИ
РУССКИМИ ПОСЛАМИ
В КИТАЕ – И. ПЕТРОВА
И Б. ЯЛЫЧЕВА В 1567 Г.
ИЛИ И. ПЕТЛИНА
В 1618 Г., – НЕ УТИХАЛИ
ОКОЛО СТА ЛЕТ.

В последующие годы активно изучалась география Китая, имелось подробнейшее описание районов восточного, среднего и северо-западного Китая, были определены астрономические пункты и даже составлены подробнейшие географические карты. Документы, собранные после миссий и путешествий в Китай, содержали разнообразную ин-

формацию о китайском государстве и граничащих с ним странах, множество географических данных, даже сведения о политической ситуации в Цинской империи. Однако трудности, возникающие при установлении политических и торговых отношений с Китаем, а именно – слож-

ность проведения переговоров, невозможность перевода грамот, привозимых из Пекина, необходимость в помощи посредников для общения с китайской стороной – все это выявило потребность в привлечении знатоков китайского и маньчжурского языков и изучения культуры и обычаев китайского народа. О новом этапе истории отечественного китаеведения Г.И. Саркисова пишет: "Важную роль в решении проблемы подготовки переводчиков сыграл Кяхтинский договор (1728 г.), 5-я статья которого юридически закрепила статус Российской духовной миссии в Китае (РДМК), известной также как Пекинская духовная миссия, и предоставила России возможность направлять в Пекин для обучения языкам шесть человек ("четыре мальчика учеников и два побольшего возраста"), владевших русским и латинским языками. Таким образом, Российская духовная миссия с момента своего основания в Пекине (по одним сведениям, в апреле 1715 г., по другим – в конце 1715 – начале 1716 г.) способствовала всестороннему изучению языка, литературы, истории, традиций Китая, становлению и развитию отечественного китаеведения" [5, С. 293].

В этот период в России поднимается вопрос о необходимости академического изучения китайского и маньчжурского языка, а проблемы организации их преподавания становятся все более острыми. Первым в России академиком-востоковедом стал Г. Зигфрид Байер, получивший предложение Российской академии наук поступить на службу в конце 1725 г. Интересы Байера в области китайской истории, а также владение китайским языком позволили ему самостоятельно выбирать кафедру. В 1726 г. Байер начал преподавание восточных древностей и языков в Академическом университете и гимназии. Основным его трудом в области востоковедения стал "Museum Sinicum", опубликованный на латинском языке в Петербурге в 1730-1731 гг. Первый том включал в себя данные о китайской письменности, а также основы грамматики литературного и разговорного китайского языка, второй том составлял китайско-латинский словарь, а также специализированный словарь терминов для обозначения должностей и императорских титулов. В работу также вошли очерки развития Китаеведения, сведения о жизни Конфуция и очерки его философии. В первые годы своего существования Академия наук испытывала нехватку студентов. После смерти Байера восточная кафедра в Академии прекратила свое существование, однако ученые, переводчики и преподаватели продолжали свою деятельность в области востоковедения. Результаты деятельности российских ученых этого периода мало известны.

В 1760-1780 гг. были опубликованы труды И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева, представляющие собой ряд переводов с маньчжурского языка. Оба ученых свободно владели китайским и маньчжурским языками, занимаясь переводами исторических, географических и философских трудов. И.К. Россохин считается основателем русского Китаеведения, а также первым в России переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков. С 1726 г.

И.К. Россохин обучался в Русско-монгольской школе, созданной в 1725 г. по указу Петра I в Иркутске, первой школе, основной задачей которой была подготовка переводчиков с монгольского языка. А.П. Суходолов, В.А. Василенко и Ю.В. Кузьмин пишут о И.К. Россохине следующее: "В 1728 г. настоятель Вознесенского монастыря, при котором была организована школа, А. Платковский (Антоний) был назначен главой второй духовной миссии, и И.К. Россохин присоединился к миссии как один из трех наиболее способных учеников. В качестве ученика он прожил в Пекине 12 лет, где освоил китайский и маньчжурский языки, а также окончил педагогическое училище и стал первым преподавателем русского языка в Китае. Согласно китайским источникам, И.К. Россохин вместе с другими учениками обучался китайскому и маньчжурскому языкам в Гоцзыцзяне – школе, готовившей педагогов" [6, с. 9]. С 1741 г. И.К. Россохин возглавил школу китайского и маньчжурского языков при Академии наук, став тем самым первым педагогом китайского языка в России. В школе изучались не только языки, но также национальные традиции Китая и этикет. Особое внимание уделялось фонетике китайского языка, что стало первым опытом аспектного обучения языку. За время своей работы И.К. Россохин создал один из первых русско-китайских словарей, нескольких разговорников, первую транскрипцию китайских иероглифов. В архивах Москвы, Казани и Санкт-Петербурга хранится более 30 его рукописных трудов. Однако при жизни его работы почти не публиковались. Школа, созданная Россохиным, просуществовала около 10 лет, а ее ученики занимались переводами оригинальных китайских текстов. В.П. Таранович, в своем труде "Советское востоковедение", описывая школу И.К. Россохина, пишет: "Однако попытка организовать подготовку полноценных специалистов по этим языкам в Петербурге без последующей отправки учеников в Пекин для усовершенствования, не дала, по-види-

мому, положительных результатов, и, по предложению самого же Россохина, школа эта прекратила свое существование" [7, с. 227].

Чуть ранее школы И.К. Россохина в 1739 г. в Москве по инициативе Коллегии иностранных дел была основана школа маньчжурского языка, преподавателем в которой был китаец Чжоу Гэ. Однако она просуществовала только до 1740 г. Одним из учеников этой школы стал А.Л. Леонтьев, в последствие направленный в Пекин в качестве ученика Духовной миссии. Находясь в Китае, он стал преподавателем русского языка, переводчиком нескольких научных работ, а также автором русско-маньчжурско-китайского разговорника. Среди более 20 переведенных на русский язык трудов особое место занимают переводы этико-политических произведений конфуцианской литературы, оказавшие влияние на интеллектуальную деятельность современников, дав исчерпывающее представление об основных аспектах китайской философии. Труды Леонтьева позволили говорить о сближении догм и ценностных аспектов конфуцианского учения и христианства, а также дали русскому читателю положительное истолкование особенностей китайской культуры.

И хотя китайский язык и культура китайского народа активно изучается российскими учеными того периода, все попытки систематизации знаний о Китае, обучения языкам и культуре были разрозненными, нестабильными и не находили должного отклика и финансирования. Формирование стабильных торговых отношений для России было приоритетнее, чем познание китайской культуры, что обусловило безуспешность налаживания преподавания китайского языка в России.

ФОРМИРОВАНИЕ СТАБИЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ РОССИИ БЫЛО ПРИОРИТЕТНЕЕ, ЧЕМ ПОЗНАНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ЧТО ОБУСЛОВИЛО БЕЗУСПЕШНОСТЬ НАЛАЖИВАНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ.

Научное изучение Китая на академическом уровне оставалось актуальным, но нереализованным в России. Вопросы о его необходимости время от времени поднимались учеными и государственными деятелями. Так, в 1810 г. был разработан малоизвестный "Проект Азиатской академии", создателем которого выступил

С.С. Уваров. О.Д. Федотова в статье "Образование в Китае: психолого-педагогическая проблематика диссертационных исследований" пишет о проекте: "В данной работе, написанной на французском языке, будущий автор "теории официальной народности" убедительно показал, что Россия еще не знакома ни с философией, ни с литературой, ни с языком самобытного сопредельного Ки-

тая. Составляя план изучения культуры Китая, С.С. Уваров определил миссию русских и зарубежных ученых, которым будет поручено исследовать эту страну. Ученые Азиатской академии, по мысли С.С. Уварова, должны будут заниматься не сочинением своих диссертаций, но, получив возможность доступа к уникальным артефактам, письменным и устным источникам, сосредоточить свое внимание на переводе на европейские языки оригинальных рукописей, книг, фольклора. Это открыло бы и России, и Европе сокровища китайской философской мысли и мира поэзии, а также позволило бы изучить сложный китайский язык на основе овладения родственным, как считал С.С. Уваров, но более ясным и простым в грамматическом отношении маньчжурским языком" [8, с. 3]. И хотя релевантность проекта была признана многими соотечественниками С.С. Уварова, проект не был реализован, поскольку приоритет отдавался интенсивному развитию российской культуры в первую очередь.

Российская духовная миссия в Пекине была центром китаеведения вплоть до 1866 г. Многие члены миссии, помимо своей профессиональной деятельности, занимались изучением истории и культуры китайского народа, положив начало отечественному китаеведению. Первая постоянная дипломатическая миссия была учреждена в 1861 г. в Пекине, ее возглавил Л. Ф. Баллюзек – российский военный и государственный деятель. Налаживание устойчивых дипломатических отношений дало толчок не только к стабильным торговым и политическим отношениям, но и к развитию китаеведения как науки.

Заключение

Подавляющее большинство первых контактов между Россией и Китаем было инициировано российской стороной. Китайская сторона, хоть и была заинтересована в налаживании отношений с непосредственным соседом, но все же относилась к нему как к потенциальному вассалу. Незнание церемониала китайского двора стало причиной длительных неудач в установлении крепких отношений. Ценностные ориентиры китайского народа включают важность церемониала, и, как следствие, пренебрежительное отношение к людям, не способным воспринять традиционные этические нормы китайского народа. На наш взгляд, именно эта особенность обуславливает тот факт, что в подавляющем большинстве межэтнических контактов представители китайского народа предпочитают самостоятельно изучать обычаи и языки народа-оппонента, извлекая все возможные выгоды и перенимая новое, способное послужить на благо китайского народа. Этим обуславливается то, что на протяжении своей истории китайцы с большой осторожностью относились к чужакам, попадающим в их общество, оставляя их по большей части непросвещенными, без возможности полноценно познать культуру и язык этой страны. Ограничения, накладываемые на иностранных ученых, такие

как четкое определение количества человек, направленных в Пекин на обучение, недоступность обучения в китайских школах, редкий обмен специалистами, стали одной из трудностей для становления отечественного китаеведения.

Еще одной трудностью можно назвать ориентацию российского руководства по большей части на сферу торговли, нежели на культурно-лингвистический аспект. На большинстве этапов становления отечественной синологии предпочтение в изучении особенностей Китая отдавалось географии и торговле, или же зависело от политических целей, и лишь немногие ученые могли свободно заниматься изучением этой уникальной самобытной культуры. Таким образом, менталитет китайского народа по сей день во многом остается загадкой для отечественных китаеведов.

Примечания:

1. Бойко И.В. Евразийская цивилизация и логистика Великого шелкового пути // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – №2. – С. 40-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-tsivilizatsiya-i-logistika-velikogo-shelkovogo-puti> (дата обращения: 08.07.2022).
2. Котеньков С.А. Астраханский край в системе Великого шёлкового пути // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 2-6. – С. 17-23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/astrahanskiy-kray-v-sisteme-velikogo-shyolkovogo-puti> (дата обращения: 22.02.2022).
3. Буддыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – 168 с.
4. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае ("Роспись" И. Петлина и "Статейный список" Ф. И. Байкова). – М.: Наука, 1966. – 163 с.
5. Саркисова Г.И. Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел (1798-1801) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – № 21. – С. 292-306. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-kitaevedeniya-uchrezhdenie-shkoly-kitayskogo-i-manchzhurskogo-yazykov-pri-kollegii-inostrannyh-del-1798-1801> (дата обращения: 03.04.2022)

6. Суходолов А.П., Василенко В.А., Кузьмин Ю.В., Россохин И.К.: Иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения // Российско-китайские исследования. – 2019. – №2. – С. 7-16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-k-rossohin-irkutskoe-nachalo-rossiyskogo-kitaevedeniya-i-manchzhurovedeniya> (дата обращения: 10.04.2022)

7. Таранович В.П. Советское востоковедение / Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. – 302 с.

8. Федотова О.Д., Латун В.В. Образование в Китае: психолого-педагогическая проблематика диссертационных исследований // Вестник евразийской науки. – 2013. – №6(19). – С. 204. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-kitae-psiologo-pedagogicheskaya-problematika-dissertatsionnyh-issledovaniy> (дата обращения: 25.08.2022).

9. Валеев Р.М., Федорченко Р.Г. Формирование китаеведения в Казанском университете и преподавание

китайского языка в Первой Казанской гимназии (первая половина XIX в.) // Вестник КазГУКИ. – 2014. – №2. – С. 122-124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kitaevedeniya-v-kazanskom-universitete-i-prepodavanie-kitayskogo-yazyka-v-pervoy-kazanskoy-gimnazii-pervaya-polovina-hh-v> (дата обращения: 08.07.2022).

10. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / под общ. ред. Академика РАН А.В. Торкунова. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 384 с.

11. Лю Чаоцзе Исследование лингвокультурологии в современном Китае // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – №1(82). – С. 65-70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lingvokulturologii-v-sovremennom-kitae> (дата обращения: 08.07.2022).

"IS IT SAFE TO BE AROUND THE THEORY OF NEGATIVE UTILITARIANISM?": A REVIEW OF ARTICLE "THE WORLD DESTRUCTION ARGUMENT" BY SIMON KNUTSSON

Grigorieva Marina Anatolievna, PhD of Political sciences, Chief-editor of the scientific journal "KANT", Director of Publishing house "Stavrolit", Stavropol

The article is a review of a recently published study by Sion Knutson [9] in the journal *Inquiry* that addresses the world destruction argument. According to this argument, negative utilitarianism implies that "if someone can kill everyone or destroy the world, then it will be her duty." Knutsson proposes to reconsider his views not only in relation to negative utilitarianism, as its most extreme form, but also in relation to traditional forms or similar theories, such as prioritarianism. To make our discussion constructive, we propose to develop it from the standpoint on which the theory of utilitarianism is built, from the standpoint of what it talks about and what it is built on, namely, by defining what "the highest universal happiness" is and its possible embodiments in the world.

Keywords: security phenomenon; the theory of negative utilitarianism; general welfare; happiness.

EDN: KOUPE; **DOI:** 10.24923/2305-8757.2023-13.8

УДК 130.2

БАК 5.10.1

**"БЕЗОПАСНО ЛИ РЯДОМ С ТЕОРИЕЙ
НЕГАТИВНОГО УТИЛИТАРИЗМА?":
рецензия на статью Саймона Кнутссона
"Аргумент разрушения мира"**

© Григорьева М.А., 2023

Статья представляет собой рецензию на недавно опубликованную в журнале "Inquiry" исследование Саймона Кнутссона [9], которое обращается к аргументу о разрушении мира. Согласно этому аргументу, негативный утилитаризм подразумевает, что "если кто-то может убить всех или разрушить мир, то это будет ее долгом". Кнутссон предлагает пересмотреть свои взгляды не только в отношении негативного утилитаризма, как наиболее крайней его формы, но и в отношении традиционных форм или ей подобных теорий, таких как приоритаризм. Чтобы наша дискуссия получилась конструктивной, мы предлагаем разворачивать ее с позиций, на которых построена теория утилитаризма, с позиций того, о чем она рассуждает и на чем построена, а именно определив, что такое "наивысшее всеобщее счастье" и ее возможные воплощения в мире.

Ключевые слова: феномен безопасности; теория негативного утилитаризма; всеобщее благополучие; счастье.

Преамбула

Самые простые вещи в нашей жизни оказываются самыми спорными при детальном их рассмотрении, они вызывают больше всего вопросов с точки зрения определения, их роли и того, как ими распоряжаться. Одной из таких вещей является благополучие и счастье, над которым продолжают размышлять в последние годы:

Мишель Бишоп [1] из Университета Флориды – о бессмысленности в достижении желаний, не соотносящихся с инструментальными потребностями;

Брэд Хукер [2] из Университета Реддинг – об отсутствии связи между собой центральных элементов благополучия (удовольствие, дружба, значительные достижения, важные знания и автономия) и необходимости объединять их под определением благополучия;

ГРИГОРЬЕВА

Марина

Анатольевна,

кандидат политических

наук, шеф-редактор

научного журнала

"KANT", директор

Издательства

"Ставролит",

Ставрополь

Кристофер Райс [3] из Линнского университета – о критериях вычисления благополучия животных;

Гай Флетчер [4] из Эдинбургского университета – решает ряд вопросов из серии "Являются ли удовольствие и боль единственными вещами, которые влияют на благополучие?", "Исполнение желаний – единственное, что делает нашу жизнь лучше?", "Связано ли благополучие с отличительной чертой человеческой природы?", "Счастье – это все, что делает нашу жизнь успешной?", "Как благополучие всей жизни связано с благополучием в отдельные периоды?";

Марлоу Фарделл [5] из Университетского колледжа Лондона – предлагает новый анализ концепции неинструментальной потребности, с помощью которого он пытается показать, что теория благополучия имеет смысл только, когда она основана на удовлетворении "личных потребностей".

Вопрос благополучия, его элементов и совокупности их определения, поднялся в связи с тем, что занимает центральное место в этике и политической философии, а также в основных теориях, таких как негативный утилитаризм и подмножестве его форм. И, значит, напрямую относится к феноменологии безопасности. Это кажется простым вопросом, на который мы должны ответить: "способствует ли снижение безопасности благополучию человека?", или "способствует ли мгновенное и безболезненное уничтожение всего человечества благополучию мира?", при том, что мы не можем определить, что есть сами по себе благополучие и счастье. Парадоксальные решения несчастий человечества [6] с их серьезными непривлекательными последствиями, которые легли в основу теории негативного утилитаризма, в 1958 году предложил шотландский писатель Родерик Н. Сمارт в ответ на рабо-

ту "Открытое общество и его враги" австрийско-британского философа Карла Поппера.

Суть книги Поппера, которая вышла тринадцатью годами ранее, построена на жесткой критике тоталитаризма, которой он подверг Гегеля и Маркса, прослеживая их идеи до Платона и Аристотеля. Книгой остался вдохновлен Джордж Сорос, но остался недоволен Родерик Сمارт, ставивший выше всего задачу максимизировать общий уровень счастья, для достижения которой следовало, по его мнению, свести к нулю все страдания. Счастье он положил в основу "благополучия", достичь которого можно, если не через "равное счастье всех", то через полное отсутствие несчастья. О чем уже другой Сمارт, – Джон С. Сمارт – в поддержку слов своего брата Родерика, пишет: "доброжелательный разрушитель мира должен убедиться, что все формы жизни унич-

САМЫЕ ПРОСТЫЕ ВЕЩИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ ОКАЗЫВАЮТСЯ САМЫМИ СПОРНЫМИ. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ?

тожатся, даже бактерии, растения и насекомые, чтобы обеспечить земной шар без боли на сотни миллионов лет вперед". [7, с. 45] Заключая, он предлагает приглядеться к другим планетам, где можно было бы начать всё с нуля. Британского философа-трансгуманиста Дэвида Пирса само вымирание человечества не приводит в откровенный восторг, разве только как одна из немногих возможностей обновления человеческих ресурсов и как условие, при котором на смену придут (транс)люди, то есть сверхразумные преемники – технически способные избавиться от жестокостей остального живого мира на Земле. [8]

Примечательно, что среди сторонников теории негативного утилитаризма и других его форм, российских исследователей нет.

Безопасно ли, таким образом, рядом с теорией негативного утилитаризма? Можно сказать, до недавнего времени статья шведского исследо-

Безопасно ли, таким образом, рядом с теорией негативного утилитаризма? Можно сказать, до недавнего времени статья шведского исследо-

вателя Саймона Кнутссона "Аргумент разрушения мира" [9] просто отдыхала на моем письменном столе. Но после того, как работа по переводу ее с английского на русский, была мною завершена, стало понятно, что без пояснительной записки или какого-либо сопровождения, публиковать ее неправильно, поскольку в процессе мне много раз приходилось вступать с автором в молчаливый спор. Потому что пояснительная записка и комментарии сильно разрослись в итоге, и потому что с вопросами безопасности и мира нужно обращаться бережно, здесь будет приведена рецензия на статью, а не сама статья.

Задача, которая стоит перед Саймоном Кнутссоном, заключается не только в схватке с теорией негативного утилитаризма, но со всем, что на нее похоже, как, например, "традиционный утилитаризм и приоритаризм (и даже с некоторыми теориями, которые не являются чисто консеквенциалистскими)" [9, с. 1006]. Основная часть исследования Кнутссона строится на разборе пяти типов "аргументов разрушения мира", которые призваны разоблачить доводы утилитаристов. Особенность приведенных Саймоном Кнутссоном аргументов в том, что они работают "в обе стороны", в зависимости от угла смотрящего. И в том виде, как их представляет автор они так же небезопасны, как небезопасны сторонники теории "очищения человеческого царства" от страданий путем исключения непосредственно пострадавшего. Предваряя потенциальные возражения по поводу формы аргументации, Кнутссон делает ремарку: "я сформулировал аргументы в терминах убийства, а не разрушения мира, потому что это проще и реалистичнее" [9, с. 1007]. Такая формулировка вызывает вопрос: насколько, по мнению Кнутссона, убийство всех живых существ на Земле, о чем он пишет в первом своем аргументе, "проще и реалистичнее" разрушения мира. Приведенные Саймоном Кнутссоном аргументы против теории разных форм утилитаризма выглядят следующим образом:

"Ликвидация: Кто-то может безболезненно убить всех людей или всех живых существ на Земле. Негативный утилитаризм подразумевает, что это было бы правильно.

Рай со страданием: Мир стал раем, но в нем были бы некоторые (возможно, легкие и кратковременные) страдания, если бы он остался. Кто-то может убить всех в этом раю мгновенно и безболезненно. Негативный утилитаризм подразумевает, что это было бы правильно.

Традиционное утилитарное устранение: Сумма положительного и отрицательного благополучия в будущем будет отрицательной, если люди или разумная жизнь продолжают существовать. Традиционный утилитаризм подразумевает, что было бы правильно безболезненно убить всех людей или всех разумных существ на Земле.

Субоптимальная Земля: Кто-то может убить всех людей или всех разумных существ на Земле и заменить нас новыми разумными существами, такими как генетически модифицированные биологические существа, мозги в чанах или разумные машины. Новые существа могут появиться на Земле или в другом месте. Таким образом, будущая сумма благосостояния стала бы (возможно, лишь немного) больше. Традиционный утилитаризм подразумевает, что было бы правильно убить и заменить всех.

Субоптимальный рай: Мир стал раем без страданий. Кто-то может убить всех в этом раю и заменить их существами с (возможно, лишь немного) более благополучными в сумме. Традиционный утилитаризм подразумевает, что это было бы правильно." [9, с. 1007-1008]

Возвращаясь к основной задаче исследования, которую поставил перед собой Саймон Кнутссон и которая состоит в том, чтобы убедить читателя в высокой степени опасности *не только* негативного утилитаризма, но и всех других его форм, в какой-то момент он переставляет акцент таким образом, что негативный утилитаризм опа-

сен не столько, как другие его менее радикальные формы.

"В конце концов, я нахожу предполагаемые последствия традиционного утилитаризма более нежелательными, чем выводы негативного утилитаризма". [9, с. 1009]

Окончательно забывшись, Кнутссон, помимо опровержения теории утилитаризма, приводит некоторые способы поддержки в ее пользу.

"Во-первых, в защиту традиционного утилитаризма можно сказать, что, по крайней мере, теория подразумевает только то, что было бы правильно убить всех в надлежащем подмножестве всех сценариев, в которых кто-то может убить всех. Это было бы правильно только в том случае, если бы оно приводило к сумме благосостояния, по крайней мере столь же великой, как сумма благосостояния, возникающая в результате любого другого доступного действия. Негативный утилитаризм не означает, что было бы правильно убить всех в таких сценариях, потому что в этих сценариях убийство всех увеличило бы негативное благополучие. Примером такого сценария является то, что все люди или все разумные существа на Земле могут быть убиты и заменены гораздо большим количеством существ, которые в совокупности испытывают как более положительное, так и более отрицательное благополучие, но с большей суммой положительных результатов минус отрицательные". [9, с. 1009-1010]

Формулируя "во-вторых", Кнутссон останавливается на замечании, что "убийство всех было бы правильным в меньшем количестве сценариев или меньшей доле возможных сценариев", что в свою очередь не ставит традиционный утилитаризм в выгодную позицию, поскольку, добавляет он, "такие разговоры о "меньшем количестве" или "меньшей доле" слишком неясны. Аргумент необходимо будет дополнить спецификацией того, как подсчитывается количество или доля возможных сценариев" [9, с. 1010]. Это

замечание – одно из немногих, в чем можно согласиться с Кнутссоном.

Продолжая рассуждать от лица утилитаристов, он приводит "в-третьих": "отрицательный утилитарист может утверждать, что потеря того, что в настоящее время существует на Земле, не будет большой потерей из-за следующего очень правдоподобного наблюдения: в целом, живущие на Земле живые существа живут ужасно плохо (в оригинале "*terribly badly*"). Ситуация не ужасна для каждого отдельного человека, но она ужасна, когда учитываются все люди." [9, с. 1010] Это определение Кнутссон не сопровождает какой-либо доказательной базой, критериями оценки, не подвергает сомнению, а заручившись словами автора книги "Лучше никогда не быть" южноафриканского философа и писателя Дэвида Бенатара, безапелляционно заверяет нас, что дело обстоит именно так. Тем не менее, заявление Кнутссона оспорить непросто, поскольку он "учитывает жизни всех людей", как среднюю "температуру по больнице": кому-то лучше, кому-то хуже, а в общем чувствуется сильное недомогание.

Далее Кнутссон принимается за животных и приводит выкладки с оценками уровня благополучия американских сельскохозяйственных особей на протяжении всей их жизни по шкале от "-10" до "10". Оценки благополучия были подготовлены экспертами по защите животных Ф. Бейли Норвуд и Сарой Шилдс. Самыми неблагополучными, согласно таблице, оказались куры, цыплята и рыбы, со средней оценкой "-7". Кнутссон предлагает для сравнения две шкалы:

"<...> первая оценка в паре – оценка Норвуда, а вторая – Шилдс. Их оценки следующие: коровы, выращиваемые на мясо – [6, 2]; молочные коровы – [4, 0]; цыплята, выращиваемые на мясо, – [3, -8]; свиньи – [-2, -5]; куры-несушки в клеточных системах – [-8, -7]. Шилдс оценивает благополучие рыбы на [-7]. Важно и, к сожалению, то, что самые многочисленные из этих животных (куры, цыплята и рыбы) имеют тенденцию,

за некоторым исключением, получать оценки около [-7] и [-8]. Это всего лишь суждения двух экспертов, и оценки Норвуда кажутся более оптимистичными. Мое мнение после изучения животноводства таково, что в целом ситуация с животными ужасна". [9, с. 1010-1011]

Саймон Кнутссон предлагает нам таким образом взглянуть на ситуацию с позиции крайнего утилитализма, сторонники которого вслед за агрономами сделали замеры общего уровня благополучия людей и пришли к неутешительным прогнозам, что "качество человеческой жизни не только намного хуже, чем думает большинство людей, но и на самом деле совершенно ужасно" [9, с. 1011], и вероятнее всего, по шкале от "-10" до "10" находится на том же уровне, что и у рыб, выращенных в неволе, – примерно, на "-8".

Сложно оценить, насколько серьезно или иронично был настроен сам Кнутссон, но переходя к "в-четвертых" он отмечает, что:

"можно было бы попытаться убедить себя в том, что интуитивно или не столь нежелательно, было бы правильно убивать всех в некоторых ситуациях, информируя их о том, каким может быть отдаленное будущее, или рисуя соответствующую картинку." [9, с. 1011]

Четвертый тезис, который приводит Кнутссон от лица утилитаристов, он приводит в поддержку сторонника утилитаризма Торбьёрн Тенншё, который

"благодарно писал о замене всех людей, но, насколько мне известно, не об убийстве и замене всех людей. Он мог, например, иметь в виду мирную, поступательную замену и трансформацию сознания общества. В любом случае, то, что он говорит, можно использовать для защиты убийства и замены всех." [9, с. 1011]

В запасе у Кнутссона, помимо "пятого", подготовлен также "заключительный" тезис, которые мы можем здесь без сожаления опустить, поскольку в пользу полного истребления человека Саймоном Кнутссо-

ном было сказано больше, чем он мог себе позволить в рамках статьи, нацеленной на приведение контраргументов, на опровержение теории утилитаризма и на торжество жизни над смертью.

Самый прочный аргумент и почти единственный, который приводит Кнутссон, чтобы осадить теоретиков тотального уничтожения мира, – это то, что "положительного благополучия" не существует вовсе. Это безусловно, так же верно, как то, что составляющие элементы благополучия множественны, частично объективны, но необязательно неотделимы друг от друга. Неоспоримо и то, что этими элементами являются счастье, удовольствие, дружба, значительные достижения, важные знания и автономия, и соответственно в объеме они должны значительно превысить страдания и боль, по сути сведя их к минимуму, чтобы максимизировать общее количество счастья на Земле. И если допустить вероятность снижения страданий и боли чисто теоретически возможно, то определения общего "количества счастья" или "количества несчастья" – нет. Вторым невозможным условием представляется то, что категории счастья и несчастья, успеха и провала составляют инверсионные пары, когда счастье одного может служить причиной несчастья другого, желание и реализация желания одного может нарушить желание и реализацию желания другого, профессиональный успех одного является следствием профессиональной ошибки другого и т.д.

Понятно, что теория о намеренном разрушении для будущего воссоздания улучшенной версии пустая и не способна заручиться здравым смыслом, и в то же время она достаточно безумная для безумного и поэтому может угрожать безопасности всего мира. Теоретики этого направления, которые по праву должны быть отнесены к экстремистам, предлагают рассматривать мир, как если бы это был смертельно больной, который лежит на операционном столе, при этом от того, как умело или не слыш-

ком умело управится хирург, ничего, в сущности, не зависит.

Возвращаясь к статье Кнутссона, довольно бегло в заключение он упоминает о ранее заявленном тезисе, что положительного благополучия не существует, и никто не обязан повышать положительное благополучие большинства людей, предотвращать снижение их положительного благосостояния или создавать множество новых существ с положительным благополучием, даже если ущерб при этом будет минимальным или даже нулевым. И полагаясь на довод об отсутствии предмета (а именно "наивысшего всеобщего счастья"), ради которого стоит грозить миру уничтожением всех разумных существ с целью последующего выведения новых – более счастливых, а значит, и более благополучных особей, ни одна из форм утилитаризма не является состоятельной и жизнеспособной для дальнейшего ее рассмотрения и применения к реальной жизни.

Послесловие

Наука о благополучии, которую в современных условиях нужно поспешить освоить, пока мир еще не утрачен окончательно, – это основа безопасного сосуществования. Если мы будем понимать благополучие слишком упрощенно, как что-то, что полагается нам как неотъемлемая данность, и как то, к чему мы не должны прилагать ни малейших усилий, в итоге нам не удастся получить ничего, за исключением полного "ничего". Именно теперь, запасшись опытом

накопленных разочарований, как никогда прежде, мы должны бодрствовать, ища новые пути спасения мира. Потому что в мире нет места, где можно было бы считать, что бедствие происходит где-то снаружи. И мы

не можем впасть в депрессию, потому что это такая роскошь, которую родители детей, страдающих от голода, не могут себе позволить. С другой стороны, когда мы берем на себя ответственность за боль другого, в ущерб своего благополучия и процветания, наша приверженность придает смысл всему и ставит нас выше тяжелых испытаний.

Примечания:

1. Bishop M. The network theory of well-being: an introduction // The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. 2012. Volume 7: Morality and the Cognitive Sciences. P. 1-29. DOI: 10.4148/biyclc.v7i0.1773.
2. Hooker B. The Elements of Well-Being // Journal of Practical Ethics 3 (1):15-35 (2015)
3. Rice Ch. Well-being and Animals // The Routledge Handbook of Philosophy of Well-Being/ In Guy Fletcher (ed.). New York, USA: Routledge. pp. 378-388 (2016)
4. Fletcher G. The Philosophy of Well-Being: An Introduction // Routledge (2016)
5. Fardell M. Well-Being as Need Satisfaction // Journal of Ethics and Social Philosophy 21 (3) (2022)
6. Smart, R. N. (1958). "Negative Utilitarianism". *Пазум.* 67 (268): 542-43. DOI: 10.1093/mind/lxvii.268.542. JSTOR 2251207.
7. Smart, J. J. C (1989). "Negative Utilitarianism". In Fred D'Agostino and I. C. Jarvie, eds., *Freedom and Rationality: Essays in Honor of John Watkins*. Kluwer. pp. 35-46., стр. 45
8. Pearce, David (2005). "The Pinprick Argument"
9. Knutsson Simon. The world destruction argument // *Inquiry*, 2021, VOL. 64, NO. 10, 1004-1023. DOI: 10.1080/0020174X.2019.1658631.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

“KANT: Social science & Humanities” (ISSN 2305-8757) – научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа. **Индексируется в РИНЦ.** Выходит с периодичностью четыре раза в год (январь, апрель, июль, октябрь) и предоставляет возможность опубликовать статью с результатами научных исследований. **Рекомендован ВАК** для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней. Издание предназначено для ученых, докторантов и аспирантов. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи по различным областям социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

Журнал “KANT: Social science & Humanities” издается по следующим отраслям наук:
5.4. Социология; 5.5. Политология; 5.10. Искусствоведение и культурология

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии *со следующими требованиями.*

- **Текстовый редактор** – Microsoft Word.
- **Формат** – А4.
- **Поля** – 2 см со всех сторон.
- **Шрифт** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).
- **Размер шрифта** – 14.
- **Межстрочный интервал** – 1,5.
- **Абзацный отступ** – 1,25.
- **Ориентация** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.
- **Редактор формул** – пакет Microsoft Office (MathType).
- **Графики, таблицы и рисунки** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.
- **УДК** (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udk-codes.net/>).
- **Соответствие Научному направлению.**
- **Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по те-

матике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков.

• **Ключевые слова и фразы на русском и английском языках** (не менее 7–10).

• **Фамилия, имя, отчество автора(ов)** (жирным шрифтом), **полное название представляемой организации (вуза), e-mail** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• **Название статьи** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• **Текст статьи** – выравнивание по ширине.

• **Список использованной литературы**, оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• **Рекомендуемый объем материалов** 2–3,2 печ. л. (16–25 полных страниц без учета библиографических ссылок).

1.2. Оформление сносок:

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАВТ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Именем файла является фамилия автора кириллицей или латиницей (например: Иванов.docx, Petrov.doc).

1.12. Заявки на публикацию и вопросы по порядку опубликования статей, оформлению документов и др. следует отправлять по электронной почте шеф-редактору журнала Григорьевой Марине Анатольевне на адрес: info@stavrolit.ru с пометкой в теме письма «Статья на рассмотрение KANT серия».

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи публикуются в журнале на основе рецензирования. Авторы предоставляют отзывы от лиц, имеющих ученую степень кандидата / доктора наук (в соответствии с тем научным направлением, по которому подана статья) – внешнее рецензирование.

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (далее – редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутреннее рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*
- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходимости ее доработ-

ки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

4.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:

- 1.1. Фамилия, имя, отчество _____
- 1.2. Ученая степень (при наличии) _____
- 1.3. Ученое звание (при наличии) _____
- 1.4. Место работы _____
- 1.5. Занимаемая должность _____
- 1.6. Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала) _____
- 1.7. Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации) _____
- 1.8. Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов) _____
- 1.9. Название статьи _____

4.2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

4.3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Title of the article in English

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD / DSc of Sociological science, Professor, Department of Sociology, Moscow State University, Moscow

The abstract should reflect the purpose of the research, the main content and novelty of the article in comparison with others related in subject and purpose, as well as the results obtained. The recommended average annotation size is 600 characters.

Keywords: words and phrases in the number of at least eight must be separated from each other by the sign [;].

Иванов Иван Иванович, кандидат / доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии, Московский государственный университет, Москва

ivanov@mail.ru (для сотрудника редакции)

Тел.: +7928-000-00-00 (для сотрудника редакции)

Почтовый адрес для пересылки авторского экз.: 000000, г. Москва, ул. Ленина, д. 145, кв. 15. (для сотрудника редакции)

Аннотация должна отражать цель исследования, основное содержание и новизну статьи в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению, а также полученные результаты. Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков.

Ключевые слова: слова и обороты в количестве не менее восьми должны быть отделены друг от друга знаком [;].

Социология

УДК 316.74

ВАК 5.4.4

Иванов И.И., 2023

Название статьи на русском языке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

- 1.
- 2.